

**РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ
ДРУГ ДРУГА: ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск шестой (I)

Москва – 2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Выпуск шестой (I)

Москва
2012

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

Данный, шестой сборник посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире.

В ноябре 2008 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». Прочитанные на ней доклады были положены в основу статей, составивших данный сборник.

Сборник построен по хронологическому принципу и состоит из трех частей: «Россия и мир в XV–XIX вв.», «Россия и мир в первой половине XX в.» и «Россия и мир во второй половине XX – начале XXI в.».

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В. Голубев

Члены редколлегии:
д-р ист. наук О.Г. Агеева, д-р ист. наук А.И. Куприянова,
д-р ист. наук В.А. Невежин

Рецензенты:
д-р ист. наук А.К. Соколов
канд. ист. наук Е.Н. Рудая

ISBN 978-5-8055-0231-7

© Институт российской истории
РАН, 2012 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В 1994–2008 гг. было проведено 16 заседаний «круглого стола» на тему «Россия и внешний мир»¹. На основе материалов первых «круглых столов» вышли два сборника научных трудов², а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998), получивших высокую оценку научной общественности³.

С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (М., 2000–2009. Вып. 1–5).

Данный, шестой выпуск посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире⁴.

В ноябре 2008 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». Прочитанные на ней доклады были положены в основу статей, составивших данный сборник.

В работе конференции приняли участие научные работники и преподаватели ВУЗов, представлявшие не только Москву, но и другие регионы России: Белгородскую, Брянскую, Ивановскую, Нижегородскую, Орловскую, Ростовскую, Самарскую, Саратовскую, Свердловскую и Челябинскую области, Краснодарский край, Удмуртию; был и представитель Украины.

Всего было заслушано и обсуждено более 40 докладов, при чем некоторые из них вызвали оживленные и продолжительные дискуссии. Как подчеркивали участники конференции, актуальность поставленной проблемы и уровень ее обсуждения позволяет надеяться на новые плодотворные встречи. Особо был отмечен широкий спектр рассматриваемых проблем, неформальный характер общения на конференции. Были предложены новые подходы к изучению актуальных проблем – в какой-то степени, это была попытка выработки новой методологии, сочетающей в себе исторические, культурологические и социологические проблемы. Кроме того, участники конференции обратили внимание на ее актуальность с точки зрения интеграции академической и университетской науки.

Сборник построен по хронологическому принципу и состоит из трех частей: «Россия и мир в XV–XIX вв.», «Россия и мир в первой половине XX в.» и «Россия и мир во второй половине XX – начале XXI в.».

¹ О работе «круглого стола» см.: Голубев А.В. Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. М., 2008. Вып. 7. С. 400–410.

² Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.

³ Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6; Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 265–276.

⁴ Подробнее см.: Голубев А.В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

I. РОССИЯ И МИР В XV–XIX вв.

Пенской В.В.

«КОНСТРУИРУЯ РОССИЮ»: Формирование образа России и русских в западноевропейской литературе конца XV – первой половине XVI в.

Проблема взаимного непонимания и отторжения Западной Европы и России имеет многовековую историю. Антитеза «Западная Европа – Россия» начала формироваться очень и очень давно. Уже в начале XVI в. в сочинениях первых путешественников, побывавших в Московии, начал вырисовываться облик страны, весьма далекой от западноевропейской культуры. В дальнейшем этот образ «дикой» и «варварской» страны получил дальнейшее развитие и закрепление. Россия стала восприниматься еще и как некая нависающая над Европой враждебная сила, несущая неясную и от того еще более страшную угрозу. Эта традиция воспринимать Россию как часть Азии, откуда Запад, еще со времен греко-персидских войн, привык ожидать вторжения орд варваров, как «чужого», угрожающего самим основам западноевропейской цивилизации и системы ценностей, чрезвычайноочно укоренилась в западноевропейском общественном сознании. Представления о России как «конституирующем чужом» оказывало и продолжает оказывать негативное воздействие на развитие взаимоотношений России и Европы, что наглядно подтвердили события последнего времени. Оказалось, что несмотря на беспрецедентные по своим масштабам уступки, на которые в 90-х годах минувшего столетия и в начале нового века пошла Россия в попытках «встроиться» в западные политические, экономические и иные структуры, она по-прежнему остается «чужой». Прав был отечественный историк А.И. Миллер, который отмечал, что «Россия не может лишь по собственной воле изменить свою роль и свой образ. Не

Россия поместила себя вне Европы, и не только от России зависит это преодолеть...»¹. Очевидно, что усилия изменить существующий образ России, ее «ментальную карту», должны осуществляться с обеих сторон. Вполне очевидно, что усилия с одной только российской стороны не дают желаемого результата. Более того, за пределами России, особенно в странах «новой», «молодой» Европы, господствующим является то политическое течение, в расчеты которого входит и дальше использовать негативный образ России и русских, ту «ментальную карту» варварской, нецивилизованной Московии, с целью получить вполне определенные политические и иные выгоды². Попытки новой, посткоммунистической России обозначить свое видение основных международных проблем, потребовать от партнеров учитывать в своих действиях и российские интересы встречают нарастающее сопротивление со стороны влиятельных политических кругов как в «старой», так и в особенности в «новой» Европе и тем более в Америке – признанном лидере западного мира.

Естественно, что в этих условиях неизбежно возникновение интереса к проблеме происхождения нарисованной почти исключительно черными красками «ментальной» карты России. Когда и, самое главное, как в западном общественном сознании сформировался образ России как «Другого», причем «другого» враждебного, чуждого, представляющего собой угрозу для «цивилизованного» западного мира?

Американский исследователь Л. Вульф, анализируя сочинения ряда авторов эпохи Просвещения на предмет создания «ментальной» карты Восточной Европе, высказал идею о том, что именно в XVIII в. произошла смена прежней дихотомии «Север – Юг» на оппозицию «Запад – Восток»³. С мнением американского историка в каком-то смысле можно согласиться, однако только в том случае, если исходить из того, что Европа заканчивается, как отмечал С. Хантингтон, там, где заканчивается западное христианство⁴. Однако очевидно, что граница между католицизмом и его ответвлением протестантизмом и православием вовсе не означает наличия именно по этому рубежу четкой границы между Западом и Востоком, Европой и Азией. Россия, во всяком случае Московское государство до 80–90-х годов XVI в., до начала широкомасштабной экспансии в Сибирь, совершенно точно являлась частью

Европы, а именно ее восточной частью. Между тем даже предварительный анализ основных сочинений западноевропейских авторов эпохи Ренессанса и раннего Нового времени на «русскую» тематику показывает, что с точкой зрения Л. Вульфа согласиться довольно сложно. Процесс постепенного изменения западноевропейской «ментальной» географической парадигмы начался не в XVIII в., а намного раньше, на рубеже XV–XVI вв., когда Запад неожиданно для себя «открыл» Россию. Обращает на себя внимание также и тот факт, что «открытие» России по времени практически совпадает с открытием Нового Света, Америки, и с серьезными переменами внутри самого европейского общества и цивилизации. Вряд ли такое совпадение может считаться случайностью. Переживая переломный, мучительный момент в своей истории, находясь на переходе от Средневековья к Новому времени, рождающееся новое европейское общество остро нуждалось в своеобразном «зеркале», новом «Другом», смотря на которого новая Европа могла снова ощутить себя как некую идентичность, отличную от всех остальных, ее окружающих.

В этой связи представляется ценной мысль, высказанная В.М. Тюленевым, о необходимости «преодолеть традиционный функциональный подход современных историков к произведениям исторической прозы, перестать видеть в них исключительно поставщиков информации и оценивать античного или средневекового историка (в нашем случае – писателя эпохи Ренессанса и раннего Нового времени. – П.В.) только по его “честности”, “непредвзятости”, “аккуратности в отборе информации”. Представляется более важным, что каждый писатель, бравшийся за перо историка, обладал некоторой суммой взглядов на прошлое и настоящее, философией истории, исходя из которой, он и организовывал исторический материал...»⁵.

Таким образом, можно сказать, что для изучения особенностей генезиса той негативной «ментальной» карты России в западноевропейском сознании наибольший интерес представляет прежде всего та «искоторая сумма взглядов», та исходная матрица, которая ложилась в основу всякого повествования о России, вышедшего из-под пера европейца независимо от того, был ли он сам в Московии или же пользовался сведениями тех, кто там был. Представляется чрезвычайно интересным и полезным найти ответ

на вопрос – что явилось той исходной «матрицей», «формой», на основе которой и конструировалась европейцами «ментальная карта» Московии, обобщенный образ загадочного восточного государства, кто был автором этой «матрицы», если он вообще может быть идентифицирован, каковы были основные направления эволюции этой «ментальной карты» в последующие столетия. Лишь ответив на эти вопросы, можно понять, что в показаниях европейцев о Московии было истиной, а что – своеобразной данью «великому историческому стереотипу» (А.Л. Янов).

В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что конструирование «ментальной карты» Московии происходило под сильным влиянием античной традиции и свойственным ей противопоставлением «Европа – Азия» и «эллины (позднее римляне) – варвары». Европейский образованный мир эпохи Ренессанса с его уважением и почтением к этой традицией не мог пройти мимо этой антитезы и не использовать ее в своих попытках позиционировать Европу в окружающем ее мире. И поскольку Россия возникла совершенно неожиданно для Европы и как бы ниоткуда, то неизбежно встал вопрос о том, где она, Московия, должна быть размещена – в Европе или в Азии. Ответ на него во многом зависел от ответа России на предложение Европы (точнее, наиболее влиятельных в тот или иной момент политических сил в Европе), суть которого заключалась, на наш взгляд, в присоединении Москвы к одному из формирующихся религиозно-политических блоков, католическому (он же антиосманский) или протестантскому (он же антикатолический). Однако так как Москва не выразила явного желания примкнуть ни к одной из сторон назревающего большого европейского конфликта, а попыталась вести свою «игру», то и решение Европы было однозначным – Московия является частью Азии. Она стала «Чужим» с соответствующим набором качеств, свойственных азиатским варварам, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По нашему мнению, формирование образа России в западноевропейском общественном сознании прошло ряд основных этапов, изменяясь вслед за изменением общего отношения к России и русским со стороны ведущих европейских держав. Самые ранние упоминания о Руси после монгольского завоевания в западноевропейской литературе относятся к первой половине XV в. Один из

первых путешественников, посетивших в это время Русскую землю и оставивший после себя записки, бургундец Ж. де Ланноа, был довольно нейтрален в своих оценках увиденного. Единственное, что вызвало у бургундца неподдельное удивление, – так это непривычные для него русские морозы⁶. Примерно в том духе выдержаны сведения, что сообщает о Московии уже времен Ивана III И. Барбаро, венецианский дипломат⁷, и его земляк А. Контарини⁸. Единственное, что можно истолковать как некий негатив, – так это подчеркивание Контарини того, что русские, придерживаясь православия, полагают латинян «вовсе погибшими людьми», являются «величайшими пьяницами» и в целом «грубым народом»⁹.

Чем было вызвано такое в целом индифферентное отношение – возможно, ответ на этот вопрос кроется в той сложной дипломатической игре, которая шла в последней четверти XV – первой четверти XVI в. в центральной, юго-восточной и восточной Европе. В борьбе за доминирование в этом регионе сошлись Габсбурги и Ягеллоны, свой интерес преследовали Венецианская Сеньория и римская курия, не говоря уже о других играющих. И над всем этим регионом подобно грозовой туче нависала Османская империя, чье могущество после падения Константинополя непрерывно возрастало. На первых порах молодое Московское государство, занятое собственными проблемами и не вступавшее в тесные контакты с ведущими державами того времени, не вызывало у них серьезного интереса. Однако в 70-х годах XV в. ситуация начала постепенно меняться. В поисках потенциальных союзников в борьбе с османами Венеция, а затем Рим обратили свои взоры на Восток, к установлению более тесных контактов с Москвой стали стремиться Габсбурги, которым нужен был партнер сначала в их противостоянии Ягеллонам, а затем и для борьбы с турками¹⁰. С началом же Реформации римская курия в еще большей, чем ранее, степени стала проявлять заинтересованность в установлении близких отношений с Москвой. Надежды на присоединение московитов к униону с римской церковью тешили сердце римских пап в то время, когда начавшаяся Реформация подобно лесному пожару распространялась по Германии и окрестным странам. Отнюдь не случайно А. Кампензе в своем послании папе Клименту VII писал, что «чем может более обессмертиться имя

Ваше в позднем потомстве, как не воспоминанием о том, что в управление Ваше, по Вашей деятельности и Пастырскому попечению, все Московитяне возвратились в лоно истинной церкви и народы отдаленной Скифии прибегли под покровительство Римского Первосвященника. От одной мысли о сем Лютеране, эти неистовые безумцы, дерзнувшие восстать противу чести и могущества престола Вашего, горестно застонут и покроются вечным стыдом...», и к тому же обращение это полезно будет еще и тем, что «пособие их (московитов. – П.В.) будет для нас весьма важно противу ярости мусульман...»¹¹.

И в самом деле, почему Московия не могла последовать примеру Византии? Уж если склонили свою «выю» гордые и надменные греки, то почему это не могут сделать московиты? И почему бы московским великим князьям («герцогам») не согласиться на лестное для них предложение обрести королевский статус и тем самым войти в состав семьи европейских монархов в качестве вассалов самого римского императора? Однако расчеты папства и Габсбургов покоились на песке. Хитрые, себе на уме, московиты воспользовались открывшейся дверью на Запад для того, чтобы позаимствовать там то, что их больше всего занимало, – плоды научно-технического прогресса, не меняя при этом своего образа жизни, своей веры, основ своей цивилизации. Предложения Запада неизменно отвергались Москвой, которая вовсе не собиралась быть игрушкой в чьих-либо руках.

Между тем ситуация вокруг России стала постепенно меняться, и не в лучшую сторону. Рим и империя постепенно разочаровались в Москве как в перспективном младшем партнере. К тому же можно согласиться с мнением С. Хантингтона, отмечавшим, что начиная с 1500 г. формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в *пределах западной цивилизации* (выделено нами. – П.В.). Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны против друг друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...»¹². Можно предположить, что если Москва отказалась бы от претензий на самостоятельность и примкнула бы к одному из формировавшихся в то время в Европе блоков, ситуация могла бы развиваться и по иному пути. Однако это-

го не произошло. Она по-прежнему вела себя достаточно независимо и преследовала во внешней политике свои собственные интересы, отнюдь не стремясь следовать в фарватере какой-либо из боровшихся за гегемонию в Европе сил. В итоге благожелательный нейтралитет Запада по отношению к России сменился неприязнью, более того, негативные настроения постепенно усиливались. И эта перемена достаточно четко прослеживается в сообщениях иностранцев о России. И если, к примеру, Павел Иовий достаточно благожелательно описывает быт и нравы московитов¹³, равно как и М. Меховской в своем «Трактате о двух Сарматиях», то уже Ф. да Колло едва ли ни первым подчеркивает неслыханную, едва ли не тираническую, по его мнению, степень власти Василия III («...нет здесь никакого писаного закона, но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почтается за закон, и настолько ему все подчинены что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, – принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий...»¹⁴), перекликаясь в чем-то с теми путешественниками, что описывали власть османского султана над своими подданными.

Однако сочинение да Колло вышло в свет только в начале XVII в., и до того о его сочинении было известно очень немногим. Уже поэтому он не может претендовать на роль автора той самой «матрицы», о которой шла речь выше. К тому же оно очень небольшое по объему и отнюдь не носит, если так можно выразиться, энциклопедического характера. Совсем не так выглядит другое сочинение о Московии первой четверти XVI в. Речь идет о знаменитом трактате барона С. Герберштейна, который дважды, в 1517 г. и 1526 г., побывал в России в качестве имперского посланника. Хорошо принятый, барон не только получил уникальную возможность ознакомиться на месте с объектом своих интересов,

но и имел шанс получать необходимые сведения из первых рук, чем не преминул воспользоваться. В итоге его объемистое сочинение произвело настоящий фурор в свое время и до наших дней сохраняет значение как один из важнейших источников для изучения истории Российского государства и общества во времена Василия III и для понимания особенностей процесса складывания того негативного образа Московии в сознании западноевропейского общества. Одним словом, оценка, данная его произведению Ф. Аделунгом более полутора столетий назад, в целом не устарела и по сей день: «Барон Герберштейн есть один из важнейших древних писателей о России... До появления в свете сочинения его о России, в Западной Европе имели о ней только отрывочные, и на половину ложные, известия, вообще как о стране, которая и естественным положением, и нравами, и языком жителей, не представляла с ней ничего общего. Герберштейн, превосходя своих предшественников более основательными познаниями, и, находясь, в сравнении с ними, в гораздо лучших обстоятельствах, написал, истинно классическое в своем роде, сочинение (выделено нами. – П.В.)...»¹⁵.

Вне всякого сомнения, Герберштейн в лучших традициях образованного человека эпохи Ренессанса, обладая при этом пытливым умом, наблюдательностью и, в отличие от многих других своих предшественников и последователей, определенными знаниями славянского языка, постарался быть объективным и рационально мыслящим наблюдателем. Однако насколько это ему удалось? И здесь, пожалуй, можно сказать, что если бы его книга вышла в свет сразу после его последнего путешествия в Россию, возможно, ответ на этот вопрос был бы скорее положительным, нежели отрицательным. Однако книга его вышла в свет спустя почти четверть столетия, в совершенно иной исторической обстановке, и недостатки, присущие книге Герберштейна, вышли на первый план. Для него было очевидным, что Москва расположена скорее в Азии, чем в Европе, а сами русские – варвары (хотя и в меньшей степени, чем, предположим, татары и «самоядь», о которой ему рассказывали русские¹⁶). В то же время, по мнению Герберштейна, собственно московиты выглядят менее цивилизованными, нежели, к примеру, псковичи¹⁷. И хотя, давая такую характеристику, он, видимо, не преследовал цель как-то «уязвить» мос-

ковитов (здесь стоит согласиться с мнением И. Нойманна, который указывал, что «...в этот период цивилизованность не была привязана к географическому месту и не имела разновидностей. Еще не существовало различных “цивилизаций”, был только цивилизованный мир и нецивилизованный, т.е. варварский или дикий. Однако там, где Герберштейн касается этой проблемы, возникает очевидное противоречие...», т.е. для самого Герберштейна этот вопрос не был окончательно разрешен¹⁸), тем не менее, «нужное» слово и в «нужное» время было произнесено. Церемония посажения Ивана IV на царство и требование Москвы признания за русским государем его нового статуса привело к резкому обострению и без того непростых отношений между Москвой и Вильно, а с началом Ливонской войны московский государь превратился в «наследственного врага христианства», а его подданные – «в кровавых собак московитов»¹⁹. Попытка Москвывести собственную, независимую внешнюю политику, войти в ту самую систему, о которой писал Хантингтон, не удалась. Отказавшись от церковной унии с Римом, от предложения стать вассалом Римской империи и в то же время не примкнув к протестантскому блоку, Россия стала одинаково чужой и для тех, и для других. Этим не преминули воспользоваться в Литве и Польше, которые развернули против Москвы настоящую пропагандистскую войну.

Эту войну они выиграли, как и войну Ливонскую. Однако если итоги второй в конце концов Россия силой оружия пересмотрела, то результаты поражения в первой ощущаются и до сих пор. Подчеркивание «татарской» и «турецкой» московитов-русских, отчетливо прозвучавшее в сочинении Герберштейна и с тех пор ставшее общим местом сдва ли не во всех сочинениях иностранцев о России²⁰, преследовало собой цель представить их как истинных варваров, варваров, так сказать, par excellence, а значит, показать их «инаковость» по отношению к истинным европейцам. К тому же «схизматичность» русских, их приверженность православию ставила их вне христианского мира, а значит, и за пределами Европы²¹. Как следствие, возникло представление о Речи Посполитой как о передовом бастионе Европы (читай – «христианского мира») перед наступающим с юга (турки) и востока (русские) новым варварством. Со второй половины XVI в. эти мотивы

будут активно эксплуатироваться как в «ближнем» зарубежье России, так и в «дальнем» (подразумевая под ними центральную и западную Европу соответственно), как только отношения между Россией и европейскими государствами по тем или иным причинам начинали обостряться.

- ¹ Миллер А.И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизаций в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 9.
- ² См., например: Его же. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 75–96.
- ³ Примечательно, что эта идея переориентации оси политической, экономической, культурной жизни Европы прослеживается и в работах историков французской школы «Анналов», например, того же Ф. Броделя. Их концепция нашла свое отражение в словах П. Шоню о Европе, покинувшей Средиземноморье. См.: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 19–21.
- ⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 243–244.
- ⁵ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 9, 10.
- ⁶ Путешествие Гильбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 27.
- ⁷ Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 158, 159.
- ⁸ Контарини А. Путешествие в Персию // Там же. С. 228–230.
- ⁹ Там же. С. 229.
- ¹⁰ См., например: Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. IV. С. 11; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства, вторая половина XV века. М., 2001. С. 225–248; Хорошевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 176–196, 198, 199, 205–208.
- ¹¹ Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 11, 12.
- ¹² Хантингтон С. Указ. соч. С. 16.
- ¹³ Павел Иовий Новокомский. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 41–53.
- ¹⁴ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Москве. М., 1996. С. 59, 60. Поражает также почти дословное сходство слов да Колло и С. Герберштейна о власти московского государя, что

невольно наводит на мысль о существовании определенного влияния их друг на друга или единого источника такого рода информации.

¹⁵ ЧОИДР. 1863. Ки. 1. Ч. IV. С. 106. Разд. паг.

¹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 132, 139, 158, 169, 181.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 107. Как отмечала А.Л. Хорошевич, в сочинении немецкого барона «чувствуется снобизм европейца, овладевшего всей полнотой античного наследия, по отношению к тем, кому еще не довелось изучить его так основательно. Но этим грешит не только Герберштейн. Это обычный тон, например, в итальянских описаниях немецких городов и земель, жителей которых они постоянно относили к «варварам»...» (Хорошевич А.Л. «Этот Герберштейн – исторический родоначальник европейских сказочников о нашем отечестве» // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 42). Интересная параллель напрашивается, к примеру, из сочинений М. Лютера. Так, в своем послании «К христианскому дворянству немецкой нации» он неоднократно с сарказмом называет немцев «пьяными дикарями» и подчеркивает, что «обжорство и пьянство» считаются особым, только немцам присущим пороком, из-за которых о них, о немцах, идет «недобрая слава в чужих краях» (Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // Лютер М. 95 тезисов. СПб., 2002. С. 30, 31, 42, 84). Подчеркивая приверженность московитов к пьянству, не намекал ли тем самым Герберштейн на то, что немцы не такие уж и «дикари», поскольку есть еще большие, чем они, «дикари» – русские? Ведь обжорство и пьянство со времен античности считались своего рода индикатором «варварства», и церковь, к примеру, боролась с неумеренностью в еде и питье со времен Средневековья. (См., например: Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб., 2006. С. 127).

¹⁹ См.: Хорошевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 207.

²⁰ Характерный пример – стихотворные послания Дж. Турбервилля, в которых он сравнивает русских с ирландцами, которые для «просвещенного» англичанина были типичными «дикарями», грубыми и кровожадными (Турбервилль Дж. Послания из России // Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 261–268. О «варварстве» ирландцев см., например: Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры 950–1350 гг. М., 2007. С. 29, 30).

²¹ См.: Нойманн И. Указ соч. С. 108.

РУССКИЕ МОНАХИ О ЕГИПТЕ XV СТОЛЕТИЯ

История отношений между Россией и Египтом уходит своими корнями в раннее средневековье. Первые упоминания о Египте содержатся в Священном Писании, «Толковой палее» – богословском трактате конца XII – начала XIII в. и в «Повести временных лет», где летописец подробно рассуждает о расселении народов и приводит библейскую легенду о разделении земли между сыновьями Ноя после потопа: Симу – Ближний и Средний Восток, Азия; Хаму – Эфиопия, Египет, Киренаика, Ливия, Нумидия, Мавритания, «река Геона, иначе называемая Нил»; Иафету – более северные страны, в том числе славянские и др.¹

Как свидетельствуют источники, связи между двумя странами осуществлялись через Кавказ и Волгу посредством торговых купеческих караванов и церковно-дипломатических миссий, а русские путешественники начали интересоваться Египтом уже в XIV–XV столетиях. К этому времени завоеванный турками-османами Константинополь почти утратил значение основного паломнического центра и взоры русского православного монашества обратились к святым местам Египта и Синая. Начиная со второй половины XV в. святыни северо-восточной части африканского континента вызывают пристальный интерес у путешественников из русских земель, что тесно связано с традициями благотворительности Русского государства и русской православной церкви святым местам Палестины и Египта.

Первые известия о Египте попали на Русь с началом «хождений» русских паломников в Святую Землю, в Палестину, на Синай и Египет. Они дошли до нас благодаря путешествиям, предпринятым в 70-е годы XIV столетия архимандритом Агrefением и в середине XV в. иноками Зосимой и Варсонофием. Эти описания легли в основу средневековых представлений Руси о природе, народонаселении, верованиях, традициях, обычаях и культуре Египта.

Египет – вторая родина Христа, поэтому неудивительно, что православные монахи, посвятившие себя Богу через принятие

обетов, испытывали особое благование, описывая места, связанные с Ветхозаветной историей и жизнью Спасителя. Одним из ранних такого рода памятников, в котором говорится о Египте, является «Хождение архимандрита Агrefения (Грефения) обители пресвятые Богородицы». Архимандрит – это служитель средней (или второй) степени христианской церковной иерархии, высший монашеский чин, почетный титул настоятелей крупных мужских монастырей. Я.И. Горожанский приписывал авторство хождения известному духовному писателю XIV в. Епифанию Премудрому и датировал текст концом XIV в. – началом XV в.² Другой исследователь этого источника архимандрит Леонид обстоятельно доказывал смоленское происхождение автора и отметил написание его хождения к 70-м годам XIV столетия по упоминанию египетского митрополита Германа³.

Свое путешествие Агrefений начал в Москве, оттуда через Тверь, Белгород и Константинополь прибыл в Александрию и Каир, а затем в Дамаск, Иерусалим и Антиохию. В тексте хождения основное внимание уделено Палестине и Иерусалиму. Но есть очень интересная таблица, в которой автор указывает пройденное расстояние как в днях пути, так и в верстах: от Газы до Египта 12 дней пути, от Египта (Каира?) до Александрии 6 дней, а до Синайской горы 15 дней. Эта информация свидетельствует не только о пристальном внимании Агrefения к этому региону, но и о возможном его пребывании в тех местах⁴.

К 1419–1422 гг. относится «Хождение инока Зосимы» – иеродиакона Троице-Сергиева монастыря – в Византию и Палестину. Сведений о нем мало. Известно, что на Восток он путешествовал дважды и подробно описал византийскую столицу накануне захвата ее турками: «А во Египте султан, сиречь царь, имя ему Тотар, а в Дамаске Цембак»⁵. Этот список, по мнению академика И.Ю. Крачковского, отличался «большой точностью»⁶.

Первым свои заметки о путешествии в Египет (на Синай) оставил инок Варсонофий. Он совершил путешествие на Восток дважды: первое в 1456 г. в Палестину и Иерусалим, второе в 1461–1482 гг. в Египет, Синай и повторно в Палестину. Прямых

сведений о личности путешественника источники не сохранили, поэтому вопрос о происхождении Варсонофия сложен. Тем не менее, в его путевых записках исследователи обнаружили доказательства, позволяющие предположить, что родиной путешественника была Северо-Западная Русь (Смоленск или Полоцк): в языке имеются следы северо-западного русского говора. Косвенные источники свидетельствуют, что до 1475 г. Варсонофий состоял игуменом, т.е. настоятелем, Бельчицкого монастыря в пригороде Полоцка, а затем был переведен в один из новгородских монастырей и стал духовником новгородского архиепископа Ионы. Русского путешественника доброжелательно приняли в Каире, создав необходимые условия для путешествия, что можно объяснить стремлением Египетско-Сирийского султаната мамлюков установить добрые отношения и надежные связи с православной Русью в целях защиты своего государства от турецких завоеваний. Не исключено, что Варсонофий мог быть официальным представителем русского духовенства, а не простым частным паломником.

Являясь духовным лицом, он наибольшее внимание уделял описаниям христианских святынь и церквей Каира, который, как и последующие путешественники, отождествлял с Египтом. Старый город Варсонофий называет Старый Мисюрь (Миср, арабское название), подробно описывает положение Каира и реку Нил: «Град же Египет стоит великий на ровном месте, под горою, поперек града есть две мили, а в длину двенадцать миль. Под него же течет река из рая – златоструйный Нил, и другое имя реке Геон». Варсонофий упоминает о «древесах», на которых растет «дивный мед», возможно, вид тростника, но названий растений не приводит, пишет о лютом звере (крокодиле), рассказывает о саде бальзамов, о Матарии – районе, где побывало святое семейство, а также о Синае, куда шел с караваном верблюдов пятнадцать дней, о монастыре Святой Екатерины и его окрестностях. Напомним, что Синаем традиционно называется южная часть Палестины, представляющая собой полуостров треугольной формы, север которого омывает Средиземное море, на востоке Эйлатский залив, а на западе – Суэцкий пролив. Основная часть полуострова соединена со Святой Землей, естественным продолжением южной части которой он и является. Благодаря своему географическому положению Синай издавна играл важную стратегическую роль, являясь

мостом, соединяющим Египет со странами Востока. На протяжении всех эпох путешественники и купцы, следя из стран Востока и Азии в Египет и оттуда – в различные порты Средиземноморья и обратно, проходили через Синайский полуостров. Через Синай прошли Моисей с двенадцатью племенами Израиля после их исхода из Египта на пути в Святую Землю. Их сорокадневное скитание по стране Синайской придали Синаю важное религиозное значение. Для нас же примечателен тот факт, что информация Варсонофия об этих местах впервые познакомила русских читателей с синайскими святынями – памятниками нетхозаветных времен, связанными с событиями жизни пророка Моисея, горой Десяти заповедей, горой Хорив, где расположена пещера пророка Ильи, монастырем Святой Екатерины и другими святынями, ставшими крупнейшими центрами синайского монашества. Заслугой Варсонофия явилось также составление перечня находящихся на Синае православных церквей, что было осуществлено им впервые в русской истории и литературе.

Совсем иные сюжеты привлекают гостя (купца) Василия, жителя одного из городов на р. Оке, который совершил путешествие на Восток – в Малую Азию, Египет и Палестину чуть позднее Варсонофия, в 1465–1466 гг., «пре великому князе Иване Васильевичи всеа Руси Московскому»⁷.

Гость Василий пересек Малую Азию, как не ходили паломники ни до, ни после него. Путь из Бурсы – столицы Османской империи до Каира занял 100 дней, в Каире он пробыл около месяца. На обратном пути посетил палестинские святые места и города эмирства Караман – Адану, Антиохию и др. Определяя причину, побудившую его отправиться в путь, гость Василий отметил, что пожелал увидеть святые места «...и сподоби мя Бог видети и поклонихомся Святым местом...». Но само содержание путевых записок с большим основанием позволяет утверждать, что не только паломнические стремления увидеть христианские достопримечательности Востока заставили Василия пуститься в столь опасное и трудное путешествие. Н.И. Прокофьев, изучавший хождение гостя Василия, предположил, что целью путешествия было установление дипломатических и торговых связей со странами Малой Азии и Египетско-Сирийским султанатом мамлюков, а также выяснение положения, сложившегося в межгосударственных отно-

шениях в этом регионе. В период путешествия Василия здесь за-вязывались важные узлы международных событий, столь взволновавших Европу и Русь. На юго-западных границах, у Турции появился грозный противник – государство белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу), правитель которого Усун-Хасан (Асанбек) нанес туркам поражение, что ослабило их агрессивные устремления в Европе. Агрессивность Османского государства вызывала тревогу у эмирата Караман и Египетско-Сирийского султаната мамлюков⁸.

Проходя разные города, гость Василий упоминает не только о храмах христианских, там находящихся, но и об укреплении городов, о торгах, мельницах, банях, о караван-салях. Описывая практически все города Египетско-Сирийского султаната, гость Василий обращает пристальное внимание на оборону и водоснабжение городов. Со знанием дела он отмечает, что вокруг города Алеппо – «большой внешний город», где находится множество торгов и бани; «От Дамаска три дня пути до Якавлева моста. Караван-сарай у моста того величественен...». Описание Каира отличается от изложения Варсонофия. Если иеромонах Варсонофий описывает в основном христианские храмы Каира, то гость Василий гораздо больше интересуется городской жизнью и бытом кайрцев: «Египет – град весьма велик, а в нем 14 тысяч улиц, да во всякой улице по двое ворот и по две стрельницы, да по два стражи, которые зажигают масло на свече; да в иных улицах домов по 15 тысяч, а в иных улицах до 18 тысяч дворов, да на всякой улице по торгу великому, а улица с улицей не знается, опричь великих людей». Приведенное описание показывает, что огромный разноязычный Каир оставил яркое впечатление у русского путешественника.

Последним в XV в. «во граде Египте» оказался представитель администрации молодого централизованного государства – Руси – казначей великого князя Ивана III Михаил Григорьев (Гиреев), имя которого А.А. Шахматов отождествлял с именем знаменитого дьяка во Пскове Михаилом Григорьевичем Мунехиным (по прозвищу Мисюрь)⁹.

Статьи о Ближнем Востоке включены в конец отдельных списков «Хронографа Русского» редакции 1512 г. В некоторых сохранившихся списках автором статей о Египте назван «казначей

Михаил Григорьев», в других – «Михаил Гиреев»¹⁰. Как полагают исследователи, в 1492–1493 гг. Михаил Григорьев совершил путешествие на Восток не случайно, а с целью раздачи великокняжеской милостины христианским церквям на Православном Востоке, и уже по возвращении был назначен дьяком Казенного Приказа¹¹.

Посетив Каир, Иерусалим, Царьград и другие страны, оставил краткое описание своей поездки – всего две страницы, на которых описал Каир, перечислив общее количество мечетей, караван-сараев, городских улиц, бани, встреченных им на пути, и сравнив дворец султана по размеру с Кремлем в Москве. В Египте наш соотечественник находился сорок дней и успел, кроме Каира, посетить знаменитый Синайский монастырь. Все остальные города и страны, где ему суждено было побывать, Михаил Григорьевич лишь упомянул в конце своего рассказа. О том, что он не писал, а диктовал писцу свои паломнические воспоминания, говорится в самом источнике: «а сказывал сие великого князя казначей Михаило Григорьев, а был скажет послом во Египте... и во Иерусалиме, и в Венеции, и в Риме, и в Царьграде. И в Солуне... и в Никей, и в Синайской горе, и во Святой горе, и во Ефесе, и во Едесе и все грады тамошни сподобил Бог видети, и по морию от всю страну Царяграда и скифские многие грады видел и ехал по тем градом ничем не вредим Божию милостию»¹².

Первое вполне достоверное известие об этом неординарном человеке относится к 1502 г., когда он присутствовал в качестве пристава на приеме посла султана Кафы Алакоза. В 1510 г., сразу после присоединения Пскова к Русскому государству, Михаил Григорьевич был оставлен в должности дьяка при двух великокняжеских наместниках и занимал эту должность до самой смерти. Дьяки принадлежали к самой образованной части русского общества и, по сути, были великокняжескими чиновниками, представителями формирующейся русской бюрократии. Тот факт, что он оставался в этой должности постоянно, в то время как за этот же срок сменился целый ряд наместников, позволяет предположить, что Михаил Григорьевич был одним из самых доверенных лиц великокняжеской власти. Фактически он управлял всеми делами Пскова, успешно справляясь с административными, военными, внешнеполитическими, в т.ч. и дипломатическими поручениями и делами¹³.

Известно, что он был посредником в военных и дипломатических действиях великокняжеской власти с пограничным Западом; в 1521 и 1523 гг. вел самостоятельные переговоры с ливонскими представителями, принимал участие в строительстве оборонительных сооружений. В 1525 г. по приказанию великого князя он занимался строительством каменной стрельницы на Гремячей горе в Пскове, которая по признанию специалистов оказалась со временем одним из наиболее значительных военных сооружений XVI в. Одновременно поддерживал отношения с местным населением, энергично спасая псковичей от моровой язвы (чумы). Не случайно активная деятельность Михаила Григорьевича была отмечена в псковском летописании. Летописцы сообщают, что умер он скоропостижно в 1528 г. и был похоронен в Псково-Печерском монастыре¹⁴. Имя этого человека, благодаря его незаурядному уму и таланту, вошло в историю России. Еще при жизни он проявил себя не только на административном, но и на научном поприще, поддерживал тесные связи с книжными людьми своего времени: состоял в переписке с Дмитрием Герасимовым, Николаем Булавым, со знаменитым старцем псковского Елиазарова монастыря Филофеем, сформулировавшим концепцию «Москва — третий Рим»¹⁵.

Обобщая те немногие, но достаточно емкие и объективные сведения русских путешественников, которые имеются в русской письменности до турецкого завоевания Константинополя 1453 г. о Египте, мы видим, что каждый из авторов «хождений», несмотря на все каноны литературного жанра этого вида нарративных источников, в определенной степени унифицировавшие авторскую индивидуальность, описывал все обстоятельства своего пути иначе, чем его предшественники, по-своему. Кто-то акцентировал свое внимание на различных деталях и фактах, основанных на библейских сюжетах, подробно рассказывал об устройстве и месторасположении христианских храмов, происхождении тех или иных святынь. Кто-то больше интересовался реальной жизнью, а потому сообщал о фортификационных сооружениях восточных городов, об особенностях жизни и быта местного населения, удобных рынках, караван-сарайах, особенностях природы и проч.

А все вместе эти описания и наблюдения, во-первых, запечатали непреодолимую тягу наших соотечественников к освоению

нового географического, экономического, духовного и культурного пространства — т.н. Ойкумены; во-вторых, убедительно показали, что хождения являлись достаточно органичной и широко распространенной формой сбора информации, установления контактов с иностранными странами в эпоху средневековья, а русские духовные лица — иноки, дьяконы, иеромонахи, архимандриты, активно участвовали в духовной жизни средневекового мира и в диалоге с одной из древнейших земных цивилизаций.

Общими усилиями авторы хождений «нарисовали» картину представлений средневековой Руси, русского монашества и Русской Православной Церкви о местах зарождения и развития в Египте христианской православной культуры. Но не только. Во многом благодаря результатам их путешествий даже в условиях трагических событий русской истории удельного времени, Русь была хорошо информирована о том, что происходило в ближневосточном регионе, а потому не утратила устоявшихся связей с Востоком. Все это создало объективные условия для того, чтобы русская духовная культура оказалась не оторванной, а напротив, включенной в сферу мировой христианской культуры того времени.

¹ См.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 205–206; Чистякова Е.В. Контакты и связи России с народами Африки (до XIX столетия). М., 1987. С. 11–15.

² Горожанский Я.И. Хождение архимандрита Грефения во святую землю // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. № 4.

³ Хождение архимандрита Агrefения обители св. Богородицы // Православный Палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XVI, вып. 3. См. также: Попов Г.В. Древнейший русский лицевой проскинитарий // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 86–89.

⁴ Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 13; Гуминский В.М. Православные паломники в Африке // От Фив египетских до Александрии. М., 2006.

⁵ Книга хождений: записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984.

⁶ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1958. Т. V. С. 16.

⁷ Книга хождений ... С. 169. Н.И. Прокофьев отождествлял путешественника с дьяком Василием Мамыревым, который в 1470 г. был назначен Иваном III дьяком Посольского приказа. Однако это предположение, на наш взгляд, слабо аргументировано. См. также: Россия и Восток. СПб., 2000. С. 10–15.

- ⁸ Книга хожений ... С. 418.
- ⁹ Шахматов А.А. Путешествие М.Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г.: [вступ. ст.] // Известия Отделения русского языка и литературы Императорской Академии наук. СПб., 1899. Т. 4, кн. 1. (Сборник (Хронограф) Библиотеки Императорской Академии Наук. XVII в. (из собр. П. Фролова) № 399 (17.9.9.).)
- ¹⁰ Русский Хронограф // Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. XXII. Выводы А.А. Шахматова о причастности Мисюря Мунехина к созданию упомянутых статей о Востоке оспорил А.А. Зимин, который посчитал необоснованным отождествление Мисюря Мунехина с Михаилом Гиреевым и Михаилом Григорьевым. См.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- ¹¹ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 16.
- ¹² Там же. С. 18, 21, 22.
- ¹³ Памятники дипломатических сношений. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 196, 211; Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 53. С. 71, 120, 121, 148, 157, 158.
- ¹⁴ См.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 105.
- ¹⁵ Крачковский И.Ю. Указ. соч. С. 17; Зимин А.А. Указ. соч. С. 359–362; Мазинин В. Старец Елеазарова монастыря и его послания. Киев, 1901. С. 159–167, 239–247, 255–362; Житинев С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII вв. М., 2007. С. 240–243, 270.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СМУТЫ НАЧАЛА XVII В. ПО МЕМУАРАМ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

В данной работе автором сделана попытка, путем анализа мемуаров современников-европейцев, рассмотреть некоторые особенности российского менталитета¹ начала XVII в. с целью выявления влияния человеческого фактора на начало Смуты.

Актуальность данной попытки подтверждается словами исследователя: «...присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта среды и обстоятельств, а в качестве субъекта, действующего в горизонте негарантированного и непредопределенного будущего, делает исторический процесс многовариантным и нелинейным»².

Почему автором взяты мемуары именно европейцев? Свидетельства иностранцев, при достаточной научной критике, могут быть ценным источником по особенностям культуры различных социальных слоев российского общества указанного времени потому, что показывают русскую культуру через призму европейского взгляда, вооруженного к тому времени достижениями гуманистической эпохи – эпохи Возрождения³.

Если в России еще господствовал шаблонный, житийный стиль в литературе, то Европа, породившая гуманистическую парадигму, уже старается проникнуть в суть сложных социальных процессов и явлений.

Но здесь возникает вопрос: насколько хорошо европейцы понимали явления и процессы социальной жизни России того времени? И здесь хочется привести высказывание С. Хантингтона: «различия между цивилизациями не просто реальны. Они – наиболее существенны. Цивилизации несходки по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, – религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанно-

стей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями⁴. Поэтому и нужна соответствующая критика источника и соответствующее его истолкование в рамках междисциплинарного подхода.

Отметим, что факторов Смуты было немало, и, на взгляд автора, факторы психологические сыграли не последнюю роль.

Для начала отметим одну из черт русского менталитета того времени – это идея царской власти.

Иностранные, знакомые с российскими порядками, отмечают, что русский царь один из самых неограниченных государей, смело подчиняются все подданные, и все без исключения, даже знать, именуют себя холопами государя⁵. Данное заключение было сделано, безусловно, из наблюдений за социально-политическим строем Московского государства того времени. Именно эта черта национального характера сыграла не последнюю роль в возникновении и развитии Смуты.

Если принимать теорию «вотчинного государства», то действительно, все, кто живет в вотчине, признают себя государевыми служителями, не имеющими права претендовать ни на экономические, ни на политические права помимо государя. Истинным государем являлся наследник рода Калиты, т.е. наследник московской вотчины.

Думается, что идея абсолютной и безусловной власти монарха окончательно оформилась после опричнины Грозного, положившей конец старым удельным порядкам. Кроме того, фигура царя в представлении россиянина того времени сакральна, и здесь мы наблюдаем глубинное воздействие византийской культуры, которое можно выразить формулой Филофея «Москва – третий Рим», при этом русский царь – помазанник божий⁶ и наследник византийских императоров. Флетчер приводит такие слова из чина коронации Федора Ивановича: «...Благоверному и благородному и христолюбивому, Богом избранному и Богом почтенному, и Богом возлюбленному и поставленному, и Богом венчанному Царю и Великому Князю, Феодору Ивановичу, Владимирскому и Московскому... и всей России Самодержцу, многая лега!»⁷ И не важно, следовательно, что монарх может быть слабым, плохо разбираться в политике, – главное здесь сама идея монаршой власти.

Как Маржерет отмечает: «...если говорить начистоту, нет ни закона, ни думы, кроме воли императора, будь она доброй или злой, чтобы все предать огню и мечу, безвинных и виноватых»⁸.

По утверждению Л.А. Тихомирова, «выросшая в одном процессе с Русской нацией, царская власть представляет две ярко типичные черты: 1) полное единство в идеалах с нацией, как власть верховная, 2) единение своего государственного управления с национальными силами»⁹.

И вот, после смерти царя Федора, на русском престоле является «...Борис Федорович Годунов, человек рода не знатного...»¹⁰.

Он не из рода Калиты, более того, знатные московские фамилии – Шуйские, Бельские, Романовы – считают его за худородного выскочка и интригана.

В «Хронике» Буссова есть описание того, как умирающий царь Федор предлагает царский скипетр Романовым, но они отказываются. А так как уже умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: «Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невмоготу больше держать его». Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его¹¹.

Итак, пусть это всего лишь легенда, возможно часть пропаганды московской знати против Годунова, но легенда, отражающая реальное отношение старомосковской знати к Годунову – он не из рода Калиты, следовательно, незаконный обладатель его наследия – Московского государства.

Буссов по этому поводу замечает: «...Борис полагал, что он достиг царства своей хитростью, без помощи божией, и поэтому должен был узнать, что его хитрые уловки не помогут ему перед господом богом, и хотя все его начинания были разумными, ни одно из них не кончилось добром. Заключенные им союзы с могущественными властителями ни к чему не привели, все труды и старания, которые он с великим разумением положил на улучшения в стране, мало кем ценились»¹². Несомненно, Буссов здесь вполне следует мнениям как высшего слоя российского общества, так и многоголосой московской толпы.

Можно сказать, что воцарение Годунова явилось той флюктуацией, которая нарушила баланс государственной системы, вызвала в ней значительный перекос. Можно, наверное, сказать, что прекращение династии Калиты и появление новой, основанной Годуновым, обрекло государство на бедствия Смуты, ибо пошат-

нулись сами идеальные основы российского государственного строя того времени.

Более того, нарушились концептуальные основы российской национальной идеи: «...Утопической волей движет постулат всецелой рационализации общественной жизни: всякий существующий порядок, вся полнота общественных отношений априорно объявляются полностью "кодифицируемыми", охватывающими обобщающими формулами, то есть между жизнью и кодексом ставится знак равенства. Примером может служить Россия XVI в. Это была эпоха величайшего государственного торжества на Руси, что в глазах идеологов приближало ее к выполнению своей официальной исторической миссии — стать Новым Римом. Для этого оставалось совсем немного: "Стоглав", "Домострой", "Степенная книга" упраздняют культурные различия в государстве; "Четыре минея" собирают всю литературу, расположат в определенной последовательности. Сама история вот-вот закончится, так как в мире, полном политической и культурной упорядоченности, не останется места для событий, случайностей, отклонений»¹³.

И вот, в начале XVII в. страну постигло одно из самых страшных бедствий для средневекового человека — голод. Иностранные самыми мрачными красками описывают эту трагедию: «...клянусь богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. .... Ели людей»¹⁴. Но нас интересует не сам факт голода, а отношение к этому бедствию человека XVII в. И иностранные и российские авторы того времени объявляют бедствие наказанием божиим за грехи¹⁵, что очень характерно для средневекового человека, ведь религия, исполняя в мире средневековья мировоззренческую роль, «...прививает верующим специфическую систему ценностных ориентаций, которая характеризуется тем, что в ней главную роль играют идеи и нормы, вытекающие из веры в существование сверхъестественного мира. Земное подчиняется неземному, естественное — сверхъестественному»¹⁶. Религиозность являлась также сущностной чертой российского менталитета того времени.

Далее, иностранные источники отмечают следующее: «В дорожизну было много необычайных явлений перед тем, как разразилась война. По ночам на небе появлялось грозное сверкание,

как если бы одно войско билось с другим, и от него становилось так светло и ясно, как будто взошел месяц»¹⁷. И. Масса отмечает: «...В это время происходило в Москве много ужасных чудес и знамений (spoockereyen), и большей частью ночью, близ царского дворца, так что солдаты, стоявшие на карауле, часто пугались до смерти и прятались. Они клялись в том, что однажды ночью видели, как проехала по воздуху колесница, запряженная шестеркой лошадей, в ней сидел поляк, который хлопал кнутом над Кремлем и кричал так ужасно, что многие караульные убежали со страха в горницы. Солдаты каждое утро рассказывали об этих видениях своим капитанам, которые передавали своим начальникам»¹⁸.

И здесь стоит отметить мнение исследователя: «...Современники отмечали некоторые примеры массовых галлюцинаций в виде восприятия небесной рати...» Возможно, здесь имеют место коллективные галлюцинации с военной фабулой. И еще: «...массовые психические контагии истерического плана проходили в России преимущественно... в период тяжких испытаний, и в этой связи мощной психологической нагрузкой на различные слои населения»¹⁹.

Иностранные авторы отмечают очень сильное социальное напряжение российского общества: «...во всех сословиях между всеми начались раздоры и несогласия, так что ни один человек не мог ожидать от другого ничего хорошего»²⁰.

Но «правомерно ли говорить об исторических лицах или о людях, живших в определенную эпоху, что они страдали психическими расстройствами, если сами эти расстройства в эти времена выделены еще не были?»²¹. Чрезвычайно интересны замечания Б. Ярхо, исследовавшего феномен средневековых видений: «...из первых рук мы получаем видения лишь в редких случаях... Большинство видений являются как бы плодами коллективного творчества»²².

И здесь возникает вопрос: насколько мышление россиянина начала XVII в. было прологичным, насколько оно было близко к первобытному? Иными словами, как воспринимал реальность типичный представитель российского общества, живший в указанное время? Ведь он не был по-современному образован, практически не имел научных знаний. Резонно предположить, что слова Леви-Брюля о первобытном мышлении вполне применимы к России

того времени: «для членов нашего общества, даже наименее культурных, рассказы о привидениях, духах и т.д. являются чем-то относящимся к области сверхъестественного: между этими видениями, волшебными проявлениями, с одной стороны, и фактами, по��аемыми в результате обычного восприятия и повседневного опыта, с другой стороны, существует четкая разграничительная линия... Для первобытного мышления существует только один мир. всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие»²³.

Можно предположить, что россиянин того времени жил внутри мифа и абсолютно некритично, как данность, воспринимал рассказы о различных мистических явлениях именно потому, что жил внутри мифа, обладал соответствующими стереотипами, реакцией на окружающий мир, соответствующей структурой сознания, встроенной в структуру обыденности, повседневности.

И еще один существенный момент: «...господа бога прямо-таки вынуждали покарать, пресечь и прекратить это огнем, мечом и другими бедствиями и т.д., обо всем этом полностью и не расскажешь»²⁴. Т.е. распространялись тревожные ожидания, которые можно назвать эсхатологическими, действительно характерные для средневекового человека во времена различных бедствий²⁵.

Думается, что социальная истерия, поразившая российское общество в начале XVII в., была вполне обоснованной реакцией сознания, мыслившего категориями мифа на нарушение универсального порядка существования. В данном контексте интересны слова Ясперса: «...Было время, когда человек ощущал свой мир как *непреходящий*, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предопределенным божеством концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его. Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единственным с землей и небом. Это был его мир...»²⁶ Вопрос же о наличии в России психической эпидемии оставил открытым.

И в этой тяжелой атмосфере разгоравшейся Смуты, в атмосфере тяжелых социальных страхов и ожиданий при появлении первого самозванца общество находит себе отдушину, надежду, как вероятно казалось ответ на вопрос к небесам о причине бедствий, о том, за какой же грех так разгневался бог.

Вот как описывает К. Буссов приход Димитрия I: «Димитрий... послал одного знатного боярина с ...письмом в большое селение Красное село ... расположенное у самой Москвы... Жители этого села со всем уважением встретили и приняли боярина и послание с призывом Димитрия... проводили боярина с письмом через всю Москву ... возвели его там на Лобное место, созвали жителей Москвы, огласили письмо Димитрия ... После того как это было сделано, они посовещались друг с другом, обменялись мнениями и, наконец, решили следующее: раз ... все люди перешли к Димитрию, чего не могло бы произойти, если бы он не был законным наследником, то неразумно защищать дальше себя и город от Димитрия и ради Годуновых (этих незаконных, похитивших престол властителей, которые к тому же ведь и не могут защищать или обронять их), ввергать себя с женами и детьми в пучину величайшего бедствия и гибели... не худо было бы Годуновым, которые изгнали царевича Димитрия в его юности и тем причинили вред всему государству, лишить власти и взять под стражу»²⁷.

В криках московской толпы: «... “Дай боже, чтобы истинное солнце снова взошло бы над Русью. До сих пор мы сидели во мраке, теперь снова забрезжил истинный свет”...»²⁸, а также в последовавшей затем расправе над Годуновыми и их родственниками, в этом всплеске жестокости чувствуется страх затравленных и подавленных бедствиями людей, одержимых надеждой избавиться от страшных бедствий, от мнимого наказания божьего за «грех» поставления «худородного» царя Бориса в обход «истинного» царя из рода Калиты, которого якобы пытался уничтожить еще в детстве «злоказненный» Годунов, и который, как «царь-избавитель», чудесно сохраненный богом, идет занять свой престол²⁹.

Буссов так описывает расправу над Годуновыми и их родственниками: «...Превознося Димитрия и ругая Годуновых, они в неистовстве кинулись в Кремль и так безудержно и злобно попоносили и порочили покойного царя Бориса, его сына и его родственников, ut nihil supra (что дальше некуда). Среди многих тысяч людей ни один не вспомнил о том, что все же Борис сделал очень много добра всей земле, что за восемь лет своего правления он ввел столько больших улучшений. Все это и то, что он содержал этих подлецов во время дороговизны, было начисто забыто, как будто он ровно ничего достойного похвалы не сделал. Его сына, мо-

лодого царя, которому они только что присягали, его мать, царскую вдову, его сестру и всех, кто был из рода Годуновых, схватили, двоюры их разграбили и опустошили, их самих, их жен и детей раздели донага, заковали в железо, бросили на навозные телеги и повезли без подушек и одеял, не разбирая дороги, в дождь и непогоду из Москвы на заточение в другие крепости за много миль от Москвы... вскоре молодой царь Федор и его мать были убиты в своих покоях³⁰. Все верно, что бы ни делал Годунов хорошего – он незаконный правитель, он виновник бедствий. Устранение его рода и возвращение престола мнимому наследнику Калиты является условием освобождения от бедствий. Ведь даже тело Бориса было захоронено отдельно от останков других русских царей.

Подтверждение данной мысли мы находим в словах К. Буссона: «...Такой жалкий конец выпал на долю Царя Бориса Годунова и всего его рода, Борис сам был *principalis causa* (первопричиной) нынешней войны на Руси из-за того, что он приказал убить малолетнего Дмитрия, сына старого тирана, и достиг царства хитростью и происками»³¹.

Семья Годунова была уничтожена с особой жестокостью, поражающей воображение нормального человека. Религиозность средневекового россиянина не послужила здесь сдерживающим фактором³². Да и неудивительно это в то время, когда мир «...был на пять веков моложе, все жизненные процессы облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которыми и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка. Бедствиям и обездоленности неоткуда было ждать облегчения, в ту пору они были куда мучительнее и страшнее»³³.

Итак, стоит подвести некоторые итоги. Анализ воспоминаний европейских современников и свидетелей событий правления Годунова и Смуты дают нам богатейший материал по социальной истории и позволяют сделать некоторые умозаключения относительно менталитета российского общества начала XVII в. и его особенностей.

Внимательно анализируя мемуары иностранцев, повествующие об эпохе Годунова и Смутном времени, мы можем выделить следующие психологические феномены Смуты – это страх и вина,

а также ненависть к мнимому виновнику бедствий³⁴. И эти феномены были как раз порождением российского менталитета, складывавшегося веками в данных исторических условиях. Они в комплексе с социально-экономическими факторами Смуты во многом обусловили социальный взрыв в России в начале XVII в.

Конечно, встают вопросы, насколько хаос был управляемым, насколько настроения в обществе были под контролем враждебной Годунову верхушки российского общества того времени³⁵. Также встает вопрос, можем ли мы констатировать психическую эпидемию в России того времени. Но данные вопросы, наверное, можно сделать предметом отдельных исследований.

- ¹ Замечательное исследование о национальном характере см.: Кон И. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. См. также: Лурия А. Психология как историческая наука: к вопросу об исторической природе психологических процессов // Там же.
- ² Панарин А.С. Философия истории (Электронный ресурс). URL: http://vitbin.net/lib/politika-pravo/620_Panarin - Filosofija istorii.txt
- ³ В контексте этого следует упомянуть статью Д.С. Лихачева, помещенную во вступлении к изданию: Памятники литературы Древней Руси (конец XVI – начало XVII). М., 1987. С. 14.
- ⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. С. 33–48.
- ⁵ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 149, 150.
- ⁶ См. также размышления об идее царской власти в России: Успенский Б.Л. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–235; Его же. Семиотика истории. Семиотика культуры (Электронный ресурс). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/11.php
- ⁷ Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002. С. 39.
- ⁸ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 149.
- ⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность (Электронный ресурс). URL: http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/mongos/mg_12.htm
- ¹⁰ Бер М. Летопись московская (Электронный ресурс). URL: <http://www.voslit.info/Texts/rus10/Ber/frametext2.htm>
- ¹¹ Буссов Конрад. Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 81.
- ¹² Там же. С. 97.
- ¹³ Ионаитис О.Б. Воплощение идеи рая в России в XVI в. // Образ рая: от мифа к утопии. СПб., 2003. С. 172. (Symposium; вып. 31).
- ¹⁴ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁵ Там же. См. также: Хронограф 1671 года // Памятники литературы Древней Руси (конец XVI – начало XVII вв.). М., 1989. С. 327.
- ¹⁶ Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986. С. 259
- ¹⁷ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 100.

- ¹⁸ Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936. С. 65.
- ¹⁹ Щиголев И.И. Ретроспектива психических заболеваний в России // Московский психологический журнал (Электронная версия). № 4. URL: <http://magazine.mospsy.ru/index.shtml>
- ²⁰ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 100.
- ²¹ Зислин И. Психиатрические подходы к мистическим и религиозным психозам (Электронный ресурс). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm>.
- ²² Ярхо Б.И. Средневековые латинские видения // Восток – Запад. М., 1989. С. 26.
- ²³ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. М., 1980. С. 136.
- ²⁴ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 101.
- ²⁵ См.: Анискин А.А. Информационные составляющие социальной катастрофы // Социальный кризис и социальная катастрофа. СПб., 2002. С. 95–98.
- ²⁶ Ясперс К. Духовая ситуация времени (Электронный ресурс). URL: <http://lib.ru/YASPERS/>
- ²⁷ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 105, 106.
- ²⁸ Там же. С. 107. См. также: Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV–XVII вв.) (Электронный ресурс). URL: <http://res.krasu.ru/paradigma/3/mih.htm>, 2005.
- ²⁹ Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–235.
- ³⁰ Буссов Конрад. Указ. соч. С. 197.
- ³¹ Там же. С. 108.
- ³² См., например, интересную статью П.Б. Ганнушкина. В ней отмечается: «Что удивительно... так это частота альянса религиозности и низших инстинктов. Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению» (Ганнушкин П.Б. Сладострастие, религия и жестокость (Электронный ресурс). URL: http://www.elid.org.ua/philosophy/ua_show_archives.php).
- ³³ Хейзинга И. Осень Средневековья (Электронный ресурс). URL: <http://lib.ru/HOEZINGA/>
- ³⁴ Интересно следующее замечание: «У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы... он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности» (Бердяев Н.А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья. Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов. СПб., 1992. С. 38).
- ³⁵ Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Указ. соч. Здесь также интересно рассмотреть: Шаховской С.И. Летописная книга // Намятники литературы Древней Руси; конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 360–380; Тимофеев Иван. Временник // Там же. С. 281–300.

Шамин С.М.

ЦЕРЕМОНИИ В КУРАНТАХ ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676–1682 гг.)

Основное содержание курантов¹ составляли новости о политической жизни Европы. Однако мы находим в курантах, кроме собственно политических известий, сообщения на другие темы, интересовавшие представителей политической элиты России. Церемонии, выполнявшие функцию презентации власти, играли большую роль в жизни московского двора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что составители курантов переводили на русский язык описание европейского церемониала. Поскольку таких материалов в составе обзоров иностранной прессы содержится много, рассмотрим в качестве примера документы, отложившиеся за относительно небольшой хронологический период – годы правления царя Федора Алексеевича. От этого времени в курантах сохранилось 24 более или менее полных описания различных церемоний. Среди них приемы послов (8), парадные шествия правителей и их подготовка (5, в том числе отправление в «Троицкий поход» самого Федора Алексеевича), венчания на царство и их подготовка (3), назначения на должности или принятие вассальной присяги (3), празднования рождения наследников (2), похороны (1), передача города (1)² и такое экзотическое действие, как венчание венецианского дожа с Адриатическим морем³.

География и объем сообщений о церемониях за время царствования Федора Алексеевича претерпели существенные изменения. Если этот период разбить на сопоставимые по сохранности и временным рамкам блоки – 1676–1677, 1678–1679 и 1680–1681 гг., становится видно, что в 1676–1679 гг. переводились почти исключительно описания церемоний, связанных с Польшей. В этот период кроме «польских» церемоний куранты включали лишь описания шествия Федора Алексеевича в Троице-Сергиев монастырь и венчания венецианского дожа с морем. Все это отражает общее внимание к польским делам и не может рассматриваться как специальный интерес к церемониалу. В разгар войны правительству было не до него.

С 1680 г. география описаний церемоний покрывает практически всю Европу. Кроме «польских» сообщений, в куранты включено 5 описаний церемониальных действий на территории Швеции, 3 – на территории Испании, 2 – Англии, 2 – Османской империи, по одной – в Риме, Священной Римской империи и в захваченном Людовиком XIV Страсбурге.

Количественно объем информации в этот период тоже существенно вырос. Чтобы его определить, на компьютере были набраны все тексты на данную тему и произведен познаковский подсчет объема текстов. За 1676–1677 гг. он составил 4 213 знаков в шести сообщениях, за 1678–1679 гг. – 2 371 в двух сообщениях (сохранность источника за эти годы хуже, чем за предыдущие и последующие), за 1680–1681 гг. – 8 654 знака в двенадцати сообщениях. Большой объем информации о церемониях включен в куранты и в первые месяцы следующего, 1682 г. (3 497 знаков в четырех текстах). Таким образом, мы видим, что интерес к европейскому церемониалу постепенно усиливается.

Преобладание известий о приеме дипломатических посольств над другими «церемониальными» сообщениями объясняется несколькими причинами. Первая из них состоит в том, что посольства отправлялись гораздо чаще, чем, к примеру, происходили коронации правителей. Уже в силу этого, известия о посольствах численно преобладали. Кроме того, сам факт направления посольства был важен для русского правительства как показатель дипломатической активности того или иного государства. Описание приема свидетельствовало о характере взаимоотношений между странами. Это ярко видно по описаниям приема в Константинополе польского посольства (1677 г.) и русского посольства (1682 г.). Россия и Польша воевали против Турции с 1672 г. Польша вышла из этой войны первой со значительными территориальными потерями. Султан был доволен итогами мира, а поляки стремились не раздражать грозного соседа. Это положительно отразилось на ходе приема посольства: «Того же месяца в 8 день были послы у визиря на приезде, а послал по них визирь своих коней больше 30. И пришел к визирю с честью, и поклоном своим их принял любовно. И послы королевского величества грамоту и поминки ему дали. После малых разговоров послы возвратились паки к себе на подворье и тамо их столом потчевали и на 8 чело-

век по обычаю турскому кафтаны дали. А посольство перед самого султана оставлено до будущего месяца октября»⁴.

Между Россией и Турцией война продолжалась еще несколько лет. Османская империя ценой больших потерь сохранила за собой украинские земли, отобранные у Польши, однако новых приобретений не получила. Стороны с трудом шли друг другу на уступки, что отразилось и на приеме русского посольства: «Из Венеции мая в 17 день. В царградских листах нам объявляют, что московский посол как он принят в Царьграде и ему паша говорил, поставя его на месте, которое называется "сераглию" велел ему с лошади сойти. И он ему в том отказал, что ему того учинить невозможно, а сойдет он с лошади на том месте, где визирь с лошади сходит. И как он того не учинил, и его возвратили от того места со всеми при нем людьми на посольской двор»⁵.

Дважды описывались различные посольства, принятые в Лондоне. Испанский посол блистал на въезде в английскую столицу с огромным эскортом, состоявшим более чем из 80 карет⁶, а марокканский посол скромно объявился в сопровождении четырех слуг⁷. Из посольств, принятых в Испании, в куранты попали описания голландского посольства 1680 г.⁸ и русского 1681 г.⁹ Хотя описание приезда голландцев значительно меньше по объему, пышностью эта церемония явно превосходила появление русских дипломатов. П.И. Потемкин и его свита въезжали в испанскую столицу не в каретах, а верхом на конях.

Парадные шествия правителей, обезжающих свои владения, имели функцию презентации их власти перед собственным народом. Больше всего таких сообщений касалось Польши. Наиболее яркое описание посвящено приезду во Гданьск польской королевы Марии Казимерии: «Из Королевца августа в 25 день. Королева польская Мария Казимерия шла во Гданьск следующим обычаем. За две мили от города встречали королеву 70 000 гданьских жителей под розными знаменами и встали по полю и в городе по улицам. И королева в город вошла при вечере. Гданьские бурмистры встречали у градских ворот отправлением орацейным. Пред королевою шло восемь карет с шляхтою двора ее, а за ними схала многоя конница, позади конницы ехали в каретах генерал Корицкий да граф Доноф, да посол французский. А после того шла королева в изрядной карете, которую к ней прислал король француж-

ский. А с королевою в карете сидели сестра ее да королевич и королевна. А около кареты шли многие протазанщики и гайдуки. А как пришла в город, и из кареты принял королевну и в палаты ввел посол французский. А в то время в городе стреляли изо всего наряда¹⁰. Действа, связанные с передвижениями польского короля, описаны более скромно¹¹.

Визит Людовика XIV в Страсбург (1681 г.) имел четко определенное политическое значение: король Франции осматривал свои вновь приобретенные в результате работы «присоединительных палат» владения: «Из Стразбурга (ныне французской) октября в 24 день. Вчерашнего дна после полудня в седьмом часу французской король к нам в город въехал в Мецкие ворота, у которых весь сенат его встретил. А сидел король в карете и с королевою и с королевною и с королевичем дофином и с его женою. А перед ним и за ним ехали великие мошкеры, особой чин французской, со оружием, а в то время въезду его во все колокола звонили, и изо всех пушек, что ни есть по городу трижды стреляли, а пехота стояла строем от ворот городовых до самого двора королевского. А стал король близко реки на дворе Друкляса. А как въезжал на двор и вышел из кареты, сел на коня, выезжал из города и осматривал крепость. А жителям нашим розданы были фонари бумажные, на которых был написан герб королевской. А сверх гербу написано – “Да многолетствует король”. А сего числа был король в Менстерском костеле и тамо слушал мессу. И после того сед на коня и объезжал все крепости городовые осматривал. А после того выезжал из города и тешился полевою охотою. А с ним было больши 10 000 человек конных, а в приезде королевском в город всякого чина людей было со 100 000 человек¹². К этому действу была близка церемония по передачи Швеции принадлежавшего датчанам Висмар¹³.

Чрезвычайно интересен рассказ 1679 г. о шествии Федора Алексеевича на моление в Троице-Сергиев монастырь. О том, как проходили подобные церемонии, в Посольском приказе хорошо знали, поэтому познавательной функции этот текст нести не мог. «С Москвы сентября в 15 день. В прошлой неделе царское величество с чрезвычайным изрядством и величеством учинил шествие свое в Троицкой монастыре для справления годового своего благовеенства сим подобием.

Прежде шли рота земских людей, дорогу очищая, неся подрамами своими метлы. За ними шли конные сотни оберегательного полку – строем, в драгих платьях. За ними последовали со сто подводных лошадей на мале бываемых, в чрезвычайном богатом вышитом наряде, нося на передних ногах запястя и подле седел долгие мечи по правой стороне в серебряных золоченых ножнах с бирюзами и иными драгими каменьи украшенных, а вели всякую лошадь по два человека в благолепном одеянии. Все сии лошади шли с таким великодушеством, будто зная на себе бесценной наряд. После тех лошадей шла его царского величества карета, аже была вельми изрядно и гербами его царского величества драгою резьбою позолоченою украшена. Онью же карету везли благолепные великие серые возники, и имея на главах струсовые перья, порожжею. За каретою последовали многие великие господа. Их же, за множеством, в мимошествии счасть невозможно. Все в драгом одеянии долгом и в шапках жемчугом богато нанизанных. Которые господа преизрядное великодушество древних римлян подобне оказали, имея пред лицом своим в великом почтении лице его царское величество, грядущего на храбром преизрядном аргамаке, алмазами, златом и иными драгими нарядами велми сияющим. А для приключимого зрения всех сих вещей указал его царское величество недалече от замка построить два места и покрыть их зелеными сукнами, из которых едино отвели господам великим польским послам, а другое высокомочных штатов резиденту, доброшлихетному господину Ягану Вилиму фон Кельзеру, каноннику утрехтскому. Польские господа послы при себе имели розных господ своего народу, а помянутой галанской резидент при себе имел многих галанцов, в настоящее время на Москве пребывающих. Царское величество чрез искусного человека преждереченных служителей велел спросить о здоровье, по обычаю почитая их начальнейших государей, и пожаловал после преизрядными дынями и рыбными ествы¹⁴.

Содержащаяся в этом сообщении информация распадается на три блока (подсчеты велись по знакам): описания коней (31%), участвующей в процессии русской знати и государя (33%), зрителей – иностранцев (36%). Последняя треть позволяет нам сделать некоторые выводы об авторстве рассматриваемой статьи. Дело в том, что среди русских участников церемонии персонально упо-

мянут один царь, а из иностранцев – польские послы (совокупно, неполным титулом) и голландский резидент Иоганн Вильгельм фан Келлер (полным именем и со всеми титулами), что позволяет атрибутировать текст лично ему, – дипломату с хорошим пером, многократно выполнившему деликатные поручения русского правительства, в том числе по публикации на Западе «независимых и объективных» сведений о России¹⁵. Льстить самолюбию «диких московитов», уподобляя их античным героям, было не внове хитрому голландцу. 23 января 1678 г. Келлер поздравлял Федора Алексеевича с победой над турками. В своей речи он сравнил российского самодержца с Александром Македонским и Титом Веспасианом. В том же году эта речь была издана в Гааге¹⁶.

Можно сделать некоторые выводы о целях составления описания. Оно откровенно восхваляет Россию, сравнивает «великодушство» русских вельмож с аналогичным качеством у древних римлян. Особое внимание уделяется красоте царских лошадей и даже «храбрости» государева аргамака, который вряд ли имел возможность выказать сие достойное качество во время церемонии. Этот текст – лесть, которая была направлена на «установление более теплых отношений» между ее автором и адресатом. «Лошадиная» часть текста указывает нам адресата лести. Им был царь Федор Алексеевич, любовь которого к лошадям была широко известна. Еще в 1676 г. Федор Алексеевич выменял у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунраада фан Кленка белого голландского жеребца¹⁷. Впрочем, восхищение царскими конями могло быть и искренним. Так, чех Бернгард Таннер, побывавший в Москве в составе польского посольства в 1678 г., восхищался государевым выездом в своем сочинении, которое было опубликовано лишь в 1689 г. В то время не только Федора, но и его сестры не было у власти¹⁸.

Старания Келлера увенчались успехом. Это ярко видно при сравнении записей о «походах» Федора Алексеевича в Троицу в Дворцовых разрядах 1679 г. и 1680 г. Основную часть разрядного текста о царском шествии 1679 г. в разряде 1679 г. занимает перечень его участников¹⁹. Представления о самой церемонии практически не дано.

Зато в следующем году церемония расписана во всех подробностях. Описан порядок шествия, одеяния участников, царская

карета и т.д. Некоторые моменты кажутся просто заимствованными из прошлогоднего сообщения курантов. Указано, что Федор Алексеевич ехал на «турском аргамаке», а «в то время, по его Великого государя указу, его государское шествие смотрели Польского Яна короля послы Константин Томицкий да Юрий Довмонт. А для того смотру устроено было им место меж церкви пресвятые Богородицы Казанские и Земского двора»²⁰. Судя по всему, образцом для описания шествия в Дворцовом разряде 1680 г. послужил аналогичный текст курантов 1679 г. Составленное Келлером описание церемонии в Москве явно оценили на самом высоком уровне.

На примере описания церемоний коронации правителей особенно хорошо видно, что в них присутствовали две составляющие – во-первых, красочное действие, праздник, демонстрирующий богатство и престиж власти, а во-вторых, строгое «протокольное» государственное мероприятие, в котором отражены иерархические взаимоотношения его участников. Соотношение информации первой и второй групп в различных публикациях сильно различается в зависимости от политического положения в стране. Для того, чтобы это заметить, достаточно сравнить описания коронации шведской королевы и венчания цесаревы венгерской короной. В первом случае внимание составителей текста сосредоточено на красоте зрелища: «Из Стокольма ноября в 20 день. Королево явное пришествие в 3-м числе будущего месяца будет и потом коронование последует. А во многих украшенных местах в городе и за городом в посадах, где учинится королеве идти, словами написано – “Здравствуй Ульрика Элеонора королева святая”, також – “Да будет многолетна наша Ульрика Элеонора королева”, со иными прочими письмами»²¹; «Из Стокольма декабря в 8 день. Взвещение, коим подобием святую королеву короновали в 5-м числе сего месяца. Дорога от замка и до большие кирхи до самого алтаря красными сукнами услана, и по краям обвшано было. Чрез которые обои величества в полудни в 12-ом часу преризрядным ходом и королевскими одеждами одеяны к помянутой кирхе шли. А король шел наперед в венце и одеян великим одеянием, а поверх червчатою ризою горностаями подбитою украшеною. Ее же подол несли 2 комнатные дворяне, а 14 человек комнатные ж дворяне несли покров серебряной обяри. Королева

то ж явилась в белом одеянии, червчатою ж аксамитною ризою горностаями подбитою яко ж и король покрыта. Над нею ж несли 4 человека комнатные ж дворянне покров белой. А подол у ризы несли 4 комнатные девицы. После того король стал в своей королевской одежде перед алтарем. И егда мало погода по изрядной учиненной музыке королева к алтарю приведена, тогда господин бискуп Упсалской при короновании бывающую речь правил. От него ж часу во втором дня королеве венец на голову положен. Ей же скипетр и держава вручена. А по совершении того действия разъявили то коронование с литаврами и с трубы и с изрядною музыкой. И во всех кругом стоящих крепостях и градские жители и конного и пехотного строю ратные люди великую стрельбу учили. После того король с королевою в своих королевских и в венчанных одеждах пакишли из кирхи в замок прежним строством, где преизобильный стол, и метали серебряные деньги. А в различных местах шло вино белое и красное с мудростю из устроенных источников. А ночью показали всему народу различные огненные составы, с великим удовольствием всем пребывающим зрителем»²².

В сообщении из Священной Римской империи тщательно фиксируется весь церемониал. «Из Одлберха (цесарский) декабря в 9 день. У нас цесарева на Венгерское королевство коронована сим подобием. 1. Приехав, цесарь с нею ходил вначале во францишканский кляштор (монастырь. – С.Ш.), где воду освещали и их кропили, а оттуды провожали их чиновники королевства Венгерского на арцыбискупов двор. 2. Несли пред цесаревою вся уготовления х коронованию – коруну и многоценные запоны. 3. На арцыбискуповом дворе приняли цесареву князь Тидтрехштейн и граф Ряпах и проводили в костел, где приняли их бискупы. 4. Цесарское величество тогда приблизился в костеле к евангельскому престолу, а цесареву посадил на высоком уготовленном месте против престола по левой стороне цесарева места. 5. Сенаторе венгерские, со всякими х коронованию приготовлением, стояли близко цесарева места, а позади цесаревы стояли сенаторские жены. 6. Пред цесаревою поставлена была на серебряном столе корона. 7. А как учили петь стихи, тогда цесарь стал, имея на главе корону и в руках скипетр и державу, и объявил свою цесареву духовенству х коронованию. 8. Потом паки цесарь уступил к сво-

ему месту, а бискупы тогда взяли цесареву и привели к престолу. 9. Цесарева, преступя ко престолу, целовала крест и став на колени говорила обещанные стихи х коронованию. 10. Потом арцыбискуп Колатцкий и цесарева стоя близь алтаря уклонились цесарю, прося х коронованию повеления. 11. Меж тем набоженство совершили. 12. Потом помянутый арцыбискуп помазал цесареву на королевство Венгерское миром по чину и говорил молитву. 13. Потом цесарева встала и паки на колени пред алтарем припала и простертymi руками молилась. 14. В то время арцыбискуп со всеми бискупами приступил и положил на нее венгерскую корону и подал в правую руку скипетр, а в левую державу. 15. Потом все запели господу богу хвалу, а коронованной поздравление. 16. По совершении того коруна и скипетр и державу отдали держать тем же сенаторем, которые в костел несли. 17. А цесареву привед к престолу и причастили, и по причастии, паки корону на нее положили и скипетр подали. 18. Соверша коронование, проводили цесаря с цесаревою до их двора таким же чином, как и х костелу шли. 19. А потом цесарева все венгерские чины и сенатори жаловала к руке. 20. А как цесарь с цесаревою сел за стол, тогда по всему городу стреляли из большого и малого ружья»²³.

Такая разница в описании церемониала объясняется разной политической ситуацией в этих странах на момент совершения церемонии. Швеция, которая недавно потерпела сокрушительное поражение в войне, стремилась показать свою силу и богатство. Демонстративная роскошь праздника как нельзя лучше служила этому. Коронация цесаревы венгерской короной была компромиссом между цесарем, желавшим сохранить единство империи, и венгерской знатью, стремящейся подчеркнуть свою независимость. Вся статья об этом действе имеет вид протокола, где с особым вниманием отмечена как роль самого императора, так и участие в церемонии венгерского дворянства и духовенства.

Церемонии принятия присяги выражали отношение между представителями разных уровней власти. Все сообщения на эту тему касаются соседей России. Курляндский князь присягалпольскому королю²⁴, турецкий султан дал Украине нового владыку – молдавского господаря: «Салтан турской князя молдавского учил над Подолием и над Украиной князем со всем чиновным поведением как бывает у великого визиря. И велел на него надеть золо-

тую епанчу с тремя кистьми. Ему же даны три знамена для знаку тех земель, а то учинил салтан для того, чтоб тем возбудить и греческой народ, дабы, видя такую учиненную честь подоляном, были они к войне охотны против потентатов, московского и иных, атаманской порте обороною»²⁵. Еще одно сообщение касалось Швеции: «Из Стекольна марта в 23 день. Третьего дня господин граф Магнус Делагарди чин восприял государственного дроста (под королем первый человек). И учинил присягу пред надворным судилицем. Егда все двери отверсты были, чтоб всяк входил и слушал о их графе. При том действе изрядную речь отправил на свейском языке, себе же получил великую славу высоким своим разумом»²⁶.

Последнюю группу церемониальных сообщений составляют рассказы о погребении и рождении знатных особ. Два из них связаны с соседними Польшей и Швецией, а одно со Священной Римской империей: «Из Варшавы апреля в 11 день. Ныне погребение исправили князя Радивила в прибытии королевского величества и всего сената. А на погребении казание правил наминат луцкий. А после того сокрушили копия и полуники, при оказании огнеметальных премудростей и пущечной стрельбы»²⁷; «Из Стекольна июля в 22 день. Ныне после полудня крестили и благословили наследующего нашего королевича новорожденного. И дали ему имя Карлус. Восприемники у него были брат короля датского князь Георги, да князь голштенский, бискуп антинский, бывшая королева Кристина, да нынешняя королева датская, ланц графиня нагаeskая, да княгиня Доротея голштенская. Во время же крещения дважды стреляли из пущечного наряда, да оберегательный полку из всего ружья потому же»²⁸; «Из Венеции октября в 12 день. Арцух Лотаринской прислал сюда 2 тысячи золотых червонных на прокормление музыкантов, иже едут в Ыншпрук город для исправления некоторых игралищ или комедий о рождении княжича от цесаревы сестры, бывшее королевы польской»²⁹. Последняя новость вряд ли имела политическое значение. Скорее всего, она представляла личный интерес для увлекавшегося музыкального царя Федора Алексеевича.

¹ Куранты – обзоры европейской прессы, которые с середины XVII столетия регулярно готовили для царя и бояр в Посольском приказе.

- ² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 10, 114, 115; 1677 г. Д. 7. Л. 89–91, 161–136, 306, 307; 1679 г. Д. 5. Л. 276–278, 267, 268; 1680 г. Д. 4. Л. 79, 154–157, 163, 165, 166, 176, 246, 247; 1681 г. Д. 5. Л. 2, 3, 5, 99, 100–102, 119, 120, 189–191; 1682 г. Д. 5. Л. 3–8. С. 45, 46, 194, 214.
- ³ Там же. Л. 161, 162.
- ⁴ Там же. Л. 306, 307. В 1680 г. в куранты включили описание въезда польского посольства в Рим. См.: Там же. Д. 4. 1680 г. Л. 79.
- ⁵ Там же. Д. 5. 1682 г. Л. 194.
- ⁶ Там же. Д. 4. 1680 г. Л. 165, 166.
- ⁷ Там же. Д. 5. 1682 г. Л. 45, 46.
- ⁸ Там же. Д. 4. 1680 г. Л. 163.
- ⁹ Там же. Д. 5. 1681 г. Л. 99–102.
- ¹⁰ Там же. Д. 8. 1676 г. Л. 10.
- ¹¹ Там же. Л. 114, 115; Д. 7. 1677 г. Л. 163.
- ¹² Там же. Д. 5. 1681 г. Л. 189–191.
- ¹³ Там же. Д. 4. 1680 г. Л. 154–157.
- ¹⁴ Там же. Д. 5. 1679 г. Л. 276–278.
- ¹⁵ Богданов А.П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57–84.
- ¹⁶ Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVI–XVII вв. М., 1966. С. 74.
- ¹⁷ Богданов А.П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 40.
- ¹⁸ Таннер Бернгард. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. III. С. I–IX, 1–202.
- ¹⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV. Стб. 105–113.
- ²⁰ Там же. Стб. 179–182
- ²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Д. 4. 1680 г. Л. 176.
- ²² Там же. Л. 176, 246, 247.
- ²³ Там же. Д. 5. 1682 г. Л. 3–8.
- ²⁴ Там же. Д. 7. 1677 г. Л. 89–91.
- ²⁵ Там же. Д. 5. 1681 г. Л. 119, 120.
- ²⁶ Там же. Л. 2, 3.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ Там же. 1682 г. Л. 45, 46.
- ²⁹ Там же. 1679 г. Л. 267, 268.

ДЕНИ ДИДРО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ЦИВИЛИЗАЦИИ» РОССИИ

Настоящая работа основана на изучении политических сочинений Д. Дидро, посвященных России. Основные подходы были выработаны в рамках международного научного проекта «Дидро, Россия и возникновение концепции “цивилизации”», осуществленного в 2005 г. под руководством Жоржа Дюлака при поддержке Дома наук о Человеке (Франция). Теоретическая база проекта была заложена в многочисленных работах Ж. Дюлака¹, к сожалению, еще недостаточно известных отечественным историкам. Французский исследователь показал, что в 1760–1770 гг. у Дидро сложилась собственная концепция «цивилизации», которая определила его отношение к России и ее реформаторам и лежала в основе его диалога с Екатериной II. Эта концепция была тесно связана с теоретическими исканиями века Просвещения, в частности, с идеями Д. Юма и шотландской исторической школы.

Различные аспекты темы «Дидро и Россия» неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей². Рассмотрение этой темы через призму концепции «цивилизации» России позволяет надеяться на получение новых результатов в изучении старого сюжета.

До середины 1760-х годов Россия мало интересовала Дидро, во всяком случае мы не найдем у него прямых высказываний на русские темы. Единственным источником, позволяющим судить о том, что наверняка знал Дидро о России и с какими оценками он соглашался, – это статьи Энциклопедии, написанные единомышленником Дидро Луи де Жокуром. В них автор колебался между «русским миражом», созданным Фонтенелем и Вольтером, и негативным видением западноевропейских путешественников: «кажется, он больше склонялся к последнему»³. В любом случае энциклопедисты критически отнеслись к результатам деятельности Петра I. А стремление царя «во всем преодолевать природу» (*«forcer la nature»*) не вызывало у них такого энтузиазма, как у

Вольтера. «Русские» статьи Энциклопедии были базой, на которой строились дальнейшие размышления Дидро о России, обогащенные новыми фактическими и теоретическими сведениями⁴.

Начало тесных связей Дидро с Россией было положено в 1765 г., когда Екатерина II купила библиотеку Дидро, обеспечив тем самым его материальное благосостояние. В то время, когда Дидро поворачивался в сторону России, он начинал размышлять о судьбах литературы и искусства в обществе в контексте концепции «цивилизации». Эту концепцию философ не мог не применить к России.

В своих «Салонах», анализируя современное и древнее искусство, Дидро постепенно приходил к осознанию условий, необходимых для развития культуры и искусства в обществе. Подлинные навыки художника, знания и вкус вырабатываются далеко не везде, писал он в «Салоне» 1765 г. Для формирования настоящего художника необходимы концентрация населения, культурная среда, а также конкуренция между мастерами. Философ считал, что изоляция художника, его отдаление от очагов культуры может легко привести к деградации⁵.

Свое дальнейшее развитие эти идеи нашли в «Салоне» 1767 г. Не используя еще понятия «цивилизация», Дидро подходил к пониманию развития культуры в обществе как естественного, длительного, детерминированного многими факторами процесса. Развитие культуры, полагал он, идет «медленными и робкими шагами, путем долгого и мучительного нащупывания». Философ делал главный акцент на непреложном и неспешном ходе естественного развития: «Надо, чтобы соблюдались непреложные законы природы, которые не терпят скачков и которые не менее справедливы для искусств, чем для вселенной»⁶.

В 1768–1770 гг. Дидро много читал и беседовал о России и начал свое сотрудничество с Г.Т. Рейналем в «Истории обеих Индий», где и высказал недвусмысленно свое отношение к цивилизации и цивилизаторам России. Итальянский исследователь Д. Годжи установил, что отрывок о России уже в первом издании «Истории обеих Индий» (1770) принадлежит Дидро⁷. Здесь Дидро поставил под сомнение господствующую (вольтеровскую) оценку Петра I как создателя новой России: «Восторг, с которым воспринимали, с которым должны были воспринимать Петра Великого,

приучил Европу к формированию преувеличенного мнения о его империи⁸. Вопреки этому мнению, замечал Дидро, «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в череде блестящих ошибок, оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности». Перечисляя печальные результаты политики Петра I, автор называл в негативном плане все те условия, которые он считал необходимыми для строительства подлинно цивилизованного общества. Малочисленность и разбросанность населения в условиях сурового климата едва ли позволят русским создать в своих «пустынях» цивилизованные нравы и правление. Петр I и его преемники все силы потратили на то, чтобы создать армию, флот, порты, – и страна от этого больше потеряла, чем выиграла.

В позитивной части отрывка Дидро дал первый набросок программы «цивилизации» России. Философ предлагал умерить стремление к славе, пожертвовать влиянием в делах Европы, превратить Петербург в обычновенный торговый порт и перенести столицу внутрь государства. Необходимо, писал Дидро, переключить энергию внешних завоеваний на более важные внутренние преобразования. Он считал полезным сплотить и сконцентрировать население внутри страны вплоть до того, чтобы отказаться от некоторых «слишком обременительных провинций». Он призывал монарха освободить дворцовых крестьян и тем подать пример дворянству. Освобождение крестьян должно привести к зарождению третьего сословия, «без которого ни у какого народа никогда не было ни искусства, ни просвещения, ни свободы». И только после этих реформ русские, которых хотели сделать немцами, англичанами, французами, перестанут быть чужими в своей стране и приобретут национальный характер. Таким образом, нация встанет на естественный путь развития⁹.

Пожалуй, наиболее полное представление о взглядах Дидро на Россию накануне его поездки в Петербург дают «Политические фрагменты» 1772 г., вошедшие затем во второе (1774) и третье (1780) издания «Истории обеих Индий» Г.Т. Рейналя. Их принадлежность перу философа выявлена давно, но лишь в работах Д. Годжи они получили всестороннее изучение¹⁰. Нас интересует XVI фрагмент, который первоначально назывался «О России»,

затем был обнародован М. Гриммом под названием «О том, что нужно начинать с начала» и, наконец, был расширен для «Истории» Рейналя под названием «О цивилизации России». Анализируя здесь развитие России в XVIII в., автор приходил к выводу, что цивилизация России идет неверным, искусственным путем.

Мысли о цивилизации предварены здесь рассуждением о «прощенном деспотизме»: «Между тем можно услышать, что самым счастливым правлением было бы правление справедливого, непреклонного, просвещенного деспота. Какая нелепость!»¹¹ Деспотизм опасен во всех проявлениях и не может быть надежной основой цивилизации: «все памятники свидетельствуют, что цивилизация государств была делом скорее обстоятельств, чем мудрости монархов»¹².

Далее автор характеризовал естественные трудности на пути цивилизации России: суровый климат, который препятствует росту населения. Дидро отмечал, что два этих фактора взаимообусловлены и связаны с необходимостью иметь обширные территории, покрытые лесами. Зимой вынужденная праздность населения развивает в нем склонность к игре, к вину, к распутству, неумеренному употреблению крепких напитков. Огромная протяженность империи, различия народов в обычаях и языках препятствуют законодательной деятельности. Дидро обоснованно полагал, что центральная власть ослабевает по мере удаления от столицы, что открывает возможности для злоупотреблений чиновников, каждый из которых полагал: «До бога высоко, до императора далеко и хозяин здесь я»¹³.

В России все население делится на два класса: господа и рабы, констатировал Дидро. Тирания держится на рабстве, и тираны никогда не согласятся добровольно его упразднить. К тому же вчерашние рабы, внезапно получив свободу, становятся ленивыми и жестокими. Но цивилизация не может существовать без личной свободы. Поэтому необходимо создать третье сословие, нацеленное чувством личной свободы и достоинства. Это очень трудная задача: «Положим, найдены к тому средства, сколько же понадобится столетий, чтобы получить заметный результат?»¹⁴. Как видим, Дидро не скрывал своего пессимизма и скепсиса в отношении скорейшей цивилизации российского общества.

Создание третьего сословия можно ускорить с помощью учреждения иностранных колоний. Но для их существования нужно юридическое обеспечение, твердое соблюдение законов. Как

можно добиться этого, когда в судах заседают только помещики, если везде господствуют взаимная выгода и продажность? «Спрашивается, можно ли там иметь цивилизацию без справедливости и как можно установить справедливость в такой империи?»¹⁵

Отсутствие третьего сословия предопределило слабость городов, которые разбросаны по огромной территории. Но особенно бросается в глаза отсутствие дорог в России и дурное состояние тех, которые имеются. Состояние дорог свидетельствует о развитии коммерции и является, в конечном счете, показателем уровня цивилизации: «Обойдите все страны на земле и повсюду, где вы не обнаружите легкости торгового общения города с поселком, поселка с деревней, деревни с хутором, скажите, что эти народы суть варвары, и вы, как правило, не ошибетесь». «При таком состоянии дел наибольшим счастьем, которого можно достичь в стране огромной протяженности, не было ли расчленение ее в результате какой-то большой перемены (*grande révolution*) и разделение на множество маленьких смежных государств?»¹⁶ – вопрошал Дидро.

На первый взгляд Россия может показаться страной религиозной терпимости, замечал автор. Но это верно только в отношении Петербурга. Но и здесь надо сделать исключение для иудаизма. Веротерпимость способствовала бы цивилизации, если бы остальное население не было погружено в самое грубое суеверие, если бы оно не разжигалось многочисленным духовенством, невежественным и распутным.

Некоторые особенности национального характера русских также могут, по мнению Дидро, препятствовать реформам: русские имеют о себе слишком высокое мнение, исполнены чувством собственной исключительности. Они уверены в своем превосходстве над остальными народами Европы. Это побудило некоего иностранца, объехавшего большую часть империи, сказать: «Россия сгнила прежде чем достигла зрелости»¹⁷.

Что можно сделать для достижения цивилизации России? Необходимо дать народу политическую свободу. Екатерина II понимает значение свободы для достижения общественного блага, полагал Дидро. Но отказалась ли она от деспотической власти? Можно ли в ее «Наказе» для Уложенной комиссии увидеть нечто

большее, чем желание изменить названия: называться монархом, а не самодержцем, называть свой народ подданными, а не рабами? Можно ли обмануть народ подобной «комедией»?¹⁸

В своей политике реформатор должен опираться на общественную поддержку. Русскому монарху не на что опираться, кроме армии. В России хорошие солдаты, но вокруг Екатерины невозможно найти настоящих государственных деятелей. Удивительно то, что она сделала одна, но, когда ее не станет, кто ее заменит?¹⁹ Философ не просто подчеркивал роль личности монарха, но имел в виду необходимость создания общественных и экономических условий для проведения реформ.

Вопреки просветительским иллюзиям Дидро здраво полагал, что такие проекты, как создание закрытых учебных заведений (а также воспитательных домов для сирот), где дети воспитываются в духе свободы, мало что могут изменить в обществе. Тем более что существование этих учреждений целиком зависит от властей.²⁰

Столь же искусственными, по его мнению, являются академии, в которых иностранцы пытаются продвигать науки и искусства. Их учреждение не является результатом общественного развития, а потому таланты не находят себе применения в обществе²¹.

Дидро еще не терял веры в реформаторские возможности Екатерины II. Он пытался дать практические советы. Их мы тоже находим в «Истории обеих Индий». Прежде всего, философ отмечал, что для дальнейших преобразований нужна стабильность власти и строгий порядок наследования престола²². В противном случае страна наполнится восстаниями и междоусобицами. (Дидро имел в виду печальный опыт дворцовых переворотов в России XVIII в.) Он осуждал петровский закон о престолонаследии. Но для народа недостаточно иметь законного монарха, надо, чтобы он заботился о народном благе. В России это невозможно без изменения формы правления. Российский деспотизм держится на всеобщем рабстве. Никто среди подданных не может быть уверенным в безопасности своей личности и имущества. Понятно, не случайно, говоря о деспотизме и крепостничестве, Дидро обращался к памяти Петра I.

Конечно, Дидро больше интересовало настоящее и будущее России, чем ее прошлое. Но он понимал, что исходным пунктом развития современной России были реформы Петра. Поэтому прежде чем давать Екатерине конкретные советы, он оценивал знаменитого русского реформатора:

«Уважение, которое необходимо воздать памяти Петра I, не должно помешать сказать о том, что ему не удалось увидеть в целом благоустроенного государства. Он был рожден гением. Ему внущили любовь к славе. Эта страсть сделала его деятельным, терпеливым, прилежным, неутомимым, способным побеждать трудности, которые природа, невежество, привычка противопоставляли его предприятиям. С этими добродетелями и иностранцами, которых он призвал к себе, ему удалось создать армию, флот, порт. Он создал множество необходимых регламентов для успеха своих смелых замыслов. Но несмотря на славу и титул законодателя, он едва ли издал два или три закона, которые не несли бы отпечатка жестокости. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства своего народа с личным величием. После его великодержавных установлений нация продолжала томиться в бедности, в рабстве и угнетении. Он не хотел ничего ослабить в своем деспотизме, а ужесточил его, быть может, и оставил своим преемникам ужасную и губительную идею, что подданные – ничто, а монарх – все»²³.

Таким образом, Дидро отдавал должное лишь гению Петра, его личному величию. Но он отказывался видеть в нем законодателя и реформатора, принесшего пользу своему народу. Петр не смог вывести Россию из состояния варварства и притом испортил ее.

Дидро верил в добрые намерения Екатерины, хотя и видел, насколько трудно ей действовать в условиях России. Философ заметил, что она поступала в некоторых случаях иначе, чем Петр. «Этот монарх ожидал наибольшего успеха от возвращения молодых людей, которых он посыпал заимствовать образование в наиболее просвещенных странах Европы»²⁴. Екатерина же обратила внимание на воспитание молодых людей, создала школы для дворян. Что еще лучше, она создала школы для простолюдинов, которые могут теперь учиться полезным ремеслам.

Но чтобы ускорить достижение поставленной цели, Дидро предлагал свою идею «цивилизации» через иностранную колони-

зацию. Надо призвать «свободных людей из цивилизованных стран», наделить их землей, построить им дома, снабдить всем необходимым для земледелия. Нужно предоставить им свободу вероисповедания. Из этих колоний зародыш свободы может распространиться по всей империи. Правда, колонизация не должна быть такой, какую осуществила императрица в 1764–1765 гг., в результате чего иностранцы в России «нашли только рабство, нищету, смерть, где немногие избежавшие этих несчастий томятся в ожидании близкого конца»²⁵.

Если Екатерина захочет подчиниться новому порядку вещей с целью достижения общего блага, она должна умерить свое стремление к славе и не стремиться к военным успехам в Европе, перенести столицу из Петербурга, уничтожить все виды рабства, обеспечив тем самым появление третьего сословия.

Философ завершал свое наиболее развернутое суждение о цивилизации России, излагая свой план естественного развития общества. Не следует приглашать знаменитых людей из других стран. «Эти экзотические растения погибнут в стране, как гибнут иностранные ростки в нашей почве». «Во всем надо начинать с начала: начало — это приведение в действие ремесел и низших классов. Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные ткани и у вас быстро выделятся богатые семьи»²⁶. Обеспеченное общество само должно породить поэтов, философов, ораторов, скульпторов и живописцев. «Следуйте постоянному ходу природы, бесполезно было бы стараться избежать его»²⁷. Если отклониться от естественного хода природы, никакие усилия и средства не принесут ожидаемых плодов, и общество может вернуться в состояние варварства.

Как бы мы ни оценивали сегодня разработанный Дидро план «цивилизации» России и степень его утопичности, нельзя не признать его внутренней логики, основанной на изучении исторического опыта европейских стран. Автор считал европейский путь цивилизации магистральным для всех народов. Отсюда — его убежденность в необходимости развития таких основ европейской цивилизации, как собственность, личная и политическая свобода. Отсюда исходила и его вера в историческую роль третьего сословия.

Вместе с тем план «цивилизации» Дидро нельзя рассматривать как простой план европеизации. Институты цивилизованного

общества должны, по его мнению, естественным путем вырастать на собственной почве, общество должно пройти определенные стадии развития. Таким образом, Дидро отрицал идею Вольтера о трансплантации культуры, олицетворением которой был Петр I.

Философ строил свою концепцию «цивилизации» по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., полагая, что петровские реформы заложили основы искусственной, ложной цивилизации России.

Рассматривая цивилизацию как естественный и длительный процесс, Дидро не отказывался от мысли о возможности ее ускорения путем реформ сверху. Поэтому он всегда поддерживал политический диалог с Екатериной II, желая научить ее искусству управления или «цивилизации» страны. В своих советах Екатерине Дидро как будто смотрел на века вперед, поэтому некоторые его мысли о цивилизации и сегодня звучат актуально.

Как видим, еще до приезда в Россию Дидро располагал достоверной и обширной информацией о положении страны, о ее социально-политическом развитии в XVIII в. Философ уже выработал основные положения плана «цивилизации» России, который он готовил представить Екатерине II. В Петербурге Дидро провел пять месяцев: с 8 октября 1773 по 5 марта 1774 г. Он тщательно готовился к беседам с августейшей собеседницей, заранее писал записки, передавал их после бесед императрице. Так возник целый том «Записок» для Екатерины II²⁸. Как заметил Б. Бинош, этот «странный сборник» содержит размышления Дидро об искусстве управления или, точнее, об искусстве «цивилизации» России²⁹. Философ выработал особую тактику общения с императрицей, чтобы исподволь, в виде разрозненных замечаний и вопросов высказать свое истинное отношение к цивилизации России и ее цивилизаторам и тем самым повлиять на направление политики Екатерины II, не отказывавшейся от диалога с просветителями.

После отъезда из России Дидро издал книгу И.И. Бецкого «Планы и уставы учреждений... для воспитания юношества» (Amsterdam, 1775), написал для Екатерины «План университета» (1775), составил «Замечания на Наказ»³⁰ (1774). В этих работах «русского цикла» его концепция «цивилизации» России детализировалась, но оставалась неизменной по своей сути.

Есть основания предполагать, что концепция «цивилизации», примененная Дидро к России, нашла широкий отклик среди за-

падноевропейских и российских авторов. Ее влияние испытали П.Ш. Левек, Ж.Н. Демене, А. Делейр, А.В. Нарышкин, А.Н. Радищев.

¹ См.: Dulac G. Diderot et deux académiciens de Pétersbourg // Europe. 1984. Mai. N 661. P. 84–93; *Idem*. Diderot, éditeur des Plans et statuts des établissements de Catherine II // Dix-huitième siècle. 1984. N 16. P. 323–344; *Idem*. Diderot et la “civilisation” de la Russie // Colloque international Diderot (1713–1784) / Actes réunis et préparés par A.-M. Chouillet. Paris, 1985. P. 161–171; *Idem*. Le discours politique de Pétersbourg // Recherches sur Diderot et sur l’Encyclopédie. 1986. Octobre. N 1. P. 32–58; *Idem*. Les relations de Diderot avec la Russie: transcription et identification des noms des personnes // Editer Diderot. Oxford, 1988. P. 317–341; *Idem*. Un nouveau La Mettrie à Pétersbourg: Diderot vu de l’Académie impériale des sciences // Recherches sur Diderot et sur l’Encyclopédie. 1994. Avril. N 16. P. 19–43; *Idem*. Dans quelle mesure Catherine II a-t-elle dialogué avec Diderot? // Catherine II et l’Europe. Paris, 1997. P. 149–161; *Idem*. Diderot et le “mirage russe”: quelques préliminaires à l’étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149–192; *Idem*. Quelques exemples de transferts européens du concept de “civilization” (1765–1780) // Les équivoques de la civilization. Montpellier, 2005. P. 106–135; *Idem*. La question des beaux-arts dans les relations de Diderot avec la Russie: les réflexions d’un philosophe (1765–1780) // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 7–29; *Idem*. Diderot en Russie, vu par ses amis et ses détracteurs // L’image de l’Étranger / Publié sous la direction d’A. Stroev. Paris, 2010. P. 89–112; и др.

² См.: Мезин С.А. Русские контакты Д. Дидро: эволюция исследования проблем // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 36–49.

³ Mervaud M. Le knout et l’honneur des Russes (à propos de deux articles de l’Encyclopédie) // Recherches sur Diderot et sur l’Encyclopédie. 1993. Avril. N 14. P. 120.

⁴ См.: Мезин С.А. Петр I и Россия в Энциклопедии Дидро // Историографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 28–39.

⁵ Salon de 1765 // Diderot. Oeuvres complètes. Paris, 1984. T. XIV. P. 278.

⁶ Salon de 1767 // Ibid. Paris, 1990. T. XVI. P. 308.

⁷ См.: Goggi G. Diderot et la Russie: quelques remarques sur une page de la première édition de l’ “Histoire des deux Indes” // L’Encyclopédie, Diderot, l’esthétique: Mélanges en hommage à Jacques Chouillet, 1915–1990. Paris, 1991. P. 99–112.

⁸ (Raynal G.-T.). Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 204–205.

⁹ Ibid.

- ¹⁰ См.: Goggi G. Les Fragments politiques de 1772 // Studies on Voltaire and eighteenth century. 1988. Vol. 254; Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.
- ¹¹ (Raynal G.-T.). Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes. Genève: Chez J.L. Pellet, 1780. T. X. P. 40. Далее – HDI.
- ¹² Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. Contribution à l'Histoire des deux Indes. Sienna, 1977. T. 2 / Ed. G. Goggi. P. 376; HDI. T. X. P. 43.
- ¹³ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 377; HDI. T. X. P. 45.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46.
- ¹⁶ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46, 47.
- ¹⁷ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 379; HDI. T. X. P. 48.
- ¹⁸ См.: Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 379-380; HDI. T. X. P. 48-49.
- ¹⁹ См.: Ibid; см. также: Diderot D. Correspondance / publiée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1968. Vol. XIV. P. 80.
- ²⁰ См.: Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 380, 381; HDI. T. X. P. 50, 51.
- ²¹ См.: Ibid.
- ²² См.: Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 382; HDI. T. III. Genève, 1780. P. 167.
- ²³ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 383-384; HDI. T. III. P. 168, 169.
- ²⁴ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 385; HDI. T. III. P. 171.
- ²⁵ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 387; HDI. T. III. P. 175. Во время своего визита в Петербург Дидро подал императрице записку неизвестного автора о плачевном состоянии иностранных колоний на Волге и о мерах по улучшению их положения. Записка издана Р. Бартлеттом: Bartlett R.P. Diderot and the foreign colonies of Catherine II // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23, N 2. P. 221-241; русский перевод опубликован С.А. Мезиным: К истории немецких колоний на Волге // Волга. Саратов, 1997. № 5-6. С. 43-55.
- ²⁶ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 388; HDI. T. III. P. 176.
- ²⁷ Diderot Denis. Mélanges et morceaux divers. P. 388, 389; HDI. T. III. P. 177.
- ²⁸ См.: Diderot. Oeuvres. Paris, 1995. Т. III: Politique / Ed. L. Versini. P. 203-407; Дидро Д. Собрание сочинений. М., 1947. Т. 10: Rossica. С. 41-262.
- ²⁹ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoire // Sens du devenir et pensée de l'histoire au temps des lumières. Seyssel, 2000. P. 144.
- ³⁰ См.: Diderot. Oeuvres. Т. III. Р. 411-500, 507-586; Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 10. С. 263-371, 409-511.

ОБРАЗ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII в.

Интерес к России, столь характерный для европейских мыслителей и литераторов века Просвещения, в период революционного десятилетия во Франции не только не исчез, но и приобрел новые оттенки. Конец XVIII в. стал временем, когда на основе существовавших стереотипов в разных европейских странах начал формироваться новый образ России, которая активно и успешно реализовывала свои внешнеполитические планы в Европе. Сохранявшаяся культурная гегемония Франции и французского языка в Европе обуславливала процесс восприятия России, так сказать, с «французской» точки зрения, а радикализация политических движений в самой Франции предопределяла отказ от многих просветительских идеалов.

Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся публикой Века Просвещения, был вопрос о путях и способах цивилизации России. Общественному мнению Просвещения, являвшемуся мощным фактором социальной жизни, в наследство от предыдущих столетий достались стереотипы приписываемых русским варварства, рабства и деспотизма. Однако в условиях нового баланса сил на европейском континенте неизбежны были изменения в отношениях с Россией, что не замедлило сказаться на восприятии империи царей в Европе.

Публицистика и периодическая печать революционной поры огромное внимание уделяли международным отношениям и подробно рассматривали все, что было связано с Россией. События русско-турецкой (1787-1791), русско-шведской войн (1788-1790) и участие России в разделах Польши этому максимально способствовали.

В публицистике сосуществовали диаметрально противоположные оценки российской политики. Традиционную точку зрения на «восточный вопрос» выражал дипломат и публицист Пейсонель, выступавший за союз с Турцией и критиковавший россий-

скую императрицу. С пророссийских позиций выступал Вольней¹. В анонимном памфлете «Об угрозе политическому балансу...» выдвигались обвинения против Екатерины II и ее внешнеполитических планов, а также звучал призыв к воссозданию в обновленном виде «восточного барьера», против дальнейшего роста Российской империи. Особой критике подвергался «Греческий проект» Екатерины, согласно которому турок надлежало изгнать из Европы, а в Константинополе восстановить православную монархию².

Образ «имперского колосса», одной ногой утвердившегося в Крыму, а другой на Камчатке, наводил страх на европейских наблюдателей. В освещении русско-турецкой войны симпатии газет принадлежали Оттоманской Порте. Неудивительно, что сведения о штурме Измаила русскими войсками преподносились как доказательство варварской жесткости Суворова и его солдат³.

Излюбленной темой журналистов в первой половине 1790-х годов оставался «польский вопрос»⁴. В планах революционеров Польша должна была стать одной из стран нового «восточного барьера», она символизировала собой свободу, а Россия – деспотизм. Однако, французские наблюдатели не склонны были идеализировать польские традиции «шляхетской вольности», критиковали за «неполноценность» реформы 1791 г. и воздерживались от оказания военной помощи польским повстанцам.

К осени 1792 г. в обществе возобладали антимонархические настроения и в общественном мнении Россию все чаще стали изображать как деспотическую державу, чьи завоевательные планы простираются далеко за пределы ее границ. Осложнение дипломатических отношений с Петербургом и враждебная позиция России в отношении революции способствовали росту негативных настроений.

Совокупность представлений о России, получивших в историографии название «русского миража», тесно связанных с представлениями об идеальном просвещенном монархе, после 1789 г. оборачивались своей противоположностью. Вместе с идеей «мудреца на троне» уходила в прошлое и легенда о гении Петра Великого, сотворившего свой народ «из ничего». Если для просветителей деятельность Петра I была историческим подтверждением их постулатов, то в 1790-е годы сама жизнь проверила их состоятельность. Публицисты пытались освободить образ России от лес-

ти и преувеличений «философов», и если прежде Россия представляла собой образцовую модель просвещенной монархии, то по мере развития революции и отказа от просветительских идеальных представлений о верховной власти, Россия вновь представляла антиподом Франции, но уже республиканской.

В процессе развенчания образа «Семирамиды Севера» публицисты старались показать внутренние проблемы России: острый финансовый кризис, нехватка человеческих ресурсов для новых войн и крепостное рабство сосуществовали с неуемной щедростью царицы и роскошной жизнью дворянства. Источником всех бед России называлась модель цивилизации «сверху», избранная еще Петром I. Гротескные и часто далекие от реальности газетные статьи о русском войске и пороках военной системы, вероятно, призваны были смягчить страхи перед угрозой военного вторжения «варваров Севера». В то же время в народной культуре создавался сниженный, низведенный до фарса и карикатуры образ русской царицы. Особенно успешно на поприще развенчаний старых и создания новых мифов действовали монтаньеры⁵.

Символом древних традиций, дворянской оппозиции и православия для французских авторов являлась Москва⁶. Неоднократно в газетах встречались сообщения о восстаниях, якобы произошедших в Москве⁷. Именно с древней столицей связаны и замечания публицистов о сопротивлении населения реформам. Шерер, рассказывая о «религиозном оцепенении», охватившем москвичей во время эпидемии чумы 1771 г., сообщал о варварском убийстве архиепископа Амвросия, которое он преподносил как результат мести фанатичной толпы⁸. «Вот достойный результат уроков, преподанных Петром II! – Незабываемый пример тех препятствий и трудностей, что испытывают все законодатели, одерживая верх над предрассудком, укрепившимся благодаря отступнию или рабскому состоянию, унижающим нации». Насильственные преобразования царей, не позволившие созреть самобытному характеру и нравам российского народа, чреваты роковыми последствиями, утверждал Шерер⁹. Рост национального самосознания, а не реформы царей помогут россиянам обрести свободу: «Не ждите никакого усилия от народа рабов, поскольку он вовсе не чувствует своего человеческого достоинства. Разбейте эти оковы – и фанатизм будет истреблен. Это последствие неизбежно»¹⁰.

В размышлениях о национальном характере россиян важное место отводилось религиозному вопросу. Антиклерикальное направление настойчиво проводило мысль о господстве религиозного фанатизма в народной среде и невежестве духовенства. Как и прежде, описывались православные церемонии и обряды, но глубокому изучению учение не подвергалось. Демократические публицисты считали, что православие ущемляет права человека, они называли его религией «противоречащей Разуму». По их мнению, реформы царей в XVII в. никак не изменили фанатизма и суеверия православного народа и не отразились на просвещении духовенства. Иногда в республиканской публицистике встречаются даже сравнения православия с католицизмом. Монархисты колебались между традиционным осуждением «греческой церкви» и восхищенными надеждами на то, что Россия способна спасти Европу от революционной опасности и прославляли Россию как средоточие порядка и последний европейский бастion Просвещения на пути разрушительного революционного потока.

Якобинская пропаганда, направленная против коалиции, эффективно создавала новый образ врага. Этот процесс затрагивал и Россию, так как из далекой и незнакомой французам страны она превратилась в столь же далекого, но вполне реального противника.

П.Н. Шантро, в своем «Путешествии в Россию» (1794), доказывал, что despотическое правление приносит вред любому народу, а рабство и религиозный фанатизм лишают его возможности осознать собственные права¹¹. Шантро попытался представить, пусть и с критических позиций, социальную картину российской действительности. Существование крепостного права в России, по его мнению, совершенно не гармонировало с восхвалениями в адрес Екатерины II. Шантро скептически относился к результатам реформ XVIII в. и считал, что они не оправдали затраченных усилий. Ни Петр, ни его наследники не сумели ни усмирить фанатическое упрямство своего суеверного народа, ни воспитать духовенство, чьи «грубость и невежество» мешали распространению грамотности и наук. Несмотря на определенные успехи екатерининского царствования, Шантро приходил к неутешительному выводу о состоянии просвещения в державе царей: «Когда приезжают в Россию, то ожидают в соответствии с тем, что ранее про-

читали об этой стране, найти тут дух нации полностью образованной, просвещенной и отшлифованной, и удивляются степени того варварства, в котором до сих пор находится большая часть этой нации»¹².

Теория о влиянии климата на национальный характер, обладавшая известной популярностью в XVIII в., Шантро ставила под сомнение: «Суровому климату приписываются незначительность достижений, совершенных русскими на поприще наук и искусств, по сравнению с другими народами Европы. Но если климат оказывает необходимое воздействие на человеческий разум, то где же следует поместить границы способностей ума?» Если влияние климата так основательно и постоянно, задавался вопросом Шантро, то отчего Греция современная не является родиной знаний и изящных искусств, как это было в античности? Почему Ирландия, расположенная «почти рядом с полюсом», никогда была единственной просвещенной страной на всем Севере? В чем причина того, что русские менее цивилизованны, чем их соседи шведы? Шантро видел ответы на эти вопросы не в суровом климате, а в препятствиях, которые на пути распространения просвещения в России были созданы despотическим правлением, религиозными предрассудками и существованием крепостного права¹³. Однако возможность кардинального переустройства общества, по мнению некоторых революционеров, существовала и в России. Так, например, члену Конвента Ж.Ф. Гарран-Кулону восстание «нового Пугачева» против царского despотизма казалось неминуемым: казаки, объединившиеся с крымскими татарами, могут изменить лицо России, уничтожить рабство и свергнуть императрицу, тем самым прекратить «позорное», по мнению публициста, женское правление¹⁴.

Конвент использовал пропаганду войны с коалицией и в революционной армии. В специальных брошюрах и газетах, призывающих на бой с монархическими армиями Европы, заметен переход от «мифологизированного» восприятия России к восприятию, пронизанному политической идеологией: республиканская Франция сравнивалась с античной демократией, а на Россию времен Екатерины II переносились черты азиатской despотии, откуда ожидали нашествия несметных полчищ «усмирителей» Франции. Восприятие России во французском обществе и в термидориан-

ский период происходило сквозь призму стереотипных представлений, мифов, и в гораздо большей степени зависело от быстро менявшейся международной обстановки. На фоне газетных публикаций о росте Российской империи и судьбе разделенной Польши рождался знаменитый апокриф – «Завещание Петра Великого»¹⁵, в котором был представлен «очерк» российской доктрины по продвижению в Европу.

В прессе периода Директории обсуждали тему усиления русского могущества: «Что собой представляет эта держава, которую Европа рассматривает с удивлением, которая претендует на то, чтобы навязывать свои законы странам Севера, которая удерживает страны Юга в восхищенном безмолвии, сдерживая один народ с помощью страха, а другой, порабощая посредством интриг, которая решает участь различных государств и союз с которой кажется залогом победы?» Ответ на этот вопрос вполне соответствовал самым стереотипным представлениям о России: «Это народ, – продолжала газета *"Moniteur"*, – находящийся в состоянии детства, едва вышедший из состояния дикости, и для которого науки и искусства еще не вполне свойственны; народ, который блестит иноземным светом в своих столицах, но едва знаком в [малых] городах и деревнях с несколькими грубыми инструментами, чтобы помочь себе в производстве предметов первой необходимости; [народ], который способен подражать, но умеет только копировать в общих чертах, грубо передразнивать других и к которому можно применить слова Горация: «*O imitatores, servum pecus!*»¹⁶. Трактовка национального характера была тесно связана с темами рабства и предательства: «Этот народ никогда не был полезным для своих союзников, обманывая их своей коварной политикой, что является непременной спутницей слабости. Быть может, еще не размышляли над тем, насколько рабский народ лукав, хитер, лжив и коварен; поскольку он не может ничего достичь с помощью силы, он подменяет ее хитростью и не учится ничему, кроме обмана. Он лжив и вкрадчив, он льстит, улыбается и притворяется, будто обнимает вас, чтобы затем сбить с ног. Нет никого искуснее русского раба в этой науке обмана!»¹⁷. Журналист отмечал, что в рабстве, по сути, томится все население империи, не исключая и дворянства, поэтому рабство имеет характер родового признака всего российского общества. Однако эта уни-

женная и стенающая под деспотической властью нация имеет большие амбиции, растущие день ото дня: «Это невежественный раб, который хочет господствовать над всей просвещенной Европы, это рабство, что хочет сразиться со свободой, это варварство, идущее против цивилизации, невежество – против просвещения и свирепость – против храбрости»¹⁸.

Первые известия о воцарении Павла I вызывали восхищение и надежды французской прессы. Это не мешало Директории разрешить публикацию сочинений Кастера, Рюльера, Лаво о жизни Екатерины II. Антикатерининская публицистика продолжала традицию разоблачения императрицы, публикацию анекдотов из придворной жизни и сравнительно мало уделяла внимания вопросам просвещения России, ее культуре, общественному устройству и религии¹⁹. Однако уже в 1798 г. публицисты разочаровались и в Павле I. Вступление России во вторую коалицию, договор, заключенный с Турцией и обставленное рыцарскими декорациями тираническое правление Павла позволяли сравнивать его то с Аттилой, то с Робеспьером, то с Петром III. Благие начинания и многочисленные законодательные акты царя изображались как чудачества тирана и самодура.

Этот пример непостоянства в отношении к Павлу I доказывает, что в обществе времен Директории отношение к России оставалось двойственным: при суровых суждениях о русском государстве, его роли в международных делах и критике деспотизма наблюдатели были склонны выражать уважение к добродетелям русского народа. И наоборот, подчеркивая роль «просвещенного монарха», демонстрировали «варварские» нравы присущие населению России. Лучше всего возвышенная оценка «русского национального характера» отразилась в записке роялистского публициста Ж.Т. Рише-Серизи, которую он поместил в виде приложения к книге путешествия Э. Свингтона в «северные страны» (1798). Рише-Серизи отличал неподдельный интерес к русскому народу, который представлялся ему «все еще неизвестным для нас». Он очень высоко оценивал его качества: «Активный, деятельный, воспринимчивый, русский вскоре превзойдет свой образец; терпеливый, бесстрашный, проникнувшийся идеей, общей для всех северных народов, о том, что человек не может уклониться от собственной судьбы, и что несчастье – это удел нашей

столь переменчивой жизни; он страдает, но не сетует, отважно сражается и умирает без сожаления... Так же, как мы увидели, из этой примитивной, еще бесформенной, но могучей природы, на протяжении одного столетия появлялись люди, подобных которым среди нас нет, и которые, кажется, уготованы [судьбой] только для тех мест»²⁰. По мнению Ришелье-Серизи, национальному характеру россиян присущи фатализм, терпеливость, бесстрашие, а копирование образцов чужой культуры, культурное заимствование, которое республиканцы клеймили как «рабское подражательство» и «притворство», якобы вызванное неспособностью к собственным достижениям и открытиям, у роялистского публициста превращается в «восприимчивость» талантливого народа. Любопытен и сам факт обращения представителя роялистской оппозиции к русскому сюжету, который послужил полем для выражения оппозиционных политических взглядов.

По мере приближения к 1799 г. тема русской опасности становилась все более востребованной во французском обществе. В отношении России сохранялись прежние предрассудки о варварстве и агрессивности обитателей «северных пустынь». Используя известные скептические выводы ряда просветителей относительно процесса цивилизации России, пропаганда Директории от демонстрации существования «русской угрозы» переходила к доказательству призрачности русского могущества, а поход русских войск в Европу сравнивалась с варварскими нашествиями на античный Рим. Все характеристики русских войск (и в частности А.В. Суворова) были призваны доказать оторванность России от цивилизованного мира, а противостояние Франции и России (в котором Россия была одной из стран-участниц второй коалиции) показать как борьбу цивилизации против варварства.

Памфлет швейцарца И. Форнерода под названием «Взгляд на современное состояние России», вышедший при покровительстве французских властей летом 1799 г. в Лозанне, насыщен лозунгами и образами 1793 г.²¹ Форнерод предсказывал, что кампания 1799-го г. непременно должна завершить семилетнюю «кровавую и славную борьбу республиканцев против королей»²². Русских солдат швейцарец изображал в виде орды северных «варваров», как орудие слепой мести тиранов и как «неутомимых и непобедимых воинов», пришедших, дабы покончить с защитниками дела

свободы. Желая подчеркнуть внутреннюю слабость России, он сравнивал ее с «колоссом на глиняных ногах»: «(Россия. – A.M.) – это великолепный колосс, похожий издалека на статую Навуходоносора, неспособный вблизи спрятать своих глиняных ног, из-за которых и рухнет при первом же малейшем ударе»²³. Форнерод невысоко оценивал боевые качества и способности русских солдат, утверждал, что армия в России – самая низкооплачиваемая, состоит из крепостных крестьян и иррегулярных казацких, калмыцких и татарских частей, а офицеры заметно уступают иностранцам на русской службе и победы достигаются благодаря опыту последних.

Публицисты конца XVIII в. активную русскую политику в Европе связывали с преобразованиями и замыслами Петра I. Не обошел петровскую тему и Форнерод, – он акцентировал внимание на незавершенности и ограниченном характере процесса цивилизации в России. По мнению публициста, поверхностный характер петровских реформ был обусловлен не только плохой подготовленностью народа к преобразованиям, но и неправильным выбором учителей. «Русские еще и сейчас такие же, какими были в начале века, и накануне [правления] Петра I. И, несмотря на то, что пишут и публикуют об их так называемой цивилизации, на самом деле, она привела только к тому, что добавила пороки других наций к недостаткам, которыми [эта нация] уже обладала, ничуть не исправив их характер. [Это произошло] отчасти благодаря неправильному выбору учителей, которые, по большей части, являлись отбросами Европы»²⁴. Форнерод полагал, что сам процесс цивилизации принес России гораздо больше вреда, чем пользы, а достижения Петра I были мимолетны: он извлек Россию из ирака и невежества, стремясь «заставить ее на один-единственный миг блеснуть фальшивым сиянием среди других держав»²⁵, в то время как русский народ, по мнению Форнерода, и «вовсе не изменился, он еще так же неразвит, невежествен, суеверен, и, может быть, более несчастен, чем раньше»²⁶.

Революционные события во Франции стали переломным моментом для всего русско-французского культурного диалога. Интерес к России оказался в полной зависимости от революционной динамики. Самодержавная Россия по отношению к революционной Франции символизировала собой образ «Другого», и на почве

этой «инаковости» в политической, культурной и социальной сферах в моменты обострения международных отношений оживал образ «русской опасности», нередко встречавшийся и в публицистике Века Просвещения. Образ России в революционную эпоху выполнял ту же роль, что и при Старом порядке, оставаясь образом «Другого», в котором общество нуждалось для конституирования собственных границ и ценностей. Иными были условия формирования этого образа, иной была риторика, но прежними были основные стереотипы восприятия России и даже механизмы их воспроизведения были в своих основаниях схожи с теми, которые существовали до 1789 г.

- ¹ Volney C.-F.-Ch. de. *Considérations sur la guerre des Turks et des Russes en 1788* // Volney C.-F.-Ch. de. *Oeuvres*. Paris, 1998. T. III.
- ² Подробнее см.: Митрофанов А.А. Образ России во французском памфлете 1789 года «Об угрозе политическому балансу Европы» // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2006. Вып. 7. С. 57–76.
- ³ См.: Moniteur. 1791. 23 janvier (№ 23). Dimanche; 26 janvier (№ 26). Mercredi.
- ⁴ Godechot J. Robespierre et la Pologne // Wiek XVIII: Polska i świat. Warszawa, 1974. P. 372; Grossbart J. La politique polonaise de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 1929. Janvier – fevrier. P. 35–38; Handelsman M. La constitution polonaise du 3 mai 1791 et l'opinion française // La Révolution française. 1910. T. 58. P. 411–434.
- ⁵ См.: Baeque A. de. *La caricature révolutionnaire*. Paris, 1988. P. 221, 222.
- ⁶ Подробнее см.: Артемова Е. Ю. Русская культура глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). М., 2000.
- ⁷ Например, в январе 1794 г. «Moniteur» сообщал о возмущении в Москве против «тиарии» Екатерины. См.: Moniteur. An. II. 16 nivose (№ 106). Sextidi. (1794. 5 janvier).
- ⁸ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 345.
- ⁹ Ср., например, с Монтескье кн. 14, гл. 2: «Народы, как правило, очень привержены к своим обычаям, и лишать их этих обычаяв при помощи насилия, значит делать их несчастными, поэтому надо не изменять обычай народа, а побуждать народ к тому, чтобы он сам изменил их» (Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 265).
- ¹⁰ Scherer J.-B. *Anecdotes et recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différens peuples de la Russie / Par un voyageur qui a séjourné treize ans dans cet Empire*. Paris, 1806. T. 2. P. 33.
- ¹¹ [Chantreau P.-N.]. *Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789 / Par le citoyen Chantreau trad. du hollandais, avec une augmentation considérable*. Paris, 1794. Vol. 1–2.

Подробнее см.: Митрофанов А.А. Образ России в политической публицистике Франции периода якобинской диктатуры (на примере «Путешествия в Россию» П.-Н. Шантро) // Новая и новейшая история. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 46–61.

- ¹² Chantreau P.-N. Op. cit. Vol. I. P. 280.
- ¹³ Ibid. P. 300.
- ¹⁴ Garran J.-Ph. *Recherches politiques sur l'état ancien et moderne de la Pologne appliquées à sa dernière révolution*. Paris, 1795. P. 154.
- ¹⁵ Мезин С.А. Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 2003. С. 143 и далее.
- ¹⁶ (О подражатели, рабское стадо – лат.). V.: Moniteur. An. V. 24 frimaire (№ 84). Quartidi. (1796. 14 decembre. Mercredi).
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Moniteur. An. V. 24 frimaire (№ 84). Quartidi. (1796. 14 decembre. Mercredi).
- ¹⁹ Сомов В.А. О книге Ж.-Ш. Лаво «История Петра» III // Книга в России XVI – середина XIX в.: книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 102–116; Somov V.A. Le livre Castera d'Artigues sur Catherine II et sa fortune // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 211–223.
- ²⁰ Richer-Sérisy J. Lettre sur la Russie // [Swinton A.]. *Voyage en Norvège, en Danemark et en Russie dans les années 1788, 1789, 1790 et 91 / Par Swinton*. Paris, 1798. T. 2. P. 344.
- ²¹ [Fornerod]. Coup d'oeil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. / Par un ami de la Vérité. Lausanne, 1799.
- ²² Ibid. P. 3.
- ²³ Ibid. P. 4, 5.
- ²⁴ Ibid. P. 24.
- ²⁵ Ibid. P. 192.
- ²⁶ Ibid. P. 24, 25.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РУССКИХ ДВОРЯН В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Поездки в Европу были весьма распространенной практикой в среде российского дворянства. Путешествие как практика находится в постоянном взаимодействии с литературой путешествий и сочинениями, касающимися его отдельных аспектов и предметов наблюдения. Под их влиянием формируются маршруты, угол зрения наблюдателя и интонации описания увиденного.

Понять смысл путешествия невозможно, если не установить то значение, которое придавалось современниками этому процессу, а также место, которое занимало путешествие среди других практик в жизни человека эпохи Просвещения.

Огромное влияние на философию и практику образования Нового времени в России оказали идеи Джона Локка и Жан Жака Руссо. В трактате «Мысли о воспитании» Локк соглашается с распространенным мнением о том, что путешествие «заканчивает формирование джентльмена» и «дает (ему) большие преимущества»¹. Они заключаются в лучшем усвоении иностранных языков, в «повышении умственного развития и обогащению практическим опытом благодаря наблюдению и общению с людьми, нравы, обычаи и образ жизни которых отличны между собою и особенно от тех, которые молодой человек наблюдал в своем приходе и по соседству»². Возраст после 21 года является более предпочтительным, т.к. путешественник уже не ищет «игр и развлечений», но достаточно знает свою страну, имеет собственные мысли и «может всюду вступать в общение и знакомиться с выдающимися людьми... что в высшей степени полезно для джентльмена»³. Беседа с ними может показать, «что считается хорошим воспитанием в этой стране и что в ней заслуживает внимания»⁴. Конечным итогом бесед и наблюдений становится не только знание вещей, фактов, но и знание людей, которое должно сделать человека «более осмотрительным и сдержанным, приучить смотреть глубже

поверхности и под безобидным покровом вежливого и любезного обращения сохранять свободу и безопасность в общении с иностранцами и людьми вообще, не теряя их доброго мнения»⁵.

Таким образом, положительны результатом путешествия может быть совершенствование ума и характера человека, его изменение к лучшему. В противном случае «все знание увиденных мест и людей часто выражается в одном лишь восхищении самыми скверными и пустыми обычаями, с которыми они (путешественники) встречались за границей»⁶.

Много общего с идеями Дж. Локка мы находим в «Эмиле» Ж.Ж. Руссо. «Полезно ли людям путешествовать?» – спрашивает он. Бессспорно, да, ведь путешествие дает возможность познакомиться с духом и нравами других народов. Это самая общая цель, но даже она не достигается чтением книг, т.е. рассказов путешественников. «Слишком мудрено пробираться сквозь предрассудки авторов и наши собственные, чтобы дойти до истины»⁷. В этом случае трудно не согласиться с автором, утверждающим, что «нужно не читать, а видеть». Можно путешествовать из любопытства, т.е. «для обозрения стран», а можно путешествовать для того, чтобы «видеть народы»⁸ (курсив мой. – М.С.). Второй род путешествий предполагает философствование, активную мыслительную работу, и непосредственное наблюдение будет для нее полезнее чтения чужих сочинений. Таким образом, путешествие превращается в сугубо индивидуальный, уникальный опыт.

Более узкой целью путешествия может быть изучение какого-либо предмета. Кроме того, «человеку полезно ознакомиться со всеми местами, где можно жить, чтобы выбрать место, где всего удобнее жить»⁹ а если предельно сформулировать эту мысль, «выбрать убежище или излечится от химерных мечтаний»¹⁰ о его существовании. Также в процессе путешествия изучаются языки, делаются наблюдения в области естественной истории, искусств, управления государством. Все они могут быть полезны для страны, откуда путешественник родом.

Для достижения этих целей необходимо «уметь путешествовать», что предполагает искусство наблюдать и мыслить, а также желание учиться. Процесс правильно организованного путешествия предполагает несколько уровней наблюдения: сначала следует «рассмотреть себя со стороны физических отношений к другим

существам», потом «со стороны нравственных отношений к другим людям» и, наконец, «со стороны гражданских отношений к своим согражданам»¹¹. Эта последовательность соответствует основным сферам наблюдения путешественника (естественная история, нравы, политическое устройство). Для того чтобы делать корректные наблюдения, необходим запас знаний. Так, если речь идет о «гражданских отношениях», это – общий характер правления вообще, различные формы правительства, и его частные формы в отдельных странах. Мерилом других форм правления для Эмиля становится французская, как для любого другого путешественника – форма правления его страны¹².

Такова идеальная модель путешествия. Однако его успех зависит не только от разумно выстроенного плана. Во-первых, сам путешественник должен быть тверд в своих убеждениях, чтобы «выслушивать ложные учения, не обольщаясь ими... видеть примеры порока, не увлекаясь ими»¹³. Во-вторых (если речь идет о молодом человеке), чрезвычайно важна роль воспитателей. Их Руссо укоряет за ограниченность и равнодушие к интересам подопечных. Следующей ошибкой является стремление путешественников в крупные города и столицы. «Все столицы похожи одна на другую: все народы тут смешиваются, все нравы сливаются. (...) Всякий знает, какого сорта люди собираются при дворах... Французы не в Париже, они в Турени; англичане больше оказываются англичанами в Мерси, чем в Лондоне. В этих именно дальних уголках народ обнаруживает свой характер и выказывает себя таким, каков он есть...»¹⁴ Призыв ехать в деревню имеет и другие основания. Руссо, следуя плану, отправляет своего героя в деревню для изучения оригинального народного характера и по дальше от испорченных нравов. Следующим этапом наблюдения является характер правления. И в этом случае деревня дает больше возможностей для изучения реального положения дел – именно вне больших городов виден внутренний характер управления. Руссо призывает изучать не только форму (в больших городах), но и сущность правления на всех ступенях администрации. «В иной стране по поискам низших служащих и начинаешь только чувствовать дух министерства; в другой, для того чтобы судить о том, свободна ли нация, нужно видеть, как выбирают членов парламента...»¹⁵

Каковы результаты путешествия? Общим результатом является дальнейшее развитие природных наклонностей человека – они «окончательно делают человека добрым или злым»¹⁶. Эмиль, идеальный воспитанник и человек, возвращается домой «с таким же нежным сердцем... но умом более просвещенным», он узнал «правительства по их порокам и народы по их добродетелям»¹⁷. Он познакомился с достойными людьми и должен поддерживать эти знакомства путем переписки. Это, по мнению Руссо, является лучшим средством от национальных предрассудков. Главные философские выводы, к которым он подводит своего воспитанника, касаются свободы и места проживания. Эмиль стремится сохранить свою свободу (от людского мнения, положения в обществе и пр.), признавая ее ограничителями лишь природу и законы (необходимость). Заявляя в начале путешествия о праве человека отказать от своего отечества, по возвращении Руссо заявляет о необходимости жить в своей стране. «Для тебя важно, – говорит он Эмилю, – жить там, где ты можешь выполнять все свои обязанности, а одной из этих обязанностей является привязанность к месту твоего рождения»¹⁸.

Сочинения обоих авторов были хорошо известны в России, их идеи обсуждали, использовали при разработке учебных программ. Известно, что «Инструкцию князю Н.И. Салтыкову» о воспитании великих князей Екатерина II писала под влиянием идей английского философа И.И. Бецкой использовал основы его педагогический модели в своих образовательных проектах¹⁹. Немало дворянских семей воспитывали детей «по Жану Жаку». Попробуем отыскать следы влияния сочинений, касающихся путешествий, на российской почве.

Так, главной целью путешествия для человека, «готовящегося быть полезным членом общества и занимать с некоторым удовольствием определенный ему от естества во времени пункт» Е.Р. Дацкова, в духе Просвещения, считает «совершенное воспитание»²⁰. В очерке «Путешествующие» она формулирует общие правила поведения, соблюдение которых сделает путешествие полезным. Первое: «путешественнику надлежит гордость свою и с чинами оставить дома»²¹. В противном случае он рискует ограничить круг своих собеседников, его наблюдения не будут полными. Дацкова советует начинать «рассмотрение и примечание свойств

человеческих» с низших сословий и постепенно переходить к более привилегированным. Второе правило: «не полагаться на наружность, которая часто молодых людей обольщает, но давать свою поверенность людям испытанным»²². Третье: «отличать себя поступками, поведением и душевными дарованиями, а не нарядами, экипажами или богатством»²³. Это может привести не только к скорому разорению, но и к формированию ложных представлений, дурного окружения, ведущего, в свою очередь, к презрению к соотечественникам. Из той же серии совет «на почтах, на постоянных дворах показывать как можно меньше пышности, а иногда и о ценах осведомляться»²⁴.

В письме к сыну она настоятельно советует ему проявлять любознательность и внимание, пользоваться каждой возможностью узнать что-то новое. Для этого следует «прислушиваться к народным мнениям, принадлежат ли они известной партии или нет»²⁵, говорить с людьми образованными, при этом больше спрашивать, чем говорить. Главным в выборе предметов наблюдения является их «сообразованность с местом»: «не в Ирландии можно запастись лучшими сведениями об Испании...»²⁶. Также не следует судить один народ по мерке другого при их неизбежном сравнении. Готовя сына к государственной службе, Дацкова советует ему обращать внимание прежде всего на «свойство и форму правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговлю; географические и климатические условия, иностранную и внутреннюю политику, произведения, религию, обычай, источники богатства, действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий»²⁷. Отметим, что развитие ума и нравственное совершенствование дополняют друг друга: стиль поведения воспитываетдержанность и толерантность, а все наблюдаемое дает пищу для сравнения, размышлений, опыт других государств может быть полезен для исправления дурного в своем отечестве.

Как Локк и Руссо, Дацкова стремится предупредить сына об ошибках, характерных для молодых путешественников. Основная – это стремление к забавам, показной пышности и щегольству, к которым особенно располагает пребывание в Париже. Вслед за Руссо, она пытается развеять миф о нем, как «единственном в

целом свете, заключающем всех родов в себе совершенства и все забавы, удовлетворяющие разум и сердце»²⁸.

Другим интересным сочинением, специально посвященным образовательному и воспитательному потенциалу путешествий, является «План предпринимаемого путешествия в чужие края...», опубликованный Вениамином Геншем в 1777 г. Являясь попечителем благородного пансиона в Москве, он предполагал получить высочайшее разрешение и ассигнования на путешествие по странам Европы со своим воспитанниками. Публикация «Плана» была попыткой привлечь внимание общества к этому проекту. Здесь мы видим классический набор аргументов о пользе путешествия для упражнения в науках и «приучения сердца к добродетели»²⁹, что послужит к пользе каждого воспитанника, а через это – всего отечества. От молодых людей требуются «некоторые знания в языках и науках, острый проницательный разум, а также честолюбие чрез просвещение снискать добрые качества, и таки образом привести себя в совершенство»³⁰. Предполагалось посещение Германии, Швейцарии, Италии и Франции – для изучения иностранных языков, математики, истории, географии, философии, юриспруденции, рисования, танцев, верховой езды, музыки, чужестранных художеств, фабрик – всего того, «что молодому человеку для совершенного его благополучия нужно и полезно быть может»³¹. Также в «Плане путешествия» говорится о необходимости ведения журнала каждым воспитанником.

Таким образом, мы видим, что идеи просветителей о пользе продолжительного путешествия за пределами своей страны нашли отклик и дальнейшее развитие в российской педагогической мысли. Что же происходило на практике?

Сам факт ведения путевого дневника или переписка с родными и друзьями включал путешественников в круг авторов, пишущих на эту тему (И.В. Архенгольц, Л.С. Мерсье, О.Б. Соссюр, К.Ф. Мориц, А.Ф. Бишиング и др.). В общих чертах этот перечень объектов наблюдения нам уже знаком: формы правления, природа (в т.ч. и естественная история), нравы и обычай, художества. Н.М. Карамзин в одном только Лондоне посещает дом безумных, адмиралтейство, биржу, обсерваторию, армейские склады, не забывая заглянуть в театр, внимательно изучая собрания музеев и дворцов, выезжая за город на скачки и т.д. Немало времени путе-

шественники уделяют работе фабрик (например, фарфоровых – в Мейсене и Берлине), угольных и соляных заводов, ходят на ярмарки, в художественные мастерские. Такая «ожадность» до тем и объектов наблюдения характерна для большинства путешественников.

Путешественники подробно описывают образ жизни, нравы и обычай людей разных сословий. Здесь и свойственное времени восхваление идиллической простоты сельской жизни (в немецких землях, в Швейцарии), нередко встречаются на страницах путевых записок филиппики в адрес столичных жителей, особенно парижан. Особое внимание уделяется «духу народа» – национальному характеру, говоря современным языком. Так «знание сердца человеческого» приобретает не только философское, но и практическое значение. Литература путешествий предлагала читателям множество формул национальных характеров. К ним путешественники добавляют новые, удостоверяя их собственным опытом.

Следующим важным пунктом программы путешествия является посещение известных людей. Путешественники стремятся лично познакомиться с писателями, философами, учеными, художниками. Н.М. Карамзин ведет беседы с поэтом и издателем «Германского Меркурия» Х.М. Виландом, историком культуры и поэтом И.Г. Гердером, философами И.В. фон Гете и И. Кантом, детским писателем Х.Ф. Вейсе, швейцарским философом и натуралистом Ш. Бонне. В Италии В.Н. Зиновьев и Д.И. Фонвизин посещают мастерскую Анжелики Кауфман. В Париже Д.И. Фонвизин знакомится с Вольтером, д'Аламбером, Бенджаменом Франклином. Как мы видим, рекомендация Дж. Локка «вступать в общение и знакомиться с выдающимися людьми»³² сохраняла свою значимость.

Пользуясь случаем, Н.М. Карамзин и В.Н. Зиновьев изучают английский язык, последний – еще и гидравлику с механикой. Д.И. Фонвизин также изучает итальянский язык, а его супруга берет уроки музыки. Швейцарский дневник П.С. Строганова испещрен задачами по физике и геометрии. Таким образом, приобретение практически полезных знаний, расширение кругозора и углубление познаний в областях хорошо знакомых представляются желательными для самих путешественников.

Говоря о пользе путешествий, Ф.П. Лубяновский замечает, что она не ограничивается только практической стороной: счастлив

тот путешественник, который «возвращается с новым знанием, с новыми воспоминаниями и с новыми, если можно, лучшими чувствами...»³³. Важность последнего, т.е. изменений нравственного порядка (системы ценностей, отношения к себе, окружающим и т.п.), путешественники подчеркивают особо. «Я думаю, – пишет В.Н. Зиновьев, – что человек стараясь узнать свои недостатки, не может оние лучше исправить, как путешествием»³⁴. Другое следствие – изменение отношения к своей стране. «Россия и есть Европа» – таков пафос «Писем» Н.М. Карамзина, первым в русской литературе таким образом решившего этот вопрос. «Если вы воображали, что мы пленимся чужими краями, то как обманулись! ... Много приобрел я пользы от путешествия. Кроме поправления здоровья, научился я быть смиреннее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве»³⁵. Так, примерно на десять лет раньше Карамзина, пишет родным Д.И. Фонвизин. Опасность прийти к противоположным выводам была, и тем больше, чем поверхностнее был взгляд путешественника, чем больше искал он развлечений. Сами путешественники не раз говорят об этом, ругая Jean de France и прочих фанатичных поклонников всего заграничного, вредящих тем не только себе, но и государству. Таким образом, путешествие приобретает образовательное значение в самом широком смысле (и в смысле обучения, и в смысле познания) – вне зависимости от возраста путешественников.

Критикуя чрезмерное пристрастие к увеселениям, путешественники сами все же находят время для развлечений (хотя внимательный путешественник и здесь мог найти пищу для размышлений). Балы, спектакли, прогулки, скачки, салоны, маскарады – все это также было неотъемлемой частью путешествия. Здесь можно было приятно провести время, нередко – получить возможность быть представленным ко двору, завязать новые знакомства, через соотечественников поддерживать связи с родными и друзьями в России.

Последнее важно, поскольку путешественник уезжал на два – три года за пределы страны, оставляя там семью, друзей, поместья, службу. Показательной в этом отношении является переписка князя П.Д. Цицианова с В.Н. Зиновьевым во время его путешествия. В этих письмах все: новости о производствах, рекрутских наборах, продаже поместий, истории из жизни родственников и

знакомых, споры о книгах, виды на будущее, и – постоянное беспокойство о том, доходят ли письма. Причем путешествие своего друга он воспринимает, с одной стороны, как приятное препровождение времени («Твое путешествие весьма, как чаю, весело; везде тебе представляется перемена предметов и наиприятнейших, везде новое удовольствие»³⁶, – пишет он в Италию); с другой стороны, он не раз пишет о пользе, которую представляют полученные за границей его другом знания, в который раз призывая его вернуться и продолжать служить.

Свобода, обретенная путешественником вдали от дома и привычного окружения ("Nothing can be so sweet as liberty", – цитирует Стерна Н.М. Карамзин³⁷), дает возможность разобраться в собственных мыслях и привязанностях («узнать привязанность нашу к отечеству... узнать любовь нашу к друзьям»³⁸), неизбежно меняя взгляды и поведение человека. О вероятности подобного рода изменений догадываются те, кто остался в России, ждут их с трепетом и в какой-то мере опасаются. Князь П.Д. Цицианов пишет В.Н. Зиновьеву: «Когда это будет, что мы будем вместе? И если ты будешь таковых же ко мне (т.е. чувств) как был (курсив мой. – М.С.), какое восхищение для того, который все свое благополучие почтает быть с тобою связану неразрывной дружбой. Приезжай скорее, – усовестись. Когда-то это сбудется?»³⁹

Изменения, произошедшие в образе мыслей Н.М. Карамзина за время его путешествия, оказались для его прежнего круга настолько явными и неприятными, что сделали его самого объектом критики. Известно, что еще перед отъездом Карамзин отстранился от кружка московских масонов, а по возвращении порвал с ним окончательно. Именно путешествие прежнее окружение писателя винило в произошедшем. А.М. Кутузов пишет о Карамзине: «Видно, что путешествие его произвело в нем великую перемену в разсуждении прежних друзей его»⁴⁰. Причем критикуют путешественника ровно за то, о чем предупреждали своих читателей Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и Е.Р. Дацкова. Основной пункт критики – «презрение к отечеству». М.И. Багрянский, очевидно, познакомившись с отрывками «Писем», делится впечатлениями с А.М. Кутузовым: «Все, что касается отечества, сказано с презрением и кричаще несправедливо. Все, что касается других стран, сказано с восторгом»⁴¹. Далее, Карамзина обвиняют в самонаде-

янности, чрезмерной гордости и дерзости, проявлением которых для прежнего карамзинского окружения стало его намерение издавать журнал и публиковать «Письма».

Путешествие Карамзина было воспринято его прежним окружением как повредившее ему самому и бесполезное. «Мы читаем в древней истории, что все великие мужи путешествовали, но забываем то, что цель путешествия их была искать мудрых мужей, от которых бы им можно было учиться. Иное дело путешествовать политику, купцу, военному человеку или художнику; иное дело – испытатель естества человеческого и правоучитель (эту позицию приписывали Карамзину); сии последние не имеют нужды выезжать из своего отечества; все то, чего они ищут, найдут в самих себе и в своих соотчиках»⁴².

Таким образом, можно констатировать, что в российском обществе в рассматриваемую эпоху существовали весьма устойчивые представления о природе путешествий, совершаемых частными лицами. Во многом характер этих представлений определили педагогические идеи Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо, поскольку основная доля путешествий приходилась на образовательные путешествия. Также они были актуальны и для путешествий, совершаемых людьми более зрелыми. Такое путешествие, как правило, длившееся два года и более, должно было способствовать «совершенствованию сердца» и «насыщению разума», а также избавлять от предрассудков. Для этого было необходимо иметь некоторые предварительные познания о том, что предстояло увидеть, а также придерживаться некоторой (как правило, ранее составленной, но гибкой) программы и методов наблюдения.

Программа путешествия была весьма широкой, почти энциклопедической, что, при правильном подходе, не только расширяло познания в различных сферах, но и формировало его образ мыслей.

Используемые в практике путешествий идеи, модели поведения и даже словарь описания путешествия предлагали общую рамку, пользуясь которой каждый мог совершать свое путешествие, посещая те или иные места, изучая «достойные примечания» предметы, самостоятельно вынося суждения. Разнообразие траекторий путешествий и объектов наблюдения определялись уже личными предпочтениями.

- ¹ Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 603.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 606. Как не вспомнить Н.М. Карамзина...
- ⁴ Там же. С. 607.
- ⁵ Там же. С. 606.
- ⁶ Там же. С. 604.
- ⁷ Руссо Ж.Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 555.
- ⁸ Там же. С. 559.
- ⁹ Там же. С. 558.
- ¹⁰ Там же. С. 563. Руссо даже оставляет за Эмилем право отказаться от отечества.
- ¹¹ Там же. С. 560.
- ¹² Кроме того, Руссо предлагает два простых критерия для суждения о качестве управления. Это населенность и равномерность распределения населения (Там же. С. 560).
- ¹³ Там же. С. 559.
- ¹⁴ Там же. С. 577.
- ¹⁵ Там же. С. 578.
- ¹⁶ Там же. С. 560.
- ¹⁷ Там же. С. 580.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Они касались в основном воспитания не дворян, а людей «третьего чина», но нас в данном случае интересует сам факт знакомства с педагогической системой Локка.
- ²⁰ Дацкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»: Сочинения. Письма. Документы. СПб., 2001. С. 146.
- ²¹ Там же. С. 149.
- ²² Там же. С. 150.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Материалы для биографии княгини Е.Р. Дацковой. Лейпциг, 1876. С. 103.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 104.
- ²⁸ Дацкова Е.Р. Указ. соч. С. 146.
- ²⁹ Гениш В. План предпринимаемого путешествия в чужие края ... М., 1777. С. 2.
- ³⁰ Там же. С. 3.
- ³¹ Там же. С. 4.
- ³² Локк Дж. Указ. соч. С. 606.
- ³³ Лубяновский Ф.П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 гг. СПб., 1805. Ч. 1. С. 5.
- ³⁴ Барышников И.П. Журн. путешествия В.Н. Зиновьева // Русская старина. 1878. № 11. С. 439.
- ³⁵ Фонвизин Д.И. Письма родным, письма Н.И. Панину // Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 499.
- ³⁶ Цицианов П.Д. Письма князя Павла Дмитриевича Цициanova к Василию Николаевичу Зиновьеву // Русский архив. 1872. Стб. 2157.
- ³⁷ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина: [в 8 т.]. М., 1803. Т. 2. С. 163.
- ³⁸ Там же. С. 166.
- ³⁹ Цицианов П.Д. Указ. соч. Стб. 2102, 2103.
- ⁴⁰ Переписка московских масонов XVIII века, 1780-1792 гг. Пр., 1915. С. 99.
- ⁴¹ Там же. С. 86.
- ⁴² Барсков Я. Письма А.М. Кутузова // Русский исторический журнал. Год 1. 1917. Кн. 1-2. С. 134.

НЕМЦЫ И СЛАВЯНЕ В ПИСЬМАХ А.И. ТУРГЕНЕВА 1804–1805 гг.: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНФЛИКТОВ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ^{*}

Описание иных народов – пожалуй, самая востребованная часть материалов путешествий. На их основе традиционно изучаются образы Другого, этнические представления, стереотипы и другие аспекты межкультурного взаимодействия. В данной статье представлен несколько иной ракурс проблемы – связанный не с этническими, а с *этнографическими* представлениями, не с образами тех или иных народов, а с представлениями о том, что есть *народ* вообще, как категория этнографического описания. По словам Ю.Л. Слезкина (одного из наиболее проницательных исследователей проблемы Другого на российском материале), «прежде, чем описывать народы, путешественнику надо решить, где кончается один народ и начинается другой»¹. Теоретически всеми признается, что происходящая в сознании путешественника категоризация и дифференциация, то есть распределение человечества по группам, может происходить по разным критериям – социальному, конфессиональному, территориальному, этническому и т.д. Однако при анализе конкретных текстов этот момент зачастую опускается, и вопрос о том, что же, собственно, понимает путешественник под *народом*, не ставится. В результате, по умолчанию, этнографические категории путешественника подменяются категориями исследователя, носителя современного сознания, в котором, как правило, доминирует этнический критерий.

Выявление аутентичных категорий, реконструкция обыденной этнографической классификации, содержащейся в скрытом виде в текстах путешествий, представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу. Не останавливаясь подробно на методических вопросах² следует подчеркнуть, что ее решение не сводит-

ся к выявлению *названий* упоминаемых народов. Дело в том, что в текстах путешествий (по крайней мере, путешествий рубежа XVIII–XIX вв.) этнонимы очень часто совпадают с *политонимами*, *конфессионалами* и *топонимами*. Так, под «немцем» может подразумеваться как этнический немец, так и подданный немецкого государства, и просто житель Германии. Из-за этой терминологической многозначности выявление этнографической номенклатуры должно сопровождаться анализом контекста словоупотребления, а также самого этнографического описания – прежде всего, его структуры и наиболее характерных содержательных эпизодов.

К последним, на мой взгляд, относятся те фрагменты, в которых автор сравнивает разные народы между собой, а также – те, в которых речь заходит об описании межгрупповых отношений, в частности, конфликтов. В данной статье указанные вопросы рассматриваются на примере путешествия А.И. Тургенева.

А.И. Тургенев – один из активных общественных и литературных деятелей первой половины XIX в., близкий друг В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина и многих других отечественных литераторов. Он родился в 1784 г. в семье известного масона Ивана Петровича Тургенева, впоследствии директора Московского университета, учился в университетском благородном пансионе, по окончании которого в 1802 г. продолжил образование в Геттингене.

Здесь под влиянием А.Л. Шлецера А.И. Тургенев увлекся историей, языком и культурой славянских народов. Вместе с другим молодым россиянином, А.С. Кайсаровым, они начали изучать сербский и польский языки, знакомиться с литературой о славянах. Вскоре у них появилась идея лично посетить земли, населенные славянскими народами. Путешествие началось в апреле 1804 г., а закончилось в январе 1805 г. За это время молодые люди побывали в Саксонии, Богемии, Австрии, Венгрии, Воеводине, Хорватии и Италии. Их главной целью был сбор материалов по славянской истории и этнографии. Всюду они изучали славянские книги и рукописи, общались с учеными и писателями и просто внимательно наблюдали за повседневной жизнью разных славянских народов. Во время путешествия А.И. Тургенев довольно регулярно и весьма активно переписывался с родителями, а также со

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 7-01-00003а).

своими друзьями – братьями Александром и Константином Булгаковыми. Эти письма и являются основным источником по данному путешествию³.

Их изучение показывает, что для молодого А.И. Тургенева совершающееся путешествие – не просто познавательная поездка, а средство для определения (и переопределения) собственной идентичности. Он тщательно фиксирует всевозможные культурные сходства и различия между разными наблюдаемыми общностями, пытается объяснить их специфические черты и определить собственное место в этом поликультурном пространстве. В результате проблема *идентификации* как определения групповых границ и отождествления себя с одной из групп постоянно присутствует в самых разных сюжетах путешествия, и в том числе – в заявленной теме немецко-славянских отношений (а точнее, немецко-славянской вражды).

Эта тема неоднократно возникает в письмах. При описании Саксонии, Богемии, Воеводины А.И. Тургенев то и дело более или менее подробно рассказывает о конфликтах между немцами и славянами, однако, *интерпретация* этих конфликтов порой существенно различается: в разных случаях конфликтующие стороны выделяются и идентифицируются автором по разным основаниям – этническому или конфессиональному.

В начале поездки в сознании путешественника (чрезвычайно воодушевленного изучением «славянщины») доминирует *этнический принцип*, в соответствии с которым субъектами исторического процесса являются многочисленные народы, понимаемые как этнические общности, каждая из которых объединена общим происхождением, языком и культурой и обладает набором характерных качеств, передающихся по наследству от предков потомкам и определяющих ее своеобразие на фоне остальных подобных групп.

О преобладании этнического принципа свидетельствует и соответствующее словоупотребление: например, в разговорах на церковные темы проявляется отчетливое представление А.И. Тургенева о национальных церквях: православная церковь может быть русской, греческой, сербской. Это значит, что в сознании путешественника этнический признак не связывается с конфессиональным и этническим определение («греческая» или «ру-

ская») не может фигурировать в качестве обозначения конфессии. Этноним и конфессиональный не тождественны друг другу, поскольку являются обозначениями разных, несовпадающих, общностей: одна вера может объединять разные народы, так же как и люди, принадлежащие к одному народу, могут относиться к разным конфессиям. Не всякий православный – славянин и не всякий славянин – православный, поэтому в рассматриваемых письмах встречаются такие выражения, как «Сербы Греческого исповедания» (46) или «Славяне, но только уже не нашего исповедания» (54) и т.п.

Разделяемый путешественником этнический принцип предполагает существование *родственных связей* между народами, что также находит отражение в рассматриваемых материалах. Прежде всего, характерна главная цель путешествия – изучение *родственных* славянских народов. В начале поездки для А.И. Тургенева очевидно существование общеславянской этнической общности. Это представление отчетливо проявляется в том, как путешественники описывают свои занятия: «Мы все еще продолжаем *славянствовать*, но, право, не для кафедры, а для самих себя. Пропустить такой случай, какой мы имеем, узнать своих *сродников* во всех оттенках, право, было бы русскому стыдно» (35, приписка А.С. Кайсарова). А.И. Тургенев не устает подчеркивать, что интерес русского человека к славянской культуре закономерен, поскольку это есть в известной степени интерес к собственной культуре. Побывав у лужицких сербов, он пишет: «Для русского Славянина они (эти места. – П.К.) должны быть интереснее Италии; потому что там жил народ, для нас совершенно чуждый, здесь же все дышит славянизмом» (14).

Эта общность славянских народов, по мысли А.И. Тургенева, определяет и их взаимные симпатии. Он постоянно отмечает примеры «известной Славянской гостеприимчивости», которая вообще является одним из самых распространенных стереотипных характеристик, и наиболее часто проявляется по отношению к славянским «родственникам» (9). Однако «этнические родственные связи» «работают» не только во взаимных симpatиях, но и в негативных отношениях с другими народами, каковыми в письмах А.И. Тургенева предстают немцы и греки. Что касается немецко-славянских конфликтов, то они чаще всего связаны с вопросом о национальном языке.

Тема языка вообще и славянских языков в частности занимает особое место в путешествии, и особенно – в его первой части (от Лейпцига до Вены). Путешественники собирают книги на разных славянских языках (15, 17), в Праге знакомятся с профессором «Богемской литературы», «молодым человеком с патриотизмом и с поэтическими дарованиями», который «не хочет ничего писать по-Немецки для того, чтобы заставить Немцев учиться по-Богемски» (15–16), посещают лекцию профессора, посвященную проблеме сохранения и развития чешского языка. А.И. Тургеневу и А.С. Кайсарову несомненно близка идея И.Г. Гердера о языке как залоге существования национальной культуры и самого народа⁴.

Так или иначе, для молодых путешественников язык является важнейшим этническим признаком, поэтому все наблюдаемые языковые конфликты приобретают в их описании яркий этнический характер: «Как Венды любят Русских и всех сродственных народов и как ненавидят Саксонцев, своих победителей, которые стараются отнять у них последнее – язык их! Но человек скорее согласится оставить свои обычаи, свою родину, даже свою религию, нежели язык, на котором лепетал он у груди своей матери, на котором тогда еще привык он называть свои игрушки и который обратился уже мало помалу в его Натуру» (15). По наблюдению путешественника, насаждение немецкого и препятствия к развитию славянских языков усугубляют напряженность в отношениях немцев с лужицкими сербами и чехами. Именно эта, говоря современным языком, нестабильность национальных отношений, по мысли А.И. Тургенева, и объясняет слабость австрийской армии, поскольку войско, состоящее в большей части из славянских народов, «при всей своей доброте и храбости никогда не могло стоять даже против Французов. Может ли Славянский солдат с усердием драться за Немца – непримиримого врага своего...» (17).

Важно еще раз отметить, что упомянутые языковые конфликты, обусловленные конкретной этнополитической ситуацией, воспринимаются путешественником как этнические, что приводит к их *генерализации и абсолютизации*: отношения австрийцев и чехов или немцев и лужицких сербов становятся моделью отношений между *всеми* немцами и *всеми* славянами вообще, и в локальных конфликтах видятся проявления некоего глобального немецко-славянского противостояния. По этой модели в сознании пу-

тешественника строятся и отношения с немцами русских, чем объясняются многочисленные отрицательные отзывы А.И. Тургенева о представителях этого народа, свидетельствующие о формировании более или менее устойчивой антинемецкой установки. Еще находясь в Дрездене, он замечает, что «с Немцами... тому, кто видел их в домашнем быту и в их образе жизни, Русской и подавно не захочет знакомиться» (13). И в последующих письмах при противопоставлении славян и немцев негативные характеристики прочно закрепляются за последними.

Вместе с тем, после переезда в Воеводину тема немецко-славянских отношений все чаще приобретает иные, новые очертания, что свидетельствует о значимых изменениях, происходящих в восприятии и интерпретации путешественником окружающей реальности. Эти изменения заключаются, прежде всего, в том, что *этнический* принцип описания уступает место *конфессиональному*.

В Воеводине путешественников принимал сербский православный митрополит Стефан Стратимирович, с которым они проводили почти все время и обсуждали интересующие их вопросы по истории и культуре славян. В письме к родителям из резиденции митрополита Сремски Карловцы А.И. Тургенев сообщает о своих планах: «Мы пробудем здесь еще дней пять и поедем осматривать т.н. Фружскую гору, в которой находится большая часть монастырей *наших*» (50. Курсив мой – П.К.). Очевидно, что здесь под «нашими» понимаются уже не русские монастыри, а именно православные. Если в письмах из Вены говорилось отдельно о *русских* и *сербских* церквях, то теперь сербские монастыри воспринимаются путешественником как «*свои*». Понятно, что в основе такого восприятия лежит идея *религиозного единства* сербов и русских, которое на этот раз «оттесняет» на второй план единство этническое.

По-видимому, это объясняется специфической ситуацией в Воеводине, которая в то время представляла собой сербский православный анклав в иноэтничном и иноконфессиональном окружении. Очевидно, в этой среде для А.И. Тургенева конфессиональная идентичность оказывается важнее этнической: специфические черты того или иного народа определяются не столько национальной принадлежностью, сколько вероисповеданием. Поэтому в его представлении сербы Воеводины «добрые и просве-

щенные» не потому, что они славяне, а потому что – православные. Идея религиозного единства «оттесняет» на второй план единство этническое: сербское гостеприимство и тот прекрасный прием, который путешественники получили в Воеводине, объясняется уже не столько привязанностью сербов к *родственному славянскому народу*, сколько их симпатией к *единоверцам*.

Аналогичным образом изменяется и трактовка межгрупповых конфликтов. Вообще, если при описании Саксонии и Богемии главной темой писем был национальный язык, то теперь путешественника все больше волнуют вопросы вероисповедания, в частности, проблема прокатолической политики Австрийского государства в этом регионе: «Нельзя представить себе, чтобы в нынешнем просвещенном столетии царствовал еще такой свирепый фанатизм в сем забытом уголке Европы, и чтобы после Иосифа II снова получили монахи Католические такие привилегии, а противная им секта, то есть наша православная вера была в таком гонении» (52). Особенno его возмущают попытки властей «попуниатить» православных; он приводит в пример влахов, которые соблюдают только «наружности Греческой церкви», а по сути являются отступниками. Разражаясь грозными филиппиками против униатов, он пишет: «Может быть, я слишком усердствую за веру свою, но чем полно сердце, то и говорится охотнее. Надобно присоветовать Платону (имеется в виду московский митрополит Платон (Левшин)), чтобы он со своим красноречием грнул на Униатов, эта секта для нас вреднее раскольничей» (52).

Как видим, политика Австрийского государства в отношении сербского населения Воеводины трактуется исключительно с конфессиональных позиций: глаз путешественника не различает в этой коллизии еще одного случая векового немецко-славянского противостояния (как это было с чехами или лужицкими сербами) – здесь ему видится *межрелигиозный* – но не *межэтнический* – конфликт: конфликт католиков с православными, но не австрийцев с сербами. Аналогичным образом воспринимаются и другие события, например, сербское восстание, развернувшееся как раз во время путешествия. Для А.И. Тургенева очевидно конфессиональное содержание происходящего: выступление сербов – это прежде всего восстание христиан, находящихся под игом мусульман, это, скорее религиозная война, чем межэтническое или меж-

государственное столкновение. Возмущаясь невмешательством европейских государств, он замечает, что «может быть, Турки и не так злы были бы на Сербов, если бы им не известно было, что Сербы приносили важные услуги Христианским державам во время их войны с Портою. И после всего этого за Сербов никто не вступится!» (53).

* * *

Итак, в письмах А.И. Тургенева за 1804–1805 гг. обнаруживаются как минимум два конкурирующих принципа этнографической классификации, основанные на разных критериях группового различия. Они совмещаются и чередуются, поочередно занимая доминирующие позиции в разных частях путешествия. Можно предположить, что эта динамика объясняется соответствующим изменением окружающей этнокультурной среды, и что именно она диктует ту или иную конфигурацию этнографической карты в сознании наблюдателя, а значит, и определяет контуры его идентичности. Иначе говоря, в Саксонии и Богемии, где А.И. Тургенев находится среди славян – иноверцев, этническое родство является единственным основанием для его самоидентификации со славянским окружением, вследствие чего этнический принцип становится главным. Когда же в Воеводине путешественники попадают в специфическую этноконфессиональную среду, где религиозная идентичность имеет определяющее значение, их сознание реагирует на изменение ситуации, воспринимая местных жителей уже не столько как «сродников», сколько как «единоверцев». Согласно этому предположению, сознание наблюдателя напрямую зависит от наблюданной действительности. Однако такая схема не подтверждается имеющимся материалом: интересующая нас смена принципов этнографической классификации оказывается более сложной, чем кажется поначалу.

Например, выясняется, что она далеко не всегда определяется этнокультурными характеристиками окружающей среды. Скажем, конфессиональный принцип, возобладавший в сознании путешественников во время пребывания в Воеводине, остается доминирующим и в дальнейшем, несмотря на то, что их окружение меня-

ется коренным образом. Теперь молодые россияне оказываются уже не у православных сербов, а среди хорватов-католиков, что, казалось бы, создает условия для актуализации этнического взгляда и темы славянского «родства». Однако этого не происходит. Напротив, в Славонии и Хорватии путешественников приняли гораздо более холодно, нежели в Сремских Карловцах (в письмах к братьям Булгаковым А.И. Тургенев сообщал, что их «почли за шпионов» – Булг. 44), и это сразу же нашло соответствующее объяснение: «Все сие делает одно различие в вере» (55). Показательно, что отношения между гостями и хозяевами рассматриваются по-прежнему сквозь призму конфессии и определяются исключительно различиями в вере: А.И. Тургенев даже не вспоминает ни о «славянском гостеприимстве», ни о взаимных славянских симпатиях, которые в более ранних письмах фигурировали как неотъемлемые славянские качества.

Таким образом, тексты писем А.И. Тургенева не позволяют рассматривать сознание путешественника как простую функцию от наблюдаемой им реальности. В то же время отрицать ее существенное воздействие также невозможно. Рассмотренные материалы еще раз подтверждают, что взаимодействие сознания и реальности в путешествии – сложный процесс, не описываемый с помощью простых схем. Их анализ позволяет с уверенностью утверждать, что в начале XIX в. в сознании одного человека существуют разные принципы этнографической классификации, поочередно занимающие доминирующие позиции. Эти принципы предлагают разные модели для объяснения наблюдаемой реальности, а следовательно – и разные модели идентичности. Периодическая смена доминирующих классификационных принципов, в известной степени обусловленная актуальной этнокультурной ситуацией, определяет подвижную, динамическую природу идентичности путешественника: в течение одной поездки (заметим, весьма непродолжительной) он в разных ситуациях отождествляет себя с разными общностями.

Как можно объяснить такой феномен? С одной стороны, можно указать на то, что начало XIX в. – это период становления в общественном сознании новой этнической парадигмы, которая постепенно вытесняет предшествующие конфессиональные и государственно-территориальные модели идентичности⁵. Совмещение же противоречивых элементов объясняется спецификой переходного периода.

С другой стороны, нельзя не признать, что подобное объяснение основывается на представлении, согласно которому универсальной нормой для индивидуального сознания является единственная идентичность, обеспечивающая непротиворечивую интерпретацию наблюданной действительности. С этой точки зрения, случай А.И. Тургенева действительно представляет собой аномальное явление, требующее какого-то объяснения. В то же время данное представление сегодня все чаще и чаще подвергается критике; в работах этнологов и психологов описывается феномен сложной, множественной, подвижной идентичности, понимаемой не как раз и навсегда зафиксированная принадлежность к той или иной общности, а как процесс постоянного самоопределения индивида в актуальном социокультурном пространстве⁶. Анализ писем А.И. Тургенева показывает, что эта динамическая, процессуальная парадигма является более адекватной и продуктивной для описания сознания российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв.

¹ Slezkine Y. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. 1994. № 47. P. 173.

² Подробнее о реконструкциях обыденной этнографической классификации в путешествии см.: Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 21–37.

³ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. 4; Письма А.И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. Далее цитаты из источников приводятся по данным изданиям в тексте статьи с указанием страниц арабскими цифрами в круглых скобках. При цитировании писем Булгаковым номер страницы предваряется сокращением «Булг.».

⁴ Как известно, немецкий мыслитель описывал язык как «сосуд, в котором мысли народа создаются, сохраняются и передаются» (Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 189).

⁵ См., например: Вдовина Л.Н. Что есть мы?: (русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 5. С. 6–13.

⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 120–124.

КОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ГОРОДСКИХ ВЫБОРАХ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФЕРА ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА И ЕГО РЕЦЕПЦИИ В РУССКОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.*

Законодательство Екатерины II о городском и дворянском самоуправлении опиралось на западноевропейский опыт, прежде всего, шведский и германский. Для понимания рецепции этого опыта в России особый интерес представляют отзывы иностранцев, побывавших в стране, о городском и сословном самоуправлении. Наряду с малочисленными и скучными свидетельствами иностранцев о самоуправлении, оставленными в дневниках, записках, мемуарах и письмах, данные о восприятии ими европейского опыта в практике российского самоуправления можно найти и в источниках канцелярского делопроизводства. Такие свидетельства можно обнаружить благодаря тому, что в рассматриваемое время на русской службе находилось немало иностранцев, занимавших высокие административные посты.

Одним из таких высокопоставленных иностранцев был принц Георг (Георгий) Голштейн-Ольденбургский. Женившись на сестре императора Александра I – Екатерине Павловне, он в 1809 г. стал генерал-губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний. Его пребывание в этой должности оборвалось внезапной смертью в конце 1812 г. Краеведы начала XX в. и современные исследователи деятельности принца Георга в России признают, что на своем посту он был весьма активен, хотя русским языком не владел¹. Впрочем, это мнение не разделяли некоторые осведомленные современники принца. В частности, граф Жозеф де

Местр, посланник сардинского короля Виктора Эммануила, в одном из своих писем в Италию, отмечал, что Георг «обратил на себя внимание в качестве Ревельского губернатора, он *всеми силами старается усвоить себе русский язык* (курсив мой. – А.К.), и по всему видно, что его главная забота – снискать благорасположение своей новой Родины»². Тот же де Местр полагал, что великая княгиня Екатерина Павловна в Твери сама учila «своего мужа русскому языку», знакомя его с простолюдинами, «играя при этом роль переводчика»³. Исследовательница Ю.В. Жукова считает, что де Местр «был не совсем точен, говоря, что Екатерина сама учila мужа русскому языку, поскольку специально для этой цели в Тверь в августе 1809 г. приехал И.М. Борн, один из основателей “Вольного общества любителей словесности, наук и художеств”»⁴. Даже если принц Георг и не овладел в полной мере русским языком, с российским законодательством о выборах, с «Уложением об управлении губернией всероссийской империи» и прочими важнейшими актами, регулировавшими деятельность местной администрации, он ознакомился еще в бытность ревельским губернатором. Для остзейских губерний все нормативные документы обязательно переводились на немецкий язык. Поэтому он либо дал поручение своим тверским приближенным составить руководство по проведению выборов в Твери, либо же сам был автором «Обряда выборов купечества и мещанства в губернском городе Твери на трехлетие с 1812 года»⁵, утвержденного им в конце 1811 г. В таком случае текст этого документа был составлен на немецком или французском языке, а затем переведен на русский. У меня нет данных о существовании «обряда» на немецком или французском языке. В Государственном архиве Тверской области (ГАТбО) сохранился лишь окончательный вариант на русском языке. В конце «обряда» стоит подпись принца, выполненная кириллицей: «Принц Георгий Голштинский».

Составление инструкций, регламентов и разного рода наставлений – одна из обязанностей власти, получившая широкое распространение именно в эпоху Просвещения. В полной мере это наблюдалось и в Российской империи, где было подготовлено немало различных инструкций по организации и проведению дворянских и городских выборов, выполненных в канцеляриях губернаторов и генерал-губернаторов. Существовала такая практика

* Статья выполнена в рамках проекта «Самоуправление и проблемы становления гражданского общества в России, 1785–1870», осуществляемого при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

и в Тверской губернии. И все же анализируемый документ выделяется среди себе подобных.

Согласно «обряду», в первый день выборов, 15 декабря 1811 г., по предварительному извещению городского головы, в установленном месте должны были собраться депутаты от купеческого и мещанского общества. Городской голова, объявив обществу «предмет» настоящего собрания, велел читать «обряд», полученный от генерал-губернатора, а затем отправить к «его высочеству двух почетнейших членов того сословия для испрошения дозволения предстать оному». Получив дозволение, избирателям следовало отправиться во дворец торжественной процессией: «Мещане по два в ряд предшествуют градскому главе; за ним следует все купечество по четыре в ряд». В зале дворца купечество и мещанство располагались по разным сторонам «как предварительно назначено будет». По выходе его императорского высочества градскому главе надлежало поднести «имянной список всего собрания». Далее принц велел читать «свое предложение; потом дано будет дозволение к шествию в придворную соборную церковь». В церкви обычный порядок (литургия, принятие присяги на беспристрастный выбор) ничем дополнен не был. Из церкви надлежало вернуться в дворцовые комнаты и, получив разрешение генерал-губернатора, отправиться в место собрания, где каждый участник выборов обязан был подписать «присяжный лист», т.е. присягу о беспристрастном выборе. В первый день избирался лишь городской голова. Об итогах выборов на эту должность сразу же по оглашению результатов следовало немедленно известить его императорское высочество Георгия Ольденбургского посредством двух почетнейших «сочленов общества» с предоставлением баллотировочного списка. Генерал-губернатор в тот же день утверждал главу города.

На следующий день было предписано провести избрание на все другие должности. Выборы должны были начаться в 8 часов утра, прерваться на двухчасовой обед и завершиться к 7 часам вечера. Городской голова обязан был тут же представить список избранных принцу, от «воли» которого зависело утверждение избранных. Заключительный день выстраивался по тому же сценарию, что и первый, с небольшими изменениями: во дворце происходит представление избранных на должности, которые во главе с

новым головой возглавляют шествие в церковь, где они приносят присягу. Возвратившись из церкви, горожане выслушивают «приличное предложение е.и.в.». Не забыл составитель «обряда» и о праве общества воспользоваться правом на обсуждение своих насущных нужд и предоставлении их генерал-губернатору, согласно 36-й статьи Городового положения.

Какова была причина появления этого нормативного акта, соединившего положения законодательства о выборах и оригинальные церемонии? По-видимому, своим появлением он обязан самым разным мотивам, которыми руководствовался Георг Гольштейн-Ольденбургский. Во-первых, тут сказался его прежний жизненный опыт, приобретенный на родине, в Германии. Поэтому не случайно предложенный им порядок выборов по церемониалу больше напоминал о каком-нибудь немецком княжестве, чем о русском губернском городе. Хотя, разумеется, «обряд» предписывал выполнение всех избирательных процедур, предусмотренных законами Российской империи. Во-вторых, он и его супруга – сестра императора Александра I Екатерина Павловна создали в городе своеобразный «малый двор», что предполагало наполнение его жизнедеятельности различными церемониями и ритуалами, с участием различных групп и слоев «подданных». Наконец, и это самое важное – принц понимал, что существующие процедуры городских выборов не обеспечивают личной коммуникации между гражданами и губернатором (в данном случае – генерал-губернатором) как наместником государя.

Выборы в самоуправление рассматривались императрицей Екатериной II как важный акт коммуникации царской власти и общества. Однако уже к концу XVIII в. и дворянские, и городские выборы приобрели рутинный бюрократический характер. Именно такой характер имеет наиболее близкий по времени к исследуемому документу «Обряд для возобновления гражданских выборов по городу Бежецку». Эта инструкция о проведении выборов в одном из уездных городов Тверской губернии была подписана тверским гражданским губернатором в декабре 1799 г.⁶ Роль губернатора на выборах оставалась значительной: он издавал распоряжение (указ) об их проведении, утверждал избранных, рассматривал прошения об освобождении от выборной службы или жалобы избирателей на нарушения законов о выборах. При Павле I влияние

губернаторов на ход выборов возросло – им было предоставлено право присутствия при голосовании. Александр I вернулся к прежнему порядку выборов, запретив губернаторам вмешиваться в ход выборов. Такая мера должна была позитивно сказаться на отношении горожан и дворян к институту выборов. Вместе с тем, коммуникация между верховной властью и местными дворянским и городским обществами, осуществляемая через посредство первого лица в губернии, во многом утратила тот характер, который ей стремилась придать Екатерина II. Фактически роль губернатора свелась к канцелярской переписке губернского правления, которое он возглавлял, с выборными органами городского и дворянского самоуправления. Был утрачен момент непосредственного общения главы губернии и городского общества.

Недовольный таким положением вещей, Георг Гольштейн-Ольденбургский фактически ломает сформировавшуюся практику, основывающуюся на рутинном бюрократическом характере отношений, сводящуюся к формальной обезличенной переписке губернской власти с учреждениями самоуправления. Взамен он предлагает иную систему коммуникации, выстраиваемую через личностное общение главы губернии (точнее, региона) с доверенными представителями городского сословия. Генерал-губернатор не просто отдает распоряжение о проведении выборов и утверждает их итоги, но непосредственно постоянно контактирует с гражданами и их представителями. Фактор личного общения генерал-губернатора, к тому же обладавшего статусом «его императорского высочества», с гражданами (избирателями и выборными лицами), повышал значимость городских выборов, а также и престиж избранных лиц. Для деятелей городского самоуправления, несомненно, было весьма лестно быть представленными такому высокопоставленному и близкому к императору лицу. Своим прямым участием в организации и проведении выборов принц придавал этому рутинному мероприятию не только характер важного государственного дела, но и способствовал укреплению коммуникации между подданными и императором. При этом генерал-губернатор действует исключительно легитимными средствами и на сам ход выдвижения кандидатов и процесс голосование не оказывает никакого влияния.

Внезапная смерть принца Георга Гольштейн-Ольденбургского, последовавшая в декабре 1812 г., положила конец непродолжи-

тельному эксперименту в сфере коммуникации главы региона и городского сообщества. Генерал-губернаторская должность была упразднена, и вместе с ней, казалось, канул в Лету и «обряд» выборов принца Георга. Насколько серьезным оказалось воздействие этой инструкции на представления горожан о выборах, о городском самоуправлении и взаимодействии учреждений городского самоуправления с губернской властью?

Вопрос о рецепции в русской провинции европейского опыта, адаптированного к российским реалиям, в сфере организации и проведения выборов довольно сложен. Если говорить о тверских материалах, то непосредственные источники малочисленны. Главным источником о рецепции деятельности Георга Гольштейн-Ольденбургского в провинции являются дневники купцов и воспоминания о пребывании его с супругой в Твери. Увы, эти источники крайне скучны. В них принц выступает в роли мужа великой княгини Екатерины Павловны. Вместе с тем эти же источники свидетельствуют, что как личность он успел себя проявить. Об этом мы можем судить по записям в дневниках горожан, которые с сожалением сообщали о смерти Георга, о скорби жителей города. Само прощание с ним было продолжительным: с 15 декабря по 2 января, когда гроб с его телом торжественно отправился в Петербург⁷.

Означает ли образ принца как мужа сестры императора, что принц Георг никакого следа о себе как администраторе в Твери не оставил? Увердительно и категорично ответить на этот вопрос нельзя. Если мы обратимся к делопроизводственным материалам, связанным с городскими выборами, то обнаружим, что в Твери и в уездных городах Тверской губернии выборам придавали более серьезное значение, чем в некоторых других регионах. Особенно это касалось процедурных вопросов. Губернское правление могло бы даже не напоминать городскому голове и думе о необходимости подготовки и проведения выборов. Выборы в городе проходили с соблюдением предписанных законом избирательных процедур и в установленные сроки. Деятели городского самоуправления в Тверской губернии со временем пришли к выводу о необходимости перенесения выборов на более ранний срок. Смещение даты выборов позволяло: во-первых, в более спокойной обстановке и без спешки провести передачу дел от старой администрации

выборных учреждений к новой; во-вторых, оставалось больше времени, чтобы оповестить лиц, находившихся вне города и избранных в органы самоуправления. Однако такое рационалистическое начинание деятелей городского самоуправления вызвало лишь раздражение со стороны губернатора А.П. Бакунина, издавшего 25 ноября 1853 г. циркуляр, направленный городским думам: «Некоторые городские думы вошли ко мне с представлениями о разрешении собрания городских обществ для выбора лиц в разные городские должности на трехлетие с 1854 года, а одна из дум, произведя уже выборы городского головы, ходатайствует об утверждении избранных лиц». Гражданский губернатор А.П. Бакунин предписывал провести городские выборы согласно устоявшемуся порядку – через 3 дня после дворянских, и «ни под каким видом не ранее упомянутого срока», т.е. 11 декабря 1853 г.⁸

Полагаю, что в формировании позитивного отношения горожан Тверской губернии к органам городского самоуправления и в уважении к законодательным нормам, регулировавших выборы, есть определенная заслуга и деятельности Георга Голштейн-Ольденбургского в качестве генерал-губернатора. Не вмешиваясь в ход выборов, он привнес в рутинный характер городских выборов элемент непосредственного общения главы губернии и городских граждан. Тем самым, изменился и характер коммуникации главы местной власти и городского сообщества: от канцелярской переписки к непосредственному общению. Новый характер коммуникации, хотя и носил кратковременный характер, оказался востребован тверскими купцами и мещанами, а действие «обряда» продолжалось и в последующие годы, что позитивно повлияло на практики организации и проведения выборов в городах Тверской губернии.

¹ Анненкова Э.А. Георг Ольденбургский и великая княгиня Екатерина Павловна // Анненкова Э.А., Галиков Ю.П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб., 1997. С. 9–23; Колесов В.И. Принц Георг Ольденбургский и его административная деятельность в Твери // Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1994. С. 55–64.

² Местр Ж. де. Письма из Петербурга в Италию // Русский архив. 1871. Т. 1. Стб. 125, 126.

³ Там же. Стб. 191.

- ⁴ Жукова Ю.В. Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1818). Жизнь и судьба (Электронный ресурс). URL: <http://www.tvergender-studies.ru/cgi-bin/pagctrl.cgi/docs/bk02ar11.rtf>.
- ⁵ ГАТвО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 127. Л. 25–28.
- ⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–2об.
- ⁷ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007.
- ⁸ ГАТвО. Ф. 1091. Оп. 1. Д. 3531. Л. 5.

РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ «МОЛОДОЙ АМЕРИКИ»,
1851–1852 гг.

Многие американцы проявляли интерес к революциям в Старом Свете середины XIX в., особенно к Французской Республике и к мадьярскому национально-освободительному движению. После оказания Россией помощи Австрийской империи в подавлении венгерского восстания летом 1849 г. в определенной части американского общества стал формироваться ее образ как враждебного «другого». Россия ассоциировалась с легитимизмом, принципом вмешательства, «дикостью», вообще – со злом. В связи с визитом в Соединенные Штаты бывшего «правителя-президента» Венгрии Лайоша Кошути в декабре 1851 – июле 1852 г. и, в частности, обсуждением в Конгрессе резолюций о невмешательстве в европейские дела значительный резонанс имели идеи группировки в Демократической партии, получившей название «Молодая Америка». Ее сторонники выступали в поддержку республиканского движения в Европе (они подчеркивали свое родство с европейскими революционными организациями – «Молодой Ирландией», «Молодой Италией»), за пересмотр традиционного внешнеполитического курса США в отношении Старого Света, за развитие торговли, были проводниками экспансиистской политики в Западном полушарии, в том числе в отношении Кубы. Особый акцент делался на прогрессе, молодости, новизне.

В период избирательной кампании 1852 г. «Молодая Америка» выдвинула кандидатом в президенты сенатора от штата Иллинойс Стивена Дугласа – того самого Дугласа, который в 1858 г. в борьбе за сенатское кресло в дебатах с тогда еще сравнительно малоизвестным Авраамом Линкольном одержит победу, но потерпит поражение в 1860 г. в борьбе за пост президента. Как заявил Дуглас (декабрь 1851 г.), «особое положение нашей страны требует того, чтобы мы проводили *американскую* (курсив мой. – М.С.) политику в международных отношениях, основанную на принципах нашего собственного правления и соответствующую

духу времени»¹. Печатным органом «младоамериканцев» являлся журнал «United States Magazine and Democratic Review», редактором которого был Джордж Николас Сэндерс.

Идеологическое противостояние монархизма и республиканизма представлялось центральным в отношениях Соединенных Штатов с государствами Европы. Развивалась мысль об угрозе республике Нового Света со стороны европейских монархов. Кошут, которого «Молодая Америка» превозносила и чьи выступления в Нью-Йорке и на Среднем Западе США вызывали восторженный отклик, граничащий порой с массовой истерией, высказывался за союз Соединенных Штатов с Великобританией в борьбе против европейского абсолютизма. Он говорил о «русском медведе», простершем свою лапу над Венгрией². По словам мичиганского сенатора, кандидата в президенты США от Демократической партии в 1848 г. Льюиса Касса (он много рассуждал о роли общественного мнения), «Россия осуществила вмешательство железной рукой». И вот такое, смешное, с современной точки зрения, заключение: армия России вторглась на территорию Венгрии не только с целью пропаганды принципов деспотизма, но и для того, чтобы продемонстрировать его влияние, чтобы «даже слух о том, что в мире существует такое понятие, как свобода, не пересек Карпаты и не достиг ушей бородатых москвичей». Российский народ не имеет возможности выразить свое отношение к заатлантической республике, ибо Россию воплощает царь, а того, кто не является «рабом деспотизма», ссылают в Сибирь и учат в ее снегах «дисциплине кнута». Сенатор от штата Луизиана Пьер Сулз подчеркивал противоположность «казацкой» России Америке. Российская и Австрийская империи, согласно Джеймсу Шилдсу (представлял в сенате Иллинойс), «оскорбляют республиканизм». А конгрессмен-демократ от штата Мэн Чарльз Эндрюс, внесший резолюции, выражавшие протест против интервенции, даже оскорблял Россию, называя ее «нацией убийц».

Правда, сочувствовавший «Молодой Америке» Роберт Стоктон (Нью-Джерси) вынужден был признать, что он не готов воевать из-за Венгрии с Россией, потому что последняя «наш старый, верный и преданный друг». Защитниками России выступали депутаты от южных штатов. К примеру, Джеймс Джонс (сенатор от штата Теннесси), Йеремея Клеменс (демократ от штата Алабама,

писатель) отмечали дружественные отношения двух стран. Предлагается, говорил Клеменс, довольно оригинальный способ не вмешательства – мы должны предотвратить интервенцию России своим вмешательством. Россия «высмеет ваши угрозы. Она скажет, что у вас достаточно собственных дел дома...»³.

“Democratic Review” в 1852 г. с недоверием относился к принципу баланса сил. В неотвратимой борьбе между «свободолюбивыми» странами и деспотичными режимами США и Россия, воплощающие свет и тьму, приходил к выводу автор статьи «Кризис в Европе. Интервенция Соединенных Штатов» (май 1852 г.), будут противостоять друг другу. Делался упор на антагонизме их интересов и политики. Эти два государства, как утверждалось, возникли примерно в одно время, в различных полушариях. В течение длительного времени они были повернуты спиной друг к другу. «Потребовались Карл XII и Наполеон, дабы отвлечь внимание русского медведя от восточного улья; и понадобились чудовищные зверства монархов, возглавляемых царем... с тем, чтобы привлечь взор американского орла, в его неустанном полете на запад». В настоящее время враждебные друг другу Россия и Соединенные Штаты не смогут избежать конфликта: «пусть он произойдет... он уже близок. Он здесь, у наших ворот»⁴.

Открыто антироссийским духом была проникнута и книга Генри Уинтера Дэвиса (в 1855–1861 гг. – конгрессмен от штата Мэриленд) «Война Ормузда и Аримана в девятнадцатом столетии» (Ормузд, согласно персидской мифологии, представляет силы добра, Ариман – силы зла). Книга впервые вышла в свет в Балтиморе в 1852 г. Институты, интересы, политические принципы двух стран изображены как резко отличные. Революции 1848 г. в Европе, считал автор, изменили баланс сил в пользу России. Она стала великой империей, «диктующей законы всей Европе от Урала до Бискайского залива»; Николай Iочно укрепился на троне – поистине «Санкт-Петербург стал столицей Европы». Благополучие России «несовместимо с существованием английской монархии и американской республики как свободных народных представительных правительств». Последние «рано или поздно вынуждены будут защищать силой оружия свою свободу и независимость против интриг, дипломатии, законодательства, враждебных действий деспотичных держав Европы», которые возглав-

ляют Россия. Отсюда – острая необходимость «использовать первую возможность... чтобы помочь делу свободы оружием и деньгами», прибегнув к помощи «армии европейских революционеров». Дэвису виделись лишь два варианта развития политической ситуации в будущем: «война, в Европе, сейчас, с помощью союзников, – или война, впоследствии, на нашей собственной земле, без союзников»⁵.

Последняя глава книги так и называлась: «Американская республика и последняя война между свободой и деспотизмом». Недвусмысленно предлагался союз «свободолюбивых» Соединенных Штатов Америки и Великобритании в борьбе против «объединенных сил деспотизма». В определенной степени оспаривался принцип невмешательства в европейские дела, в частности заявление одного из лидеров Вигской партии Генри Клей о значении морального примера североамериканской республики, сделанное им во время короткой встречи с Кошутом в 1852 г. «Для нас, для Венгрии и для дела свободы будет гораздо лучше, – приходил к выводу Клей, – если... избегая отдаленных войн в Европе, мы будем держать факел ярко горящим в этом, западном полушарии, в качестве светоча всем нациям, нежели будем подвергать ее риску полного уничтожения среди руин погибших или погибающих республик в Европе». Американская политика «бездействия», в соответствии с которой «выкорчевывается свобода» в Старом Свете, вызывала неудовольствие Дэвиса⁶.

Влияние американского примера на народы Европы и, в частности, на Россию, их готовность к свержению тирании «молодыми» демократами явно преувеличивались. Представлялось, что даже крестьяне на берегах Дуная, Волги и Рейна будто бы вдохновлены светом свободы, исходящим из-за океана⁷.

Утверждалось, будто Венгрия сохранила бы свою независимость, если бы не вооруженное вмешательство России. Современные историки не столь категоричны. Вторжение российской армии, отмечают они, действительно, сыграло определяющую роль в разгроме мадьярской революции и спасении Габсбургской империи. Однако обращается внимание на ряд других факторов, которые способствовали поражению национально-освободительного движения: противоречия в самой Венгрии между венграми и иными народами (хорватами, сербами, словаками), между дворя-

нами и крестьянами по аграрному вопросу, трения между Кошутом и главнокомандующим венгерской армией Гёргеем и т.д. Да и сами европейские государства весной 1849 г. не торопились с признанием независимости Венгрии; Кошут в то время вовсе не был защитником идеи республики⁸.

Российский посланник в Вашингтоне Александр Андреевич Бодиско подробно информировал Карла Васильевича Нессельроде о книге Г.У. Дэвиса, которую он характеризовал как «политическую аллегорию». Бодиско придавал большое значение полемике о России, развернувшейся в прессе США в связи с публикацией памфлета, и сопровождал свои отчеты канцлеру вырезками статей из американских газет, где отношения между Вашингтоном и Петербургом оценивались как дружественные и где содержались критические замечания в адрес книги Дэвиса. Речь шла, прежде всего, о чрезвычайно благожелательной к Петербургу статье «Россия» в газете «Washington Union» (орган демократической администрации) от 19 мая 1853 г. Ее автором, как впоследствии выяснилось, был один из редакторов этого издания Роджер Прайор. В статье оспаривались основные идеи сочинения Дэвиса. Картина далекой страны рисовалась в светлых тонах; прославлялись «мудрые» российские императоры. Россия, отмечал редактор, возникла как нация после битвы под Полтавой, и с тех пор «ребенок» вырос, став «гигантом». Подчеркивались ее значительные достижения, в том числе в области науки и искусства⁹.

В письме редактору вигской газеты Вашингтона «National Intelligencer» от 28 мая под заголовком «Россия и The «Washington Union»» (выдержку из нее сохранили материалы Архива внешней политики РФ) Прайор в более развернутой форме объяснял свою позицию и был еще более резок в оценке памфлета Дэвиса («чрезвычайно дикая и глупая книга», заключал он), призывов «Молодой Америки», иронизировал по поводу «предубеждений» журнала «Democratic Review». Согласно Прайору, Россия всегда была верным другом Америки. Объявлялась приверженность принципам «осторожности, справедливости, умеренности и консерватизма» во внешней политике, отвергался радикализм «американских учеников Луи Блана и Ледрю-Роллена». Подвергались критике и экспансионистские устремления «Молодой Америки», в частности в отношении Кубы, ее «флибустьерский дух».

Прайор, будучи южанином, – он родился и вырос в Виргинии, окончив в 1848 г. школу права при университете Виргинии, являлся сторонником доктрины «прав штатов» (в дальнейшем он поддержал сепаратистскую Юг и Конфедерацию)¹⁰, использовал российскую тему для защиты системы рабства в США. «Младоамериканцы» представлялись проповедниками духа «всебющей свободы»¹¹, а Россия – страной, не одержанной «манней аболиционизма» и неподвластной «филантропии „Хижины дяди Тома“»¹².

Понятно, что российскому посланнику статья в «Washington Union» понравилась. Особый акцент делался на важности поддержания дружественных отношений между двумя странами. Заключения Дэвиса Бодиско находил абсурдными. Прайор, с удовлетворением подводил итог российский дипломат, «рассматривает молодую Америку как маньяков, место которым – в больнице для умалишенных»¹³.

В приложении к своему посланию Нессельроде от 18/30 мая 1853 г. Бодиско поместил также статью «Россия и Соединенные Штаты» из газеты «Albany State Register» (от 24 мая 1853 г.), в которой одобрялись выводы редактора вигской газеты. Россия, ставшая одной из ведущих стран Европы и мира, писала газета Олбани, является могущественным, процветающим государством; ее прогресс неоспорим. Проводились параллели между Соединенными Штатами и Россией – молодыми нациями, перед которыми открыты широкие горизонты; воздавалась похвала российским монархам, проявлявшим якобы заботу о благе народа¹⁴.

Таким образом, дискуссия о России в американской прессе в данный период отражала партийную полемику между демократами и вигами, внутриполитическую борьбу между различными фракциями в Демократической партии США, а также разногласия между журналистами, политиками Севера и Юга страны по проблеме рабства в Соединенных Штатах.

Приверженцы «Молодой Америки» в 1851–1852 гг. не способствовали формированию положительного имиджа России. Некоторые негативные клише ее лидеров – политиков, публицистов прямо перекликуются с высказываниями периода «холодной войны». Призывы «Молодой Америки» к пересмотру внешнеполитического курса Соединенных Штатов оказали определенное влияние на администрацию президента Франклина Пирса (1853–1857).

Однако, как считает видный волгоградский американист И.И. КурILLA, деятельность «младоамериканцев» не имела продолжения на российском направлении политики США¹⁵. Несомненно также, что в целом в откликах американских современников Россия не занимала того места, которое отводилось Англии и Франции.

Казакова О.Ю.

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В РОССИЙСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ*

- ¹ Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 70, 71.
² Newman F.W. Select Speeches of Kossuth. N.Y., 1854. P. 311.
³ Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 25, 54, 68–70, 293, 439; Appendix to the Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 161, 210, 306–309, 352.
⁴ United States Magazine and Democratic Review. 1852. May. Vol. 30, N 167. P. 424, 425.
⁵ Davis H.W. The War of Ormuzd and Ahriman in the Nineteenth Century. Ann Arbor (Mich.), 2005. P. 276–282, 312, 362–363. (1st ed.: Baltimore, 1852). URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=moa>. См. также: КурILLA И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 368–370.
⁶ Davis H.W. Op. cit. P. 374–376.
⁷ Bigelow T. An Oration Delivered Before the Municipal Authorities of the City of Boston, July 4, 1853. Boston, 1853. P. 36.
⁸ Чиркова Е.Л. Революции 1848–1849 годов и политика России // История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 358; Виноградов В.Н. Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80; Орлик И.И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Там же. 2008. № 2. С. 40; Deak I. The Lawful Revolution Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. N.Y., 1979. P. 290, 291.
⁹ А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 12/24 мая 1853 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1853. Д. 156. Л. 112.
¹⁰ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Atkinson_Pryor
¹¹ На самом деле, в 1850-е годы среди последователей «Молодой Америки» было немало тех, кто поддерживал устремления Юга и «особый институт» (Пьер Сулз, к примеру).
¹² А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 18/30 мая 1853 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1853. Д. 156. Л. 117. Напомним, что нашумевший роман Гарриет Бичер-Стоу был впервые опубликован в антирабовладельческой газете Вашингтона "National Era" в 1851–1852 гг.
¹³ Там же. Л. 110 об. – 111; А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 18/30 мая 1853 г. // Там же. Л. 115.
¹⁴ А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 18/30 мая 1853 г. // Там же. Л. 121.
¹⁵ КурILLA И.И. Указ. соч. С. 372, 409, 410.

В современной историографии пересматриваются традиционные представления об области исследования и исторических источниках. Предметом научного интереса становится сфера субъективного – феномены общественного, группового, индивидуального сознания, менталитет, мировосприятие. Одно из перспективных направлений – историческая имагология (от лат. *imago* – образ), изучающая инокультурные образы (представления, стереотипы, мифы и пр.). Она зародилась в недрах сравнительного литературоведения, восприняла его методологию и художественные произведения в качестве источников изучения¹.

Объектом нашего исследования выступает беллетристика в узком смысле слова, в отличие от т.н. большой литературы. В по-реформенную эпоху изменились общественные приоритеты и злободневная, идеальная беллетристика, являясь, по сути, публицистикой, облечённой в художественную форму, вышла из тени традиционной изящной словесности. Для большинства беллетристических произведений «шестидесятников» свойственны дидактизм, конъюнктурность, пропагандистский характер, но вместе с тем скромный исполнительский уровень, слабость сюжетной линии, шаблонность персонажей и, как следствие, забвение следующих поколений читателей.

Предметом изучения является американская тема на страницах беллетристических произведений по-реформенной эпохи, написанных исключительно на отечественном материале и предназначенных для удовлетворения актуальных потребностей России. Этот момент имеет принципиальное значение, так как авторы не стремились создавать этнические стереотипы, а, используя уже

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ на поддержку молодых российских ученых и ведущих научных школ. Ведущая научная школа академика Н.Н. Болховитинова «Северная Америка и ее отношения с Россией». НШ-4405.2008.6.

существующие знания, представления, образы, вводили инокультурную информацию в национальный контекст. Пути и цена прогресса, перспективы демократизации, место и роль интеллигенции в преобразованиях, права человека, состояние образования, воспитания, морали – вот вопросы, волновавшие умы. Американские примеры вошли в арсенал борющихся общественно-политических течений в качестве образца либо контраргумента, облекаясь, в том числе, в литературно-художественную форму.

На основе анализа круга источников можно выделить такие приемы вплетения американской темы в ткань русских беллетристических произведений, как использование внешнеполитической информации в качестве примет времени (для иллюстрации кругозора действующих лиц, передачи колорита современной публичной жизни, для включения событий во временной контекст и пр.), сопоставление США и России (в основном, для критики последней), личный американский опыт персонажей, создание литературных образов американцев.

Просветительство в значительной мере определяло общественное и литературное сознание той поры, поэтому во главу угла отечественная беллетристика ставила человека, его благо². Спор вокруг ключевого для общественной мысли пореформенной эпохи понятия «дельного человека» в пику «сумной ненужности» (Герцен) недавнего прошлого стал ядром дискуссии о путях социокультурного прогресса. Так как модернизация России связывалась с ее вестернизацией, внимание соотечественников привлекли впечатляющие успехи США. «Что же тут труднодостижимого для вас, для меня? – пропагандировал свежую идею типичный «шестидесятник» Н.В. Шелгунов. – Весь Северо-Американский союз состоит из таких деловых и дельных людей, старающихся доказать всей своей практикой, что время – деньги»³. Беллетристика отреагировала немедленно, попытавшись обрисовать в форме конкретных литературных персонажей теоретические построения и смутные мечты соотечественников.

Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» вывел тип «новых людей» – прогрессивной интеллигентии сегодняшнего дня (Кирсанов, Лопухов, Вера Павловна) и его лучший вариант – «особенного человека» Рахметова, как творца будущего России. В их судьбе звучала американская тема: порой как примета времени

(обсуждение текущих событий, в т.ч. Гражданской войны 1861–1865 гг., модных тем, например, т.н. «женского вопроса»), но чаще как важная характеристика персонажа. Вернувшись из США Лопухов выдавал себя за американца Чарльза Бьюиона, Рахметов отправился в Америку, так как «ему “нужно” (побывать) в Северо-Американских штатах, изучить которые более “нужно” ему, чем какую-нибудь другую землю»⁴. Оба варианта «новых людей» были подхвачены и развиты беллетристами-демократами в галерее «деловых людей» буржуазного мира и идеальных героев-разночинцев.

Поездка в Америку (реальная или планируемая) превращена адептами романа «Что делать?» в ритуальный момент личностного становления революционера. Вслед за Рахметовым «искать дела» за океан отправлялись (или собирались) положительные герои сибирской беллетристики самого Чернышевского («Мастерица варить кашу»), «хорошие люди» В.А. Слепцова⁵, «созерцательная натура» Иван Сладкопевцев Г.П. Данилевского («Новые места»), демократы-разночинцы К.М. Станюковича («Без исхода»)⁶. Эту особенность левой беллетристики подметил Достоевский, отправив «идеальных русских существ» Шатова и Кириллова («Бесы») в Америку «испытать жизнь американского рабочего»⁷. Так как принципиально и по недостатку писательского дара беллетристы-«шестидесятники» следовали «правде жизни», воображаемые идеальные герои, как правило, получались у них безжизненными и плоскими. М.Е. Салтыков-Щедрин высмеял манеру коллег писать о «новых людях»: «Работать! – вот назначение человека на земле! – говорит “новый человек”, и сам ни с места»⁸.

Интеллигенция, переживая комплекс «лишних людей», возвела деятельность в культ, трактовала деловитость как *противоядие* косности. Реагируя на общественную конъюнктуру, беллетристы предложили целую галерею персонажей наступающего буржуазного строя, буквально занятых трудом, – деловых людей, предпринимателей, капиталистов. Они должны были вызывать амбициозные чувства читателей – симпатию, как прометеевский тип в борьбе с пережитками, но отвращение в сравнении с идеализируемым радикалом-разночинцем.

Так как, по сравнению с Западной Европой, в США экспансивное развитие капитализма сглаживало социально-экономичес-

кие противоречия, а их республиканско-демократический строй прославлялся повсеместно, они в большей мере, чем Старый Свет, вдохновляли русских наблюдателей. Как писала главная газета империи «Санкт-Петербургские ведомости», «вам разом вспоминается все, что вы читали об этом удивительном народе (американцах. – О.К.), и становится горько за свою посредственность, за лень, за барство... пусть учат нас, пусть вносят к нам свою цивилизацию, пусть подают нам пример самодеятельности»⁹.

При создании образов «русских американцев» отечественные писатели опирались на позитивные представления о США, сформировавшиеся в национальном общественном мнении. В то же время по законам этнического восприятия («Свой» – «Чужой», «Иной», «Другой») эти персонажи трактовались как неограниченные, преходящие элементы российской действительности.

«Русский американец» – это урожденный русский, воспринявшим заокеанские ценности и витальные стратегии, активно демонстрирующий их на словах и в поступках. Источниками его американофилии являлись либо сознательно выработанная позиция, либо непосредственное знакомство с США. Поведенческие реакции «русских американцев» копировали общезвестные образцы, этнические стереотипы, но могли и отражать собственные представления авторов об американском стиле жизни. Сферой приложения усилий «русских американцев» представлен бизнес – торговый, строительный, промышленный, аграрный, а также свободные профессии, понимаемые как бизнес, средство обогащения (адвокатура, управление).

Особенно ярко образы «русских американцев» воплощены Г.П. Данилевским (1829–1890). В трилогии «Беглые в Новороссию», «Воля», «Новые места» он создал персонажи «степных янки» – пионеров российского фронтира. По мнению автора, хозяйственное освоение Новороссии напоминает движение американских колонистов на запад США, в особенности в плодородную долину Миссисипи. За поэтические страницы и американские параллели западная критика назвала Данилевского «русским Купером». Фабулу всех романов составила борьба пережитков крепостничества в лице старосоветских помещиков, коррумпированного чиновничества и буржуазных отношений, олицетворением которых стали деловые люди. «Полковник-фермер, полковник-

коммерсант» Панчуковский, генерал Рубашкин, дворянин Чулков уезжали из столицы в целинные южные степи в поисках широкого поля для приложения своей активности, пробы сил, а также с целью обогащения. По ходу изложения автор вскрывал хищническую сущность и моральное падение «русских американцев», никогда, впрочем, не отрицая общественную пользу и экономическую эффективность их деятельности. «Степные янки» Данилевского терпят поражение: «белый эксплуататор белых негров» Панчуковский убит своими жертвами, генерал Рубашкин разочаровался в бизнесе и вернулся на службу. Лишь Чулков добился некоторого успеха благодаря перерождению в «интеллигентного пахаря», русского Робинзона.

Колоритные фигуры «русских американцев» предложили К.М. Станюкович (очерк «Русские американцы», роман «Без исхода»), П.Д. Боборыкин (повесть «По-американски»), Н.Г. Чернышевский («Что делать?»). Прежде всего, обращает внимание внешность персонажей – это коренастые, дородные, розовощекие, здоровые люди средних лет. Между тем, отечественные и европейские туристы в США описывали типичного янки как сухопарого, худого, костистого, морщинистого и болезненного. Очевидно, внешний облик «русских американцев» обуславливается логикой авторов – эти типажи символизировали новые, а значит, здоровые общественные элементы, занимались деятельностью, требовавшей энергии, мобильности, духовных и физических сил, следовательно, должны иметь соответствующие природные данные.

«Американскость» героев раскрывалась через их демонстративное поведение, нарушение принятых норм, стереотипов, обычаяев, подчеркнутый демократизм в общении. Через повседневное общение героев авторы стремились показать ту желанную внутреннюю свободу, эмблемой которой в коллективном сознании давно служили граждане США. Однако, являясь персонажами политизированной, пропитанной идеологией пореформенной беллетристики, они становились оружием общественно-интеллигентской борьбы, поэтому их черты были обострены, выпячены, утрированы, приобретая порой опереточный, ходульный характер.

По мысли авторов, благодаря собственным непрестанным усилиям «русские американцы» сделали себя сами, что было яр-

ким маркером для аттестации их именно как американцев, известных культом “self-made man” («человека, сделавшего самого себя»). В отношении к работе, профессии, ремеслу проявлялись такие общие и яркие черты, как инициативность, предприимчивость, трудолюбие, авантюризм, оптимизм, инновационность, непосредственно связанные с этническими представлениями об американцах.

Поиск приемлемой альтернативы отечественному «темному царству» привел прогрессивных авторов к образам «русских американцев», носителей чужеземной экономической морали. Но им не удалось выделить в погоне за наживой элементы душевного порыва к сильному и яркому. «Спекуляторы только спекуляторами и остались», – писала критика¹⁰. Образ рационалистического антихриста легко становился аккумулятором антибуржуазных настроений. Все оттенки смысла от эгоизма до приобретательства и власти денег связывались с этой символической фигурой.

Таким образом, «шестидесятники» не смогли облечь в конкретную художественную форму экономически желательные, но идеологически и культурно неприемлемые ценности буржуазного строя. С точки зрения этнической психологии, архетипной дилеммы «Свой – Чужой», у «русских американцев», при всем их позитивном потенциале, не было шансов стать положительными литературными героями, скорее, авторы рассматривали их как необходимое зло, побочный эффект нужной России прививки модернизации.

Критика развивающегося российского капитализма с правых позиций также прибегала к американской теме, но с целью разоблачения вестернизации в ее крайнем выражении. В таком случае на передний план выходили дефицит духовности, утилитаризм, культ денег, эгоизм американцев как системные пороки западной цивилизации. Например, А.Ф. Писемский (1820–1881) отправил положительного героя Мировича (драма «Ваал»), сломленного буржуазным окружением, в Америку, что расценивалось всеми как «подлость души» и готовность (как и его невеста) продать любовь за деньги. «Прими Ваал еще две новые жертвы! – воскликнул он в финале. – Скоро тебе все поклонятся в этот век без идеалов, без чаяний и надежд, век медных рублей и фальшивых бумаг!»¹¹ В.Ф. Одоевский, еще в 1830-х годах разоблачивший аме-

риканские ценности в антиутопии «Город без имени», в 1860-х годах вернулся к этому тексту, ибо, по его словам, прежние «вопросы, догадки, сомнения снова, но с большей определенностью, возбудились в настоящее время»¹². Действительно, среди молодежи пореформенной эпохи росла популярность теории «разумного эгоизма», восходившей к просветителям XVIII в. и к английскому моралисту Иеремии Бентгаму. В.Ф. Одоевский создал сатирическую аллегорию США под именем Бентгами, показав, как индивидуалистический принцип личной « пользы», провозглашенный там главным, вскоре перерос в пресловутый жупел «обогащения», обрекая на крах заокеанскую цивилизацию. В finale автор писал о «тоске неодолимой, невыносимой» в Америке: «Вот, господа, следствие односторонности и специальности, которая нынче почитается целию жизни; вот что значит полное погружение в вещественные выгоды и полное забвение других, так называемых бесполезных порывов души»¹³. Мысль Одоевского, принадлежавшего к пушкинскому поколению, об американском антипримере для развивающейся России, была подхвачена во второй половине века крупнейшими отечественными писателями. Однако в короткую весну пореформенной эпохи, полную иллюзий и надежд, убедительнее выглядели писатели-демократы, сильные своей численностью и наличием идейных вождей.

Беллетристика шестидесятых годов популяризовала среди массовой читательской аудитории передовые, порой казавшиеся провокационными, идеи, рождавшиеся в борьбе течений столичной интеллигентской элиты. Обращение к американскому опыту помогало преодолеть цензурные препоны и познакомить с отличным от европейских традиций примером решения обсуждаемых проблем, среди которых были морально-этические вопросы, темы воспитания, образования, социальной стратификации, межперсональной коммуникации. Яркой приметой пореформенной эпохи стала дискуссия вокруг т.н. «женского вопроса» – о правах, имущественных и личных, и возможностях самореализации (образование, семья, работа) женщин. «Эманципация была лозунгом, красногольным камнем учения шестидесятых годов», – вспоминала Е.Н. Водовозова¹⁴. Прогрессивная общественность признавала, что именно американские женщины дальше всех продвинулись в защите своих прав и свобод. Просветители во главе с Чернышев-

ским создали галерею женских персонажей из числа «новых людей», многие из которых интересовались и восхищались американками, в особенности, врачом Элизабет Блекуэлл и пропагандистом женских брюк Амелией Блумер.

Русские радикалы крайне произвольно обращались с инокультурным материалом. Они искали для соотечественниц из дворянско-разночинной среды примеры в Америке, не знавшей сословных предрассудков. В то же время в близком им по статусу американском среднем классе были сильны консервативные идеалы викторианской семьи, которые заокеанским феминисткам самим с трудом приходилось преодолевать. Очевидно, в данном случае произошли фетишизация и экстраполяция прославленного политического либерализма США на сферу взаимоотношений полов, регулируемую обычаями и традициями.

Известный беллетрист П.Д. Боборыкин в повести «По-американски» предложил вариант эмансипации женщины без перегибов и крайней демонстративности (синих очков, обрезанных кос, курящих девиц). Боборыкин решал «женский вопрос» на индивидуальном уровне героини Лизы, которая, соблюдая общепринятые правила, тем не менее, сохраняет верность своим убеждениям вдали от чужих глаз (в семье, в узком кругу единомышленников¹⁵). В тексте почти не встречались американские ассоциации, но само название повести настраивало читателя на определенный образный ряд. Следует признать, что рациональная и исподволь подрывающая общественные устои Лиза П. Боборыкина, живущая «по-американски», выглядит ничуть не правдоподобнее или привлекательнее, чем воображаемые персонажи леворадикальной беллетристики, так как в описании прогрессивных женщин и либеральные, и демократические авторы превышали порог новизны, приемлемый для российского обывателя.

Беллетристические произведения публиковались в т.н. «толстых» журналах, выполнявших в середине века мировоззренческую и общественно-политическую функции. Сотрудник «Нашего времени» П. Щебальский, сравнивая журналистику с мощным побегом «от некогда подстриженного дерева литературы», замечал, что в современной России «все дерево литературы пошло в сук журналистики». «Толстые» журналы представляли различные идеинные течения и вели между собой ожесточенную борьбу. В

условиях либерализации режима они параграфами политические и полемические разделы в ущерб художественной прозе и поэзии, соприкасаясь с газетами – новостными изданиями, сохранившимиrudimentы литературных органов в виде газетных подвалов, занимаемых беллетристикой малых форм (очерками, зарисовками, фельетонами).

Американская тема в газетной беллетристике представлена на интертекстуальном уровне цитатности (лозунги «время – деньги», «вперед!», «помоги себе сам»), через воспроизведение известных этнических стереотипов, поверхностные аналогии. Важно подчеркнуть, что из-за цензуры в пореформенной России не существовали демократические газеты, следовательно, в ежедневной прессе отсутствовала апология США, заокеанской цивилизации. Американская тема возникала ситуативно, трактовалась в зависимости от контекста, что выдавало равнодушие и некомпетентность авторов по отношению к ней, использование инокультурной информации в качестве декоративного элемента повествования. Сам жанр газетного фельетона середины века предполагал сниженную лексику и простую образность. Например, Фаддей Булгарин («Северная пчела») в зарисовке «Обманутые ожидания» вывел образ американца, торгового агента, противопоставляющего непрактичные моды француженок простому длинному платью с жилеткой и кофтой американок¹⁶. Правая газета «Весть», клеймившая США за «политический разврат», поместила рассказ «Американские сцены в сарабеевском уезде» (1863, № 20) о конфликте Охладишина, «нашего уездного Наполеона (И. – О.К.), ренегата и болтуна», с местным предводителем дворянства Сергеевым. «Отчего я не американский сенатор, – восклицал автор, – отчего у меня нет каучуковой трости, которой я мог бы снабдить сначала Охладишина, а после, по миновании надобности, передать ее в руки Сергеева». Очередная словесная перепалка потрясла свидетелей «дикостью звуков: оно, может быть, и точно дико поступлено, по-американски...». Очевидно, что автор фельетона «Вести» использовал текущую информацию (факт избиения в американском парламентеabolitionиста рабовладельцем) и самые примитивные этнические стереотипы.

В целом интенсивность американской темы в пореформенном литературном дискурсе относительно высока. Однако изучаемым

авторам не удалось создать полифонических образов, что мы связываем не только с непрофессионализмом беллетристов, но, главным образом, с борьбой идеальных течений. Американская проблематика оказалась на острие общественной дискуссии, поэтому авторы сознательно упрощали образный ряд, обостряли черты своих американизированных персонажей. Инокультурные представления, этнические стереотипы активно использовались ими для продвижения в массы новых идей, теорий, концепций. Однако, располагая творческой свободой писателей, беллетристы пореформенной эпохи значительно исказили внешнеполитическую информацию в угоду общественной конъюнктуре, вместе с которой вскоре канули в Лету их американские герои.

- ¹ Мирообраз – образы мира: справочник по имагологии. Волгоград, 2003.
- ² О просветительской сущности литературы пореформенной эпохи, влиявшей на трактовку Запада, см. подробнее: Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX века). М., 1998.
- ³ Шелгунов Н.В. Русские идеалы, герои и типы // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 182.
- ⁴ Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. М., 1989. С. 250. Согласно советскому литературоведению, Рахметов уплыл за океан участвовать в социальной революции – следующем, после освобождения рабов, этапе Гражданской войны. По мнению Д.Л. Мордовцева, лично знавшего прототип литературного персонажа, Рахметов собирался строить в США фаланстер (*Мордовцев Д.Л. Новые люди // Собрание сочинений: в 34 т. СПб., 1902. Т. 29. С. 61*).
- ⁵ Слепцов В.А. Хороший человек // Литературное наследство. М., 1963. Т. 71.
- ⁶ «Где дело? Нас ударили сомнения, неужто бессмысленная волна нас смоет. – Объяснял один из них. – ...не ради пустой прихоти, не ради обезьянства я еду искать иной жизни, иного счастья в Америке; там я попробую своими руками завоевать себе тот нравственный мир, которого здесь не нашел» (*Станюкович К.М. Без исхода. Архангельск, 1963. С. 297*).
- ⁷ Реминисценция книги П.И. Огородникова «Путешествие из Нью-Йорка в Сан-Франциско и назад в Россию» (СПб., 1872).
- ⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Рецензия на роман «Новые русские люди» Д. Мордовцева // Собрание сочинений: в 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 372.
- ⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 207.

- ¹⁰ URL: ru.wikipedia.org/wiki/Григорий_Данилевский
- ¹¹ Писемский А.Ф. Ваал // Собрание сочинений: в 5 т. М., 1982. Т. 2. С. 573.
- ¹² Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 192.
- ¹³ Там же. С. 36.
- ¹⁴ Цит. по: Эймонтова Р.Г. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁵ Боборыкин П.Д. По-американски // Боборыкин П.Д. Повести и рассказы. СПб., 1872.
- ¹⁶ Северная пчела. 1854. № 100.

РОССИЙСКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕЧАТЬ
НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг.

Газета «Правительственный вестник» поместила на своих страницах в 1902 г. рассуждения о значении газет в жизни общества: «При помощи этих органов печати образуется то особое духовное и материальное взаимодействие, которое собирает все цивилизованные нации в единое человеческое общество. В этом отношении газета действует подобно железным дорогам, пароходам, телеграфу и почте; она является, так сказать, засном (основой. – В.Б.) в цепи тех учреждений, при посредстве которых в обществе совершается обмен духовных и вещественных ценностей»¹. Однако успешно выполнять эти важные функции периодическая печать может лишь в условиях широкого распространения внимания к общественным делам, когда население объединяется общностью условий жизни и интересов. Такая ситуация сложилась в России к середине 1870-х годов.

При изучении событий 1875–1878 гг. на Балканах исследователями привлекались материалы отдельных органов печати. Однако рассмотрению прессы как одного из немногих в то время источников информации для населения, проблем формирования общественного мнения как внутри страны, так и за границей, способов воздействия публистики на массовое сознание и влияние отдельных органов печати на внешнеполитический правительственный курс уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания². Значительный интерес представляет изучение причин тогдашних административных взысканий, наложенных на печать со стороны цензурных органов. Видится достаточно важной проблема сопоставления российских и западноевропейских органов прессы того времени.

На тот период в мире принципиально изменились технические условия выпуска газет. Если в 1850-е годы на ручном станке можно было изготовить не более 150 экземпляров газет в час, причем

малого формата, то появление в 1863 г. нового типа ротационной машины, печатающей не на отдельных листах, а сразу на обеих сторонах бесконечной бумажной ленты, позволило производить более 15 000 оттисков в час, а в дальнейшем и до 30 000 экземпляров, сократив до минимума время между сбором новостей и их публикацией.

Так, в Англии, как и в ряде других европейских государств, газеты выходили в это время уже несколько раз в день. Старейшие из них, такие как *“Times”*, представляли могущественную политическую силу и пользовались огромным влиянием за границей, в том числе и в России. Эта газета, отличавшаяся солидностью оценок, разнообразием содержания, была ориентирована на элиту английского общества. В тот период современники называли ее «шестой великой державой»³.

В свое время для ограничения распространения изданий, предназначенных низам общества, в Англии были введены так называемые «налоги на знания». Только в 1855 г. была отменена штемпельная пошлина, а в 1861 г. – пошлина на бумагу, что дало возможность редакциям газет значительно снизить их стоимость. Во второй половине XIX в. здесь значительно выросло число представителей «новой печати» современного типа, например *“Pall Mall Gazette”*. В отличие от «старой прессы», сухие и строгие отчеты которой мало отличались от официальных правительственных известий, эти периодические издания уже несли в себе отпечаток взглядов и вкусов их редакторов, связанных через систему неформальных отношений с различными представителями правящей элиты. В отличие от *“Times”*, газеты новой формации отличались переменчивостью, базировались на рекламе, чаще всего являлись вечерними (хотя первая из них уже печаталась в десять часов утра), т. е. не предназначались для традиционного чтения англичанами за завтраком.

Во Франции в 1869 г. выходило более 2 000 газет, из которых в одном Париже печаталось 900 различных изданий⁴. В отличие от Англии, французские газеты носили более ярко выраженный партийный характер, но не имели такого влияния, как английская *“Times”*. Многие из них, даже самые известные, как *“Figaro”*, основанная в 1859 г., отличались непостоянством своих политических пристрастий.

В Пруссии цензура была отменена законом 17 марта 1848 г., а Конституция 5 декабря 1848 г. даровала свободу печати, но уже со следующего года начал функционировать концессионный порядок для политических газет. В 1850 г. залог для периодической прессы был увеличен и изданиям, уличенным во враждебности к правительству курсу, было отказано в пересылке по почте. Штемпельная пошлина, введенная новыми законами 1852 и 1861 гг., также значительно ограничивала возможности издания газет и журналов. Объединение Германии, введение всеобщего образования, свободы торговли и печати, а затем и отмена в 1874 г. штемпельной пошлины и концессионной системы привели к резкому росту числа периодических изданий и их удешевлению⁵. В конце 1880 г. в Пруссии выходило 2 169 газет и журналов, среди которых 1 429 было политических⁶. Ведущим среди них являлся старейший орган прусской консервативно-аристократической («конкерской») партии «Крестовая газета» (*«Neue Preussische Zeitung»*, *«Kreuzzeitung»*). В этой газете в 1848 г. начинал свою карьеру Отто Бисмарк.

Западноевропейская печать второй половины XIX в. оказывала значительное политическое влияние на все процессы, происходившие не только в собственных странах, но и в Европе, а также и в целом мире. Общей для западноевропейских средств информации являлась задача осведомления читателей о состоянии дел, вершившихся в высших властных структурах, создания предпосылок для воздействия на государственную власть со стороны общества. Правительства, политические партии, дипломатия уже в этот период широко использовали средства информации для апробации и проведения своих взглядов в широких слоях населения. Германский посол в России Г.Л. Швейниц в разговоре в мае 1876 г. с бывшим российским министром внутренних дел П.А. Валуевым следующим образом оценивал влияние средств информации на настроение населения страны: «С массами говорят через газеты»⁷.

Российская печать отличалась от европейской не только численностью: к началу 1870-х годов в Петербурге и Москве всего было около 20 ежедневных и 38 не ежедневных изданий⁸. На нее по-прежнему оказывала значительное влияние цензура. После принятия 6 апреля 1865 г. «Временных правил о цензуре и печа-

ти» был введен институт карательной цензуры, который существовал наряду с предварительной. В 1876 г. большая часть статей «Временных правил» была включена в новое издание устава, главные задачи которого оставались неизменными с 1828 г. Вследствие различных наслаждений, отложившихся в нем, в редакционном отношении этот документ являлся одной из наименее удовлетворительных частей Свода законов Российской империи.

Ключевым пунктом, послужившим основанием для последующей практики взаимоотношений печати с цензурным ведомством, был порядок административных взысканий, за замеченные в них «вредное направление», заимствованный из французского законодательства времен Второй империи Наполеона III (2 декабря 1852 – 4 сентября 1870 г.). Подобная цензурная практика получила также на некоторое время распространение в Пруссии, Австрии и Турции, но дольше всего (до 24 ноября 1905 г.) действовала в России. Известный публицист, профессор государственного права А.Д. Градовский так характеризовал положения закона о печати 1865 г.: «...наши законы о печати есть верная копия, снимок с законодательства страны, где фальшивь и ложь целых 18 лет служили основанием государственной и общественной жизни, они продукт совершенно другой логики, другого миросозерцания»⁹.

В 1875 г. на периодические издания было наложено 16 административных взысканий, а в 1876 г. в два раза больше – 32¹⁰. Начиная с этого года и весь последующий период участия России в войне 1877–1878 гг., а также в 1879 г. число взысканий регулярно переваливало за цифру «30». Таким образом, 1876 г. становится своеобразным новым рубежом в отношениях Министерства внутренних дел с печатью, освобожденной от предварительной цензуры. Кстати, о взысканиях, наложенных на российскую печать, регулярно и подробно сообщали ведущие европейские газеты.

В 1876 г. по два предостережения с последующей приостановкой на три месяца были выданы Министерством внутренних дел газетам «Биржа» и «Русский мир»; «Неделя» сначала получила третье предостережение, была приостановлена на три месяца, а после возобновления издания в этом же году удостоилась еще одного наказания; три предостережения с последующей приостановкой на целых шесть месяцев «заработала» газета «Молва»; по два пре-

достержения получили «Русское обозрение» и «Финансовое обозрение»; по одному – «Голос» и «Гражданин». Менее строгие взыскания в виде «воспрещения розничной продажи газет» использовалось в том году тринадцать раз. Наконец, на основании утвержденного Александром II 16 июня 1873 г. мнения Государственного совета «О недопущении в периодических изданиях оглашения или обсуждения вопросов и дел, признаваемых к тому неудобными», министр внутренних дел получил право «в случае неисполнения редактором выходящего без предварительной цензуры повременного издания распоряжения о неоглашении или необсуждении в печати какого-либо вопроса государственной важности, приостановить выпуск в свет такого издания на срок не свыше трех месяцев»¹¹. На этом основании в 1876 г. были приостановлены: дважды на один и на два месяца «Гражданин»; два раза по одному месяцу приостанавливался «Русский мир»; на две недели – «Современные известия».

Развитие отношений между печатью и властью в дореволюционную эпоху в современных исследованиях все реже представляется в виде открытого противостояния, в меньшей степени идеализируются органы революционно-демократической прессы, традиционно выдвигавшиеся в советской литературе в первые ряды борцов против правительства, осторожнее подходят исследователи к анализу тех или иных изданий с позиций принципов «партийности печати».

История взаимоотношений отечественных средств информации с государственными органами не сводилась к отчаянному противодействию или кроткому смирению перед суворостями цензуры. Специфические условия, основанные на неравноправных отношениях, в которых существовала российская печать, естественно, отличались не в лучшую сторону в сравнении с условиями бытования западноевропейской прессы, но все же давали возможности не только для ее функционирования, но и для отстаивания определенных принципов, которыми руководствовались те или иные издания. Приведенные данные о количестве взысканий, наложенных на прессу в 1876–1879 гг., свидетельствуют, на наш взгляд, не столько об изменении отношений российской цензуры к своим газетам и журналам, сколько об отказе печати действовать в рамках установленных ранее правил в новых внешнеполитических условиях.

В этот период предостережения от Главного управления по делам печати получали и консервативно, и либерально настроенные издания за критику правительства и за «слишком горячую» его поддержку. Если при помощи справочника «Русская периодическая печать», вышедшего в свет в 1959 г., попытаемся разобраться в идейной и политической направленности изданий, вызвавших неудовольствие цензурных органов в 1876 г., то легко убедимся, что лишь газета «Неделя» может быть с определенной долей условности отнесена к так называемым органам «революционно-демократической печати», хотя в справочнике отмечено, что «с конца 70-х годов „Неделя“ заметно правеет»¹². Еще «Молва» отражала «либерально-народнические воззрения»¹³. Зато «Биржа» «выражала интересы крупной буржуазии, являясь органом финансовых и торговых кругов»¹⁴, «Финансовое обозрение» выступало в качестве журнала «финансов и торговли»¹⁵, «Голос» – орган «либеральной бюрократии»¹⁶, «Русское обозрение» – «орган буржуазного либерализма»¹⁷, а «Гражданин» – вообще являлся «органом реакционных слоев русского дворянства»¹⁸.

Легко заметить, что одной из самых неудачливых с точки зрения взаимоотношений с властями в этот период была газета «Русский мир». О ней в справочнике 1959 г. вообще ничего не сказано: там упоминается только газета, выходившая в Петербурге под таким же названием в 1859–1863 гг. «Русский мир» 1876 г. был тесно связан с именами одного из его основателей и редакторов генерала М.Г. Черняева и известного публициста, критика Александровских реформ генерала Р.А. Фадеева.

За период 1875–1876 гг. «Русский мир» дважды был приостановлен властями на три месяца, шесть раз запрещалась розничная продажа его номеров. В середине мая 1876 г. газете было дано второе по счету предостережение «за протест против берлинской конференции», а точнее – за «неуместное указание правительству», «упреки и настояния» в его адрес¹⁹. В начале июля 1876 г. «Русскому миру» от Совета Главного управления по делам печати было сделано внушение по поводу передовых статей в № 181 и 182, в которых делался «косвенный упрек нашему правительству за его миролюбивую политику, ограничивающую будто бы только выслушиванием желаний австрийцев и англичан». Редакция была предупреждена о будущих решительных мерах в свой

адрес²⁰, и с 30 июля по 16 августа 1876 г. была запрещена розничная продажа газеты.

Внушения цензурного ведомства, видимо, не могли остановить публицистов «Русского мира». Срок запрещения розничной продажи истек, о чём было напечатано объявление в № 227, а передовая статья этого же номера явилась причиной нового, уже третьего предостережения и приостановки на три месяца «за пропаганду чрезмерно агрессивной внешней политики России»²¹. Автор ее утверждал, что «одно из важнейших несовершенств русской жизни заключается в отсутствии надлежащих прочно организованных способов внешнего проявления внутренних сил, стремлений и чувств русского народа»²².

Однако, несмотря на все цензурные проблемы, «Русский мир» на своих страницах регулярно подчеркивал, что как раз в Западной Европе, а не в России существует коренной антагонизм между властью и обществом, правительством и печатью. С наибольшей полнотой эти взгляды были отражены в передовой статье, опубликованной в июне 1875 г. после приостановки газеты по распоряжению министра внутренних дел. Автор статьи утверждал, что «у нас, где власть стояла и стоит всегда не против, а впереди народа и во главе его, где она никогда не имела и не может иметь никаких других интересов, кроме общих интересов страны, где, наконец, немыслимо взаимное недоверие между правительством и обществом; поэтому и представители власти имеют у нас полное основание и возможность относиться с безусловным сочувствием и вниманием к услугам добросовестной, правдивой и сведущей публистики, так как последняя может разногласить с ними только относительно средств, а никак не относительно цели, которая как для общества, так и для правительства есть одна и та же – общее благо России»²³.

Автор редакционной статьи утверждал, что за границей придерживаться независимой позиции означает «выступать против правительства», у нас же «всякий независимый взгляд, если он основателен, может быть так или иначе поставлен в связь с правительственными видами»²⁴. «Русский мир» также сетовал на то, что именно те статьи, в которых «с наибольшей откровенностью» газета высказывала свои «самостоятельные политические воззрения», были определены иностранной прессой как официозные.

Статьи, вызвавшие неудовольствие российской цензуры, по определению газеты, не заключали «ничего такого, что оправдывало бы распущенность в таком изобилии по поводу этого дела газетные выдумки и догадки», в том числе и за границей²⁵.

В условиях неравноправных отношений, отсутствия взаимной ответственности, существовавших в России между печатью и властью, усилия периодической прессы были направлены главным образом на то, чтобы извещать государство о тех проблемах и несправедливостях, которые наблюдались в обществе. Причем власть, используя цензурное законодательство, позаботилась о том, чтобы эти сообщения не носили назойливый характер, не выглядели прямыми указаниями, более того, даже не походили на них из-за публицистической манеры изложения материалов статей. Западноевропейские средства информации видели свое главное назначение в осведомлении населения о том, что происходит во властных сферах, создавая предпосылки для воздействия на эти структуры со стороны общества, предъявляя снизу требования государственной власти.

Однако события середины 1870-х годов внесли серьезные поправки в позиции российской печати. Новые условия, связанные с военными событиями на Балканах, в освещении которых у российской печати не было достаточного опыта, требовали поиска особых подходов. Информационные отделы в периодических изданиях стали занимать ведущие позиции по сравнению с литературной частью, применение телеграфа и телефона увеличивало оперативность поступавшей информации. В российской печати публиковались материалы из ведущих европейских газет, заметки и сведения, полученные собственными корреспондентами с места событий, обращения к России представителей балканских государств, объявления о сборе пожертвований и т. д.

Небывалый читательский интерес к внешнеполитическим событиям явился одним из ведущих мотивов активизации печати, которая готова была идти ради его удовлетворения на определенный риск, пренебрегая многочисленными запретами и цензурными ограничениями. Свообразное соревнование высказываемых мнений о происходящих событиях, развернувшееся на страницах прессы в этот период, при расплывчатости внутренней и внешней политики государства, колебаниях правительства, желание доказать своим читателям, что именно их газета или журнал является

обладателем некой абсолютной истины привели к отклонениям в установившихся отношениях между правительством и печатью.

На некоторое время в этот период поколебалось очевидное предназначение основной массы российской печати служить государству, а не обществу. Власть, которая долгое время не видела в общественном мнении ни потенциального партнера, ни официального оппонента, а в печати посредника между собой и обществом, вынуждена была считаться с тем и другим при принятии важнейших государственных решений. Однако такого рода отношения возникли спонтанно и длились недолго. Очередные Временные правила о печати, утвержденные Александром III 27 августа 1882 г., существенно изменили в сторону ужесточения меру административной ответственности периодической печати.

¹ История газеты и ее современное положение // Правительственный вестник. 1902. № 235.

² Исключением являются работы: Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989; Петров С.В. Предвосинный этап восточного кризиса 1875–1878 годов на страницах правой печати России. Л., 1991; Патрушева Н.Г. Теория «правственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 1994. Вып. 7. С. 113–125; Власова Ю.В. Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение России; дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

³ История газеты и ее современное положение // Правительственный вестник. 1902. № 235.

⁴ Келлен Тони. Газета и журнал. Их прошлое и настоящее во всех странах мира. СПб., б.г. С. 95.

⁵ Там же. С. 84, 85.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел (1865–1876 гг.); в 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 362.

⁸ См.: Дрейзис Л.Г. Газета «Голос» как источник изучения боснийско-сербского восстания 1875–1877 гг. // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкоznания. Казань, 1981. Ч. 1. С. 86.

⁹ Градовский А. О свободе русской печати. СПб., 1905. С. 6.

¹⁰ Богучарский В. Очерки из истории русской журналистики XIX века. // Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 385.

¹¹ Мсерианц З.М. Законы о печати: настольная справочная книга для авторов, переводчиков, издателей. М., 1893. С. 79.

¹² Русская периодическая печать (1702–1894): справочник. М., 1959. С. 485.

¹³ Там же. С. 570.

¹⁴ Там же. С. 544.

¹⁵ Там же. С. 560.

¹⁶ Там же. С. 436.

¹⁷ Там же. С. 575.

¹⁸ Там же. С. 546.

¹⁹ Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / статьи В. Розенберга и В. Якушкина. М., 1905. С. 244.

²⁰ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева ... Т. 2. Комментарии. С. 526.

²¹ Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 517.

²² Русский мир. 1876. № 227.

²³ После приостановки // Русский мир. 1875. № 61.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ
ГЛАЗАМИ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СТРАН ЕВРОПЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(архитектура, фотография, театр, музыка)

Нельзя не согласиться, что взаимовлияние культур Запада и Востока, пожалуй, в первую очередь отразилось на художественном и музыкальном искусстве. Выходцы из европейских стран, приезжавшие в Туркестан, по-своему видели и воспринимали окружающий их непривычный колорит Востока. Кроме того, каждый раз привнося в свою деятельность что-то новое из увиденного и услышанного, тем самым они объединяли и сохраняли самое лучшее из культурного наследия Востока и Запада.

Пожалуй, наиболее ярко эта тенденция проявилась в «колониальной архитектуре» Туркестана. В этих памятниках, некоторые из которых до сих пор украшают улицы Ташкента, Самарканда, Ашхабада и других городов Средней Азии, наиболее ярко отразилось восприятие выходцами из Европы полного загадок и неожиданностей края.

Надо сказать, что в целом в азиатской архитектуре готические мотивы явление редкое, поэтому они являются столь яркими и привлекающими внимание. В Туркестане того периода монументальных строений западноевропейского стиля насчитывалось едва ли более десятка. Из них самое выразительное – римско-католический костел в Ташкенте (в народе его называют «Польским»)¹. По имеющимся данным большинство участников строительства были поляки, но в конце 1914 – 1915 г. в Туркестан были направлены десятки тысяч военнопленных немцев и австрийцев. Среди них имелось много квалифицированных специалистов: инженеров, архитекторов, скульпторов, каменщиков и других умельцев.

Военные и гражданские власти откликнулись на ходатайство ксендза выделить на строительство костела необходимое количество военнопленных. Пленный австрийский подданный, архитек-

тор Людвиг Панчакевич почти полностью переделал уже готовый проект² костела и вел надзор за его осуществлением. В 1917 г. Панчакевич также возглавлял работы по художественному оформлению внешнего фасада и внутреннего интерьера ташкентского Зимнего театра³.

По некоторым данным, в 1916 г. в проектировании римско-католического костела принимал участие другой военнопленный, итальянец по происхождению Е.О. Нелле. Католический храм, строившийся тогда в загородной части Ташкента, выделялся не только своим внушительным объемом, но прежде всего архитектурным антуражем, необычным для этого региона строительным материалом и особенно обильным скульптурным декором. К сожалению, технические чертежи приходского костела еще не найдены, но сохранилось описание, составленное ксендзом Яном Довнаром⁴.

Строительство не было завершено, а после октября 1917 г. было заброшено вовсе⁵. Но даже в незавершенном виде костел производил сильное впечатление. Повышенный интерес к новостройке проявился, в том числе и в издании нескольких видов почтовых открыток с его изображением. Первые из них печатались еще до революции⁶.

В числе одних из первых зданий готического стиля можно также назвать ашхабадский костел Преображения Господня, который начал действовать в 1905 г., хотя в документах, касающихся его строительства, речь идет о молитвенном доме. Сохранилась его старинная фотография. Здание было выстроено в неоготическом стиле. Высокий тонкий шпиль и изящные пропорции узких готических окон придавали ему изысканный вид⁷.

Значительно проще выглядели одноэтажные, сложенные из красного кирпича готические на вид часовни в Скобелеве (ныне г. Фергана) и Кызыл-Арвате, сооруженные также в 1905 г. В этом же стиле был построен костел в Самарканде⁸.

В 1906 г. было построено еще одно здание в формах готики – лютеранская кирха, архитектором которой являлся А.Л. Бенуа⁹. Его проект и архитектурный план были разработаны в 1881 г. Генерал-губернатор К.П. Кауфман лично содействовал выделению земли под застройку¹⁰.

Из наиболее выдающихся украшений храма можно выделить запрестольный образ Распятия Христа работы талантливой ху-

дожницы из Рима – Салли фон Кюгельген, подарившей свою картину лютеранскому приходу в Ташкенте¹¹. Интересен тот факт, что с 26 сентября 1900 г. было получено разрешение совершать богослужение в кирхе на русском языке, что свидетельствует о том, что прихожане долгое время прожили здесь и уже не обладали знанием немецкого языка в достаточной мере¹².

Еще реже зданий в готическом стиле встречаются здания в стиле барокко и классицизма. Типичные приемы стиля барокко – кривые плоскости, разорванные фронтоны и богатая лепнина нашли приложение в двухэтажном здании конторы Государственного банка в Ташкенте, архитектором которого был В.С. Гейнцельман¹³. В формах архитектуры классицизма было решено творение другого немецкого архитектора – Гамбургера. Это здание Городской думы 1899 г.¹⁴

Известны имена и других архитекторов выходцев из Европы, работавших в Туркестане, – М.Ф. Мауэр, Ф.И. Лидваль, Э.Ф. Ленешмидт, Р.В. Ванке, Р.В. Блезе.

Изобразительное искусство также отражало взгляд европейцев на Туркестан. В странах Европы интерес к культуре Востока был огромен. Край настолько привлекал европейцев, что они старались приехать сюда не только с какими-то коммерческими или научными целями, но и просто запечатлеть его красоту в картинах или фотографии. 25 января 1909 г. в Ташкенте впервые прошла выставка рисунков австрийских школьников, а в 1911 г. и австрийский художник Вильгельм Блатт, в течение года работавший в крае, завершил ее выставкой своих полотен¹⁵.

Интересны картины немецкого художника Рихарда Карловича Зоммера, посвященные Туркестану. Он создал картины «У Биби-Ханым», «Улица около Гур-Эмира», «Мечеть в Ташкенте», «Вечерняя молитва спутников» и т.д.

В художественной жизни Самарканда в первые десятилетия XX в. видная роль принадлежала талантливому художнику – Л.Л. Бурэ. В 1911 г. в Самарканде состоялась его выставка, где выставлялось более 100 карикатур, направленных в большинстве своем на высмеивание пороков русской политики в Туркестане¹⁶.

Известны случаи, когда путешественники ехали сюда с целью кинематографических съемок, а Французским Синематографическим обществом была командирована целая группа фотографов.

Первым фотографом в Ташкенте стал итальянец Владимир Николян. Свое фотоателье он открыл в 1873 г. Его сын Игорь Николян продолжил дело отца.

Можно назвать целую плеяду известных деятелей европейского театрального искусства, которые приезжали в Туркестан с гастролями либо работали здесь постоянно. В 1891 г. в Ташкенте гастролировала известная французская опереточная труппа Лассала. В начале ХХ в. Туркестан регулярно посещали артисты театров из европейских стран. В частности, только в 1911 г. в крупных городах края побывали австрийский артист В. Тартвитт и оперная певица из Германии Ф. Шмидт, французские артисты: К. Покюрюль, Ж.Б. Бель и др. Известно также, что здесь работали немцы: художник театра Г.А. Визель и художественный критик М.В. Мюнц.

Особую роль играет во взаимном сближении народов разных стран музыкальное и танцевальное творчество, посредством которых можно выразить свои чувства и мысли. Еще в начале ХХ в. постоянными гостями Туркестана были европейцы-музыканты и певцы, дававшие свои концерты в городах края и исполнявшие различные произведения именитых композиторов. Например, австрийцы М.Э. Дрожка, Ф. Эльгилегер, итальянец В. Жирардо с сыновьями Луиджи и Гастоном, чехи Ф. Улек, А. Тершак, немцы Ф.Г. Ахенваль¹⁷ и П. Келлер. Немало музыкантов чехов и австрийцев было среди военнопленных. Они пользовались в Туркестане большой свободой и составляли значительную часть музыкантов симфонического оркестра под управлением дирижера Ф. Седлячека, который был создан в Ташкенте в 1915 г. и энергично развивал разностороннюю концертную деятельность¹⁸.

Деятельность музыкантов и артистов, побывавших в Туркестане, трудно переоценить. Они не только знакомили местное население с мировым музыкальным искусством, но и впоследствии доносили красоту и колорит местных национальных мелодий в Европу. Уже в конце XIX в. в Туркестане в числе людей, внесших большой вклад в изучение и развитие национальной культуры коренного населения, был хорошо известен немец-скрипач Август Эйхгорн, работавший ранее в Мариинском театре. А. Эйхгорн проделал большую работу по записи музыки узбеков, казахов и других среднеазиатских народов.

Уже в 1870-е годы у А. Эйхгорна появились такие произведения на туркестанские темы, как: «Ташкентка», «В Туркестанской широкой степи», «На самаркандских развалинах» и т.д.¹⁹ Эйхгорн при исследовании узбекского фольклора отметил его сатирическую направленность. В его дневнике, датируемом 70-ми годами XIX в., запечатлено «наблюдение о сатире, ironии и насмешке... над знатными именами и лицами, что свидетельствует о критической направленности народной мысли»²⁰.

Музыкально-этнографические заметки Эйхгорна были опубликованы полностью только после его смерти. Эйхгорн не только собирал и изучал местный фольклор, но стал коллекционером узбекских народных инструментов, а также впервые дал их подробное описание. Одна часть его коллекции демонстрировалась в 1872 г. на Политехнической выставке в Москве, а в 1873 г. – на Всемирной выставке в Вене. Вторая часть его коллекция была выставлена в Петербурге в 1885 г., а затем приобретена Московской консерваторией. В 1884 г. по его инициативе было создано Музыкальное общество, в котором впервые в Туркестане были поставлены оперы – «Иван Сусанин», «Русалка», «Вильгельм Телль», а также исполнялись многие симфонические и камерные произведения.

Дело Эйхгорна продолжил чех В.В. Лейсек. Попав в 80-е годы XIX столетия в Среднюю Азию, он страстно увлекся местными национальными напевами. Лейсек обработал для духового оркестра ряд мелодий – узбекских, киргизских, татарских, казахских и туркменских. Исполнение этих обработок в Ташкентском городском саду в 1890 г. вызвало большой интерес слушателей, и почти сразу в Ташкенте на книжных полках появилось их издание: «Азиатские попурри сартовских, киргизских и татарских песен (мотивов) для духового оркестра и в переложении для фортепиано»²¹.

По инициативе Лейсека в 1906 г. было создано Музыкально-драматическое общество²². В состав входили симфонический оркестр, хор, камерный ансамбль, а в репертуаре были сцены из опер русских и зарубежных композиторов, образцы симфонической и камерной классической и современной музыки, оперетты и др. Вскоре Лейсек уехал на родину и дал первые в Западной Европе концерты узбекской музыки.

Лейсек также был одним из организаторов в Ташкенте первого хорового коллектива. В тот момент, когда у католиков Туркестана еще не было специального помещения для совершения богослужений и пользовались арендой, музыкально-вокальный хор под управлением Лейсека участвовал в нескольких литургиях, что придало им особую торжественность и «доставило большое наслаждение всем своим прекрасным и стройным исполнением»²³.

Позже, в начале XX в. огромную роль в культурной жизни Туркестана сыграла бельгийская скрипачка Корин Корен. Впоследствии в память заслуг Корен был создан квартет ее имени.

История доказывает, что любой вид искусства особенно интенсивно развивается, когда соприкасаются две или более культур. Яркий пример этому в Средней Азии служит искусство эпохи эллинизма. Очень многие выходцы из Европы, оказавшись в Туркестане, смогли не только искренне полюбить его, но и придать его культурной жизни новый импульс развития. Они содействовали познанию коренных народов края духовного и культурного наследия народов зарубежных стран. Кроме того, европейцы – выходцы из Европы стали своеобразным ретранслятором для других стран и народов традиционной культуры и искусства Туркестана.

¹ Специалистами называются разные даты начала строительства, и 1911 г., и 1912 г., но фактически оно началось, скорее всего, в 1914 г. Об этом свидетельствует дата на декоративно оформленном гербе, остатки которого были обнаружены при обследовании памятника в 80-е годы на восточном фасаде трансепта здания, но осталось незавершенным. См.: Лисицкая О. Создание римско-католического костела в Ташкенте // Духовность на рубеже тысячелетия. Ташкент, 2000. С. 19.

² Автором первоначального проекта по некоторым данным был Л. Павловски.

³ Ныне на этом месте находится Государственный Музей искусств Узбекистана.

⁴ Лисицкая О. Указ. соч. С. 20, 21.

⁵ В 1922 г. ксендз Рутенис пишет архиепископу: «Кажется останусь в костеле один. При таких обстоятельствах о строительстве костела не может быть и речи...» Цит. по: Лисицкая О. Указ. соч. С. 21.

⁶ Галендер А. Счастливая судьба Ташкентского костела // Октябрь. 1998. № 1. С. 5.

⁷ Клычев А. Ашхабад. Ашхабад, 1974. С. 13.

Шкарлутина Г.Д.

- ⁸ Хотя первое прошение о строительстве было подано еще в 1905 г., но разрешения ждали долго и строительство началось только в 1915 г., но уже два года спустя, к 1 октября 1917 г., было закончено. См.: Спиридовова А.Л., Заславский В.Б. Католики в Туркестане (в конце XIX – начале XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.). Ташкент, 1998. С. 213–235.
- ⁹ Ташкент: энциклопедия. Ташкент, 1983. С. 165.
- ¹⁰ Из-за несогласия того же Кауфмана потерпело неудачу первое прошение ташкентских католиков о строительстве каплицы. Заинтересованность в строительстве кирхи объясняется его религиозной принадлежностью. Надо отметить, что среди немцев Туркестана были приверженцы евангелическо-лютеранского, римско-католического, меннонитского и адвентистского вероучений.
- ¹¹ Кнауэр Н.Х. Евангелическо-лютеранская церковь в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии (XIX – XX вв.). Ташкент, 1998. С. 236–246.
- ¹² Там же.
- ¹³ В.С. Гейнцельман являлся архитектором здания Государственного банка (1875), Дворца Великого князя Николая Константиновича в Ташкенте (совместный проект вместе с Бенуа А.Л. в 1889–1900 гг.), казенной палаты (1887), Реального училища (совместный проект вместе с архитектором Максимовым в 1898 г.). См.: Ташкент: энциклопедия. С. 35–36.
- ¹⁴ История Узбекистана. Ташкент, 1968. Т. 2. С. 461.
- ¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1241. Л. 41.
- ¹⁶ История Узбекистана. Т. 2. С. 473.
- ¹⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 692. Л. 65.
- ¹⁸ История Узбекистана. Т. 2. С. 480.
- ¹⁹ Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Юнусова Д.М. К истории формирования немецкой диаспоры в Туркестане // Узбекистонда этнодемографик жараёнлар: (халқаро конференция материалы). Ташкент, 2005. I кисм. С. 215.
- ²⁰ История Узбекистана. Т. 2. С. 476.
- ²¹ Там же. С. 477–478.
- ²² Это общество было создано на базе Музыкального общества и просуществовало до 1913 г.: Ташкент: энциклопедия. С. 210.
- ²³ Туркестанские ведомости. 1896. № 4.

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современных условиях, когда идет процесс роста национального самосознания горских народов Северного Кавказа, возрождение казачества, попытки возвращения к традиционным национальным культурным традициям, обычаям, законам шариата (Чечня) или казачьему кругу, управам, отделам, атаманскому управлению, возрождению войскового казачьего сословия, необходимо внимательно всмотреться в процессы XIX столетия.

На обширной территории, раскинувшейся между Черным и Каспийским морями, в течение трех с половиной столетий проходил один из рубежей противоборства России с Турцией и с Ираном. Народы Закавказья, Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа оказались перед выбором: присоединиться к сопредельной Российской империи, получив при этом надежную защиту, либо оказаться под властью агрессивных мусульманских государств.

Народы Северного Кавказа были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами: на протяжении столетий они поддерживали с Россией торговые, культурные и политические отношения. В условиях постоянных нападений извне, политической раздробленности, феодальных и племенных междоусобиц народы и властелины Северного Кавказа вынуждены были искать защиты и покровительства, что содействовало развитию их внешних связей.

Исследователи выделяют несколько этапов вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Первый – с середины XVI и примерно до 70-х годов XVIII в. – добровольное принятие гражданства России. Второй – с середины 70-х годов XVIII в. – ослабление Османской империи и Шахского Ирана, победы России над Турцией в русско-турецкой войне (1768–1774 гг.), выход русской

армии к Азовскому морю, к России отходит по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Азов, крепость Кинбурн и Керчь с крепостью Еникале в Крыму, Россия получила выход в Черное море через Керченский пролив.

Второй период знаменуется ускорением процесса освоения Предкавказья России, заселения его казаками и крестьянами, значительной чертой этого времени было то, что Россия оставалась еще отделенной от Северного Кавказа незаселенными и неосвоенными обширными степями Предкавказья.

Третий этап – 20-60-е годы XIX в. В политике России наметился решительный поворот в распространении на Северном Кавказе ее военно-административной власти методами военно-феодальной политики, что вызывало сильное сопротивление части местных феодалов, части общинных верхов, мусульманского духовенства, крестьянства (особенно в Чечне, Дагестане и Закубанье).

России предстояло не только подчинить горские народы, преодолеть религиозную рознь, феодальную междуусобицу, но и сделать южные окраины своего государства заселенной освоенной территорией, с разветвленной сетью торговых путей к Азовскому, Черному, Каспийскому морям для организации внешней торговли.

Геополитолог И.А. Василенко отмечает, что русское государство расширялось со времен первых московских князей, осваивая незаселенные пространства и не уподобляя себе включенные в его государственные границы инородческие поселения. Куда бы не приходил волею судеб русский человек, он не образовывал новых центров русской жизни, а только расширял единый круг русской власти, предоставляя возможность развития инородческого населения¹.

Приведем пример обращения осенью 1861 г. императора Александра II к депутатии адыгов: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтоб не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе, Россия большое государство, перед которым стоят великие исторические задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля с другими народами должна идти через

моря. Мы не можем обойтись без Черного моря. Предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна моя выплатит вознаграждение тем аулам, которым придется переместиться с территории, отведенной под эти дороги. Вы должны признать подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: вы будете жить и управлять по своим законам, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей. Вы много десятков лет воюете храбро, но ваши лучшие люди гибнут, и вам не отстоять самостоятельности потому что моя армия велика и сильна. Нет никакого разумного основания губить и дальше людей. Если вы прекратите войну, ваш народ сохранится и ему будет легче жить. Русское государство будет охранять от врагов и близости ваши интересы, залечатся раны, утихнет вражда и через полвека вы будете жить государственной жизнью и управляться по справедливым законам. Ваши дети и внуки воспримут грамоту и культурные науки в ведении своего хозяйства, и им жить будет легче, чем вам. В этот решительный час я вас прошу понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохраниться в наибольшей целости и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благодеяние. Если мои условия вами будут отвергнуты, я буду вынужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы, несмотря ни на какие жертвы... Будьте же благородны, примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским указом»².

Служба на стороне России поощрялась царским правительством, служила основой добрососедства. Земли присоединенных территорий были пожалованы за доблестную службу России горским князьям и офицерам, отличившимся в военных действиях против Османской империи: ногайские князья были наделены большими участками земли, так, по 5 000 десятин – полковнику князю Адиль-Гирею Капланов-Нечеву, генерал-майору Султан Казы-Гирею и владельцу Тохтамышенского аула полковнику Туганову; участок в 4 000 десятин был дарован владельцу Балтийского аула, ногайскому майору Ахлову. По 2 000 десятин

получили майоры Асланбек Ораков и Едик Абулов, 1 500 десятин – капитан Султан Мурад Мамаев. А Адиль-Гирею было пожаловано более 13 000 десятин и т.д.

Растет самосознание, самоидентификация народов, о чем свидетельствуют работы авторов – кабардинских князей, проходивших службу в Кавказском горском эскадроне в Санкт-Петербурге: Ш.Б. Ногма «История адыгейского народа...» (Тифлис, 1861; Нальчик, 2002), С. Хана-Гирея «Записки о Черкесии» «Современник» (СПб, 1841; Нальчик, 1992), С. Казы-Гирея «Долина Ажитугай» (перечисляет народы, жившие на Кавказе), А.М. Мисостов «История несчастных Черкесов» (1830; Нальчик, 2004).

Середина 50-х годов XIX в. стала кульминационной в длительном процессе продвижения России на Кавказ и окончательном закреплении ее в регионе. К кардинальному решению кавказского вопроса российское правительство толкала Крымская война. Ситуация осложнялась и притязаниями на Западный Кавказ и прикаспийские территории со стороны Англии.

В продвижении на Кавказ основной позицией было «достойное содержание для поддержания в глазах горцев уважения к представителю русской власти», приобретать скорее сочувствие населения и, пренебрегая родовыми интересами, стараясь восстановить мусульманское духовенство, попытку сохранить за шариатским судом вопросов духовного характера, и адата в словесных судах.

Значительный фактический материал и ценные наблюдения, касающиеся общественно-экономических отношений народов Северного Кавказа, содержатся в работах Ф.А. Щербины, А.Г. Ардасенова, Хана-Гирея, М. Пенсонеля³. Авторы делятся наблюдениями о развитии товарно-денежных отношений в разных регионах, приводят сведения о товарах, формах обмена и торговли, об импорте и экспорте.

В 1883 г. Ф.А. Щербина раскрывает основные проблемы колонизации Кубанской области, показывая значение этого процесса для горских народов, автор объективно показывает административно-правовое влияние России, казачества на освоение, преобразование, развитие Северного Кавказа. Ф.А. Щербина значительное внимание уделял изучению кубанского казачества в процессе освоения Северного Кавказа. Уже в 1898 г. выходит в свет его

совместная с Е.Д. Фелициным работа «Кошевые, войсковые и на казные атаманы Черноморского линейного и Кубанского казачества». В 1910–1913 гг. вышло два тома «Истории Кубанского казачества». Эти работы являются важнейшим источником для осмысления административной политики России и истории освоения Северного Кавказа.

Содержательный статистический материал об экономике Кубанской области в конце XIX – начале XX в., собранный В.В. Шамраем, приводится в «Кубанском сборнике» за 1901 год, в «Кубанском сборнике» за 1903 год Б.М. Городецкий приводит статистический материал о развитии крестьянского землевладения на Северном Кавказе⁴.

Работа Б.М. Городецкого «Осетины нагорной полосы Терской области», изданная в Екатеринодаре в 1908 г., основана на статистических данных о распределении земли, количестве скота, размерах арендных платежей Абрамовской комиссии. Наиболее полно землепользование и земельная аренда показаны в работе «Край беспросветной нужды» Г.М. Цаголова (Владикавказ, 1912). Он использовал материалы Терского статистического комитета, правительственные комиссии, материалы Абрамовской комиссии.

Работы Е.Д. Максимова, Н.С. Иваненко, Г.М. Цаголова, М.К. Гарданова по характеру содержащегося в них материала можно считать первоисточниками⁵.

Развитие товарно-денежных отношений, экономическое освоение территорий, а главное, учет национальных традиций, уважение к самобытной культуре многочисленных народов Северного Кавказа стали тем «золотым ключом», которым Россия смогла открыть сердца горских народов.

Сегодня, когда опять вопросы geopolитики на Северном Кавказе находятся в центре внимания мирового сообщества, необходимо помнить, как хрупок мир и какой сложный путь пришлось пройти каждому кавказскому народу от самоидентификации к интеграции, чтобы его не разрушить оружием национализма.

¹ Василенко И.А. Геополитика. М., 2003. С. 64.

² Цит. по: Сефербий Сиоков – адыгейский просветитель. Майкоп, 1991. С. 88.

Агуреев С.А.

- ³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896; Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области // Киевская старина. 1883. Т. VII, № 12; Его же. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Екатеринодар, 1910–1913. Т. 1–2; Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974; Нейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абазинском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар, 1991.
- ⁴ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18, Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Там же. Екатеринодар, 1901. Т. 7.
- ⁵ Максимов Е.Д. Терское казачье войско: ист.-стат. очерк. Владикавказ, 1890; Его же. Кабардинцы // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2; Иваненко Н.С. Горские чеченцы // Там же. Владикавказ, 1910. Вып. 7; Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896; Цаголов Г.М. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912; Гарданов М.К. Социально-экономические очерки: (современная Северная Осетия). Владикавказ, 1908.

ОБРАЗ ЭФИОПИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Интерес наиболее образованной части российской общественности к Эфиопии, ее народу, истории, традициям и культуре был связан с общей тенденцией, получившей распространение в отечественном востоковедении с середины XIX столетия, когда Ближневосточный регион и страны Северо-Восточной Африки заняли одно из центральных мест в системе международных отношений, в свою очередь, вызвав настоятельную потребность в их изучении.

Повышенное внимание к региону подогревалось и актуальными политическими проблемами – нерешенностью крайне важного для России «восточного вопроса» и усилением значения юго-восточного направления во внешней политике страны, а также поиском рынков сбыта и наиболее удобных транзитных путей через Суэцкий канал к Индийскому и Тихому океанам.

С начала 1880-х – в середине 1890-х годов в Абиссинии побывали многие российские путешественники: В.Ф. Машков, А.В. Елисеев, Н.С. Леонтьев, А.К. Булатович, Л.К. Артамонов, регулярно публиковавшие на страницах отечественных газет и журналов результаты проведенных ими новейших исследований на территории Африки, знакомили читателей с жизнью и бытом населяющих эфиопское нагорье африканских народов.

Особое значение в формировании общественных и научных представлений об Эфиопии, ее народе, истории и культуре наряду с периодическими изданиями имели и издававшиеся в России отчеты и дневники Императорского Российского Географического Общества (далее – ИРГО), имеющие непреходящую ценность первоисточника.

Конец XIX – начало XX в. были отмечены появлением специальных исследований, освещавших жизнь эфиопского народа, особенностей его менталитета, религии, культуры. Среди них следу-

ет отметить исследования Е.Е. Долганева¹, монографию В. Бучинского и С. Бахланова «Наши черные единоверцы»², диссертацию профессора Н.Г. Бровцана³, посвященную изучению антропологических особенностей эфиопского народа, научные труды известного востоковеда Б.А. Тураева⁴, религиоведческие сочинения В.В. Болотова⁵.

Посвященные исследованию эфиопских средневековых рукописей труды В.В. Болотова и Б.А. Тураева способствовали научному открытию страны и всплеску интереса к ней со стороны образованной части российской общественности. Существенно изменилась и сама специфика и характер публикуемых ИРГО научных исследований. Если в период 1850–1870 гг. в основном публиковались материалы известных европейских исследователей Абиссинии – Антуана д'Аббади (1850), Роже Эрикура⁶ (1851), Р. Лепсиуса⁷. (1852), Гейглинга об Аксумском царстве⁸ (1862), Лежена – «планы абиссинских городов»⁹ (1863), экспедиции Бреннера¹⁰ (1867); а в 1870-х годах в «Известиях ИРГО» вышло несколько статей о торговом значении Абиссинии в связи с Суэцким каналом и итальянских экспедициях 1869–1870-х годов¹¹, то вскоре положение кардинально изменилось.

Изучение Красноморского региона с середины 1880-х годов стало систематическим и носило комплексный характер, о чем свидетельствует не только увеличение числа публикуемых материалов и статей в периодических изданиях общества, но и тематика исследований, богатство фактического материала об Абиссинии. В этих изданиях общества особое место занимали выдержки из мемуаров многих российских путешественников, являвшихся действительными членами ИРГО: В.Ф. Машкова, К.С. Звягина, А.К. Булатовича, Л.К. Артамонова, П.Н. Краснова. Наибольшее число статей, посвященных Эфиопии и Африке в целом, пришлось на период с конца 1880-х по конец 1890-х годов в «Известиях РГО», годовых отчетах.

С начала 1890-х годов появились материалы о климатических особенностях Эфиопии и Эритреи в «Метеорологическом вестнике», приводились данные о динамике климатических изменений¹². Более редкими являлись заметки по разделу «Мелкие известия», кратко знакомящие читателей с происходящими в Абиссинии политическими событиями, анализировались и успехи основных колониальных держав в этом регионе.

Сами же имеющиеся записки и дневники ИРГО об Абиссинии условно делились на несколько основных направлений:

- описание быта, условий жизни эфиопских племен, сбор этнографических коллекций;
- проведение аэросъемки, определение высот и составление карт, барометрических исследований;
- изучение природы и фауны, описание существующих животных видов и условий их обитания;
- изучение структуры существующих языков, запись отдельных слов и терминов, анализ древних эфиопских рукописей;
- публикация научных материалов, рецензий, записок иностранных исследователей;
- сведения о государственном строем Абиссинии, внешней политике европейских стран в ее отношении.

Заметное внимание уделялось критике приводимых материалов, содержащих подробные научные комментарии, публикации рецензий, извлечений из трудов российских путешественников. Каждый материал тщательно проверялся и отбирался, оценивался с точки зрения полученных научных результатов.

Эфиопия находилась в центре пристального внимания российских исследователей. В 1891 г. в Эфиопии в составе экспедиции побывал В.Ф. Машков, которого ИРГО снабдило необходимыми инструкциями по изучению природы и населения эфиопского нагорья. Результатом этого путешествия стала публикация последним целого ряда материалов по истории и культурным традициям этой страны¹³.

Особую роль в научном изучении Эфиопии и Восточного Судана сыграла и экспедиция доктора А.В. Елисеева и поручика русской армии Н.С. Леонтьева, проводившаяся под эгидой ИРГО в 1894 г., в результате которой оказались изучены многие этнографические материалы, проводились метеорологические и климатические наблюдения, съемки ландшафта, были собраны антропологические свидетельства о жизни местных племен. Экспедиция привела не только к научным, но и к политическим последствиям, так как в ходе ее проведения в Россию была направлена

первая дипломатическая миссия от императора Эфиопии Менелика II.

Важным этапом в изучении Абиссинии явилась и экспедиция Российского Общества Красного Креста, в составе которой находились многие действительные члены ИРГО – П.В. Щусев, К.С. Звягин, А.К. Булатович, собравшие подробные сведения о населении, религии, хозяйственном и культурном развитии населяющих Эфиопию племен. Эти крайне ценные сведения неоднократно сообщались на заседаниях ИРГО, публиковались в многочисленных отчетах и периодических изданиях. Особую известность получили отчеты о путешествиях в Абиссинию А.К. Булатовича «От Энтото до реки Баро»¹⁴ и доклад Географическому Обществу – «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа»¹⁵, представляющий собой детальное исследование малоизвестных областей Эфиопии (1899).

Огромный фактический материал по этнографии, географии, флоре и фауне Эфиопии был собран русским путешественником, полковником генерального штаба Л.К. Артамоновым¹⁶, посетившим по приказу абиссинского негуса Менелика II территории по реке Белый Нил, в результате вошедшие в состав эфиопской империи. Эти заслуги были высоко оценены научной общественностью – за проведенные географические изыскания Л.К. Артамонов был награжден золотой медалью им. Ф.П. Литке¹⁷.

Однако не только сугубо научные издания уделяли с конца XIX в. повышенное внимание Абиссинии.

Многие влиятельные отечественные периодические издания: «Московские Ведомости» и «Санкт-Петербургские Ведомости», «Азиатский Вестник», «Нива», посвящали свои статьи и заметки об истории и культуре восточных обществ и африканского континента. Развитие этого интереса диктовалось и политическими причинами, так как с открытием Суэцкого канала и началом открытой экспансии Великобритании и Италии в районе Красного моря и последующим становлением независимого эфиопского государства внимание к Абиссинии со стороны российской общественности еще более усилилось.

«Вопрос о преобладании в Центральной Африке, – писала газета «Санкт-Петербургские Ведомости» в феврале 1897 г., – нельзя рассматривать как нечто второстепенное, чисто местное, преходящее.

Это вопрос исторический, преисполненный последствий для Европы и могущий даже повести к новой группировке держав»¹⁸.

Далее, обозреватель влиятельного издания указывал, что в вопросах африканской политики является еще один фактор, «роль которого определится только впоследствии».

«Фактор этот Абиссиния. Ею пренебрегали, о ней почти забывали, причисляя ее к сонму других полудиких государств Африки, пока она недавно не привлекла всеобщее внимание геройским отпором, данным ею итальянцам, посягнувшим на ее территорию и ее независимость. Характер и исход борьбы показали, что она представляет силу, с которой нужно считаться... в борьбе за Центральную Африку, Абиссиния может сыграть немаловажную роль», – отмечал журналист¹⁹.

В период наиболее динамичных русско-эфиопских отношений, последовавший за разгромом итальянских войск при Аду в 1895 г., российская пресса посвятила буквально шквал статей абиссинским событиям. Почти в каждом номере влиятельных и популярных газет и журналов печатались статьи и рецензии, знакомившие русских читателей с последними политическими событиями и экономическим развитием региона, результатами новейших этнографических исследований страны, выходили рассказы побывавших в Абиссинии с конца 1880-х годов известных российских путешественников, формировавшие отношение различных слоев русского общества к этой стране.

Весьма полно освещали жизнь, историю, религиозные и культурные традиции абиссинского общества такие влиятельные издания, как «Московские Ведомости» и «Санкт-Петербургские Ведомости», журнал «Нива», «Правительственный Вестник» и либеральный «Вестник Европы».

Показательным является и тот факт, что за 1896–1897 гг. «Правительственный Вестник» посвятил в общей сложности 135 статей и заметок абиссинским событиям. Не отставали от официального органа правительской печати и другие отечественные газеты и журналы. Подобная динамика сохранялась в течение нескольких лет, свидетельствуя о невиданном прежде интересе русского общества к африканским событиям.

Весьма ценным источником, свидетельствующим о развитии образных представлений российской общественности об Абиссинии,

наряду с периодической печатью могут являться и издаваемые для широких народных слоев брошюры библиотеки для чтения.

«Абиссинцы храбры и мужественны, — писал пожелавший остаться неизвестным автор брошюры “Абиссинцы в борьбе за свободу”. — В этом имели прекрасный случай убедиться не только итальянцы, но и англичане которым абиссинская экспедиция 1867–1868 гг. не принесла никаких материальных выгод». В отношениях же между собой абиссинцы представляют собой «народ миролюбивый, честный и прямодушный»²⁰. Другой характерной особенностью, выгодно отличающей абиссинцев от европейских народов, по мнению автора брошюры, являлась их крайняя «патриархальность»²¹.

Подобных оценок в описаниях африканской действительности придерживалась и влиятельная газета «Московские Ведомости», отмечавшая их особое «религиозное родство» с русскими²². «Абиссинцы очень благочестивы и соблюдают много постов и, так же как и православные постятся по средам и пятницам»²³, — свидетельствовал автор статьи.

Отражение восточно-африканской действительности, имевшее своей целью создание положительного образа Абиссинии в российской периодической печати, отвечало и определенному социальному заказу со стороны антиколониально настроенных российских правящих кругов.

Особенно важную роль в формировании представлений различных слоев российской общественности об абиссинцах играли основанные на личном опыте мемуары и дневники российских исследователей Абиссинии, оставивших подробные воспоминания о национальном характере, обычаях, вере и государственном устройстве населявших Эфиопию народов, и дающие представление о появлении различных стереотипов при восприятии восточно-африканской действительности.

Известный российский исследователь Абиссинии В. Бучинский, желая показать пути формирования подобных представлений о национальной специфике и характере населяющих Абиссинию народов, отмечал: «О характере и нравственных особенностях абиссинцев сложилось почти столько же мнений, сколько путешественников имело случай наблюдать долгое или короткое время жизнь этого... народа и делилось... своими впечатлениями»²⁴.

Поэтому «...в то время как для одних, — обращал внимание своих читателей исследователь, — абиссинцы представлялись образцом благородства, честности, ума, живости... заключают в себе целый сонм добродетелей, для других этот же абиссинец — лицемер, плут... варвар»²⁵.

Указывая на очевидную противоречивость таких оценок, В. Бучинский отмечал, что большинство исследователей Абиссинии «имели для наблюдения всегда незначительное по отношению к общей массе народа кучку туземцев, принадлежавших к одному какому-нибудь племени по которому давался благоприятный или отрицательный отзыв о всем абиссинском народе»²⁶.

Какой же образ Абиссинии и абиссинцев сложился у посетивших страну российских исследователей и современников? Для того чтобы ответить на этот непростой вопрос, необходимо учесть несколько наиболее важных обстоятельств.

Во-первых, анализируя материалы личного происхождения как западноевропейских, так и российских авторов, посещавших Абиссинию в составе различных миссий, необходимо помнить, что большинство из них, так или иначе, являлись носителями невольно унаследованных ими образных представлений или стереотипов об африканской действительности и не всегда совпадавших с ней. Характер описания реальности во многом зависел как от длительности пребывания в стране и выполняемых поручений, так и от личности автора и степени его образованности.

Во-вторых, многие европейские и российские путешественники, побывавшие на африканском континенте вообще и в Абиссинии в частности, изначально имели сложившиеся представления о материке и нередко, оказываясь перед лицом африканской действительности, пытались переделать ее согласно своим традиционным схемам, найдя им подтверждение.

Большинство европейских авторов XIX столетия характеризовали Африку как «варварскую страну», населенную «дикарями», влажащими жалкую жизнь; сам континент представлялся непрходимыми джунглями, страной тайн и опасностей, переполненной людоедами. Прямым следствием идеи «превосходства белых» явилась оценка африканской культуры как «примитивной», «грубой», «варварской», а также глубокое презрение к ценностям

культуры «черного человека», которое проявляли многие европейцы, посещавшие Африку.

Совершенно иной представлялась Эфиопия российским современникам.

Оровергая представления о «дикости» африканских народов известный российский публицист Ф.Ф. Пузыкович отмечал: «Абиссиния – одно из самых древних государств. Оно существовало под именем Эфиопии еще за полторы тысячи лет до Р. Х. ... когда Европа населена была полудикими народами»²⁷.

«В данное время Абиссиния, – писал в своих воспоминаниях другой российский современник и путешественник по Африке А.К. Булатович, – со своим христианством и сложившимся государственным строем представляет из себя... остров среди находящихся почти в детском состоянии народов»²⁸.

О наличии богатой складывавшейся на протяжении столетий эфиопской культуры и особом месте абиссинского народа среди других древних цивилизаций свидетельствовал и посетивший Абиссинию в составе российской дипломатической миссии полковник Генерального Штаба Л.К. Артамонов: «Эфиопия с отдаленных времен находилась в тесных сношениях с Египтом, Асирией, Палестиной, Римом, Византией, откуда... много позанимствовали... в обычаях, законах, управлении страной...»²⁹.

Побывавший в Эфиопии русский офицер К.С. Звягин отмечал, что «рядом с действительно полудикими племенами в северо-восточном углу Африки существует государство, имеющее самобытную и древнюю цивилизацию»³⁰.

Под влиянием периодической печати и воспоминаний российских путешественников в общественном сознании россиян постепенно формировался образ загадочной, мифической африканской страны, ставшей хранительницей православных традиций. Возникновению подобного образа способствовало и то обстоятельство, что многие посетившие страну российские современники при описании Абиссинии невольно обращали внимание читателей на красоту абиссинских пейзажей, передко называя ее «Африканской Швейцарией».

«Эти горные склоны, покрытые девственным лесом, красивее, богаче европейских лесов. Пейзаж достигает удивительной красоты...»³¹ – писал находившийся под впечатлением увиденного русский офицер П.Н. Краснов.

В то же время, разительно отличаясь по своему ландшафту и климатическим условиям от Европы, Абиссиния, по словам другого исследователя Африки В. Бучинского, таила в себе «множество опасностей»³².

Невиданная красота экзотических пейзажей и пасторальных картин мирной жизни сочеталась с риском и жаждой неизведанного, что создавало непередаваемый колорит восприятия Абиссинии.

Отзываясь с неизменным уважением об этой христианской стране, в другом месте своих воспоминаний, русский офицер П.Н. Краснов отмечал: «Абиссиния – это сказка... А герой сказки, это добрый гуманный царь Менелик, воевода-герой, подобный Ивану Царевичу рас Маконен, волшебник *m-sier* Ильг...»³³

Большинству российских современников Эфиопия представлялась неизведенной сказочной страной древнего христианства, опасной и одновременно величественной, все еще полной множества тайн и загадок.

Подобные оценки были крайне характерны и для создания образных представлений о самом абиссинском народе.

«...Вот как можно охарактеризовать абиссинца. Он талантлив и восприимчив как француз, по своей практичности... он англичанин, по гордости – испанец, по любви к своей вере, мягкости и терпимости – русский... он очень храбр, хитер и подозрителен»³⁴, – вспоминал А.К. Булатович.

По отзывам другого российского современника Ф.Ф. Пузыкова, к многочисленным добродетелям, отличающим абиссинцев, также следовало отнести «их услужливый и приветливый нрав, живость, большую веселость и природное красноречие», чувство «собственного достоинства и честность»³⁵. Но наиболее важной чертой образа абиссинца, в сознании российских современников, являлась его подчеркнутая набожность и верность религиозным традициям.

Таким образом, обобщенный образ Эфиопии представлял в общественном сознании большинства россиян в качестве единоверного России государства-хранителя православных традиций, сумевшего сохранить свою независимость в борьбе с колонизаторами.

Однако этот образ не вполне соответствовал реальности, отличаясь излишней идеализацией и романтизацией действительности.

Многие российские исследователи и выполнявшие своего рода социальный заказ периодические издания, формировавшие общественный стереотип о «патриархальном благочестии» абиссинцев, сознательно замалчивали неприглядные стороны абиссинской внешней политики, ведущей к закабалению местных племен, ярко выраженных экспансионистских тенденциях молодого эфиопского государства.

Лишь немногие российские исследователи писали о «мрачных сторонах абиссинских нравов», подчеркивали, что «едва ли можно говорить о высоте духовного просвещения Абиссинии, где редкая рукопись псалтири обходится без приписок вздорных магических молитв»³⁶. Но подобные оценки были крайне нетипичны для большинства современников, писавших об Эфиопии, что вело к укреплению существовавших стереотипов.

Возникновению положительных мифов и легенд об Эфиопии способствовала и антиколониальная внешняя политика Российской империи, направленная на поддержку национальной независимости молодого абиссинского государства, а также военная и медицинская помощь Эфиопии российским правительством и широкими общественными кругами в период итalo-эфиопской войны 1895–1896 гг.

И все же, эти образные представления, склонные к идеализации воспринимаемой действительности и сознательной лакировке событий, сыграли крайне важную роль в развитии двусторонних отношений, во многом предопределив их благожелательный фон.

Отражением общественного интереса стало и научное открытие страны, появление большого числа специальных исследований, посвященных географии, орографии, топонимике, этнографии, обычаям и культуре местных племен, характере их традиций и верований, структуре феодального эфиопского общества.

Сложение подобных стереотипов, в целом крайне благожелательных по отношению к этой восточно-африканской стране, повлияло и на характер дальнейших политических и культурных связей между СССР и Эфиопией, способствуя их дальнейшему социокультурному диалогу.

¹ Долганев Е.Е. Современная Абиссиния. Важнейшие монастыри. Сергиев Посад, 1897; Его же. Страна эфиопов. СПб., 1896.

² Бучинский Вл., Бахланов С. Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена. СПб., [1900].

- ³ Бровцын Н.Г. Материалы для антропологии Эфиопии. Абиссинцы провинции Шоа. СПб., 1909.
- ⁴ Тураев Б.А. Свитки оправдания // Записки ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1909. Т. XXXIV. С. 359–378.
- ⁵ Болотов В.В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии // Христианское чтение. 1888. № 1–2, 7–8.
- ⁶ См.: Вестник ИРГО. 1851. Ч. 2.
- ⁷ Там же. 1852. Ч. 5.
- ⁸ См.: Записки ИРГО. 1862. Кн. 3.
- ⁹ Там же. 1863. Кн. 4.
- ¹⁰ См.: Известия РГО. 1867. Т. 3.
- ¹¹ Известия РГО за 1873 г. Т. 9; за 1874 г. Т. 10.
- ¹² Метеорологический вестник. СПб., 1896. № 5, 9.
- ¹³ Федоров В. (Машков В.Ф.) Абиссиния: историко-географический очерк. СПб., 1889. См. также: «Новое время» за 1893 год.
- ¹⁴ Антоний (Булатович А.К.). От Энтото до реки Баро: отчет о путешествии в юго-западные области эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб., 1897.
- ¹⁵ Булатович А.К. Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа // Известия РГО. СПб., 1899. Т. 35, вып. 3. С. 259–283.
- ¹⁶ Артамонов Л.К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979.
- ¹⁷ См.: Отчет ИРГО за 1899 г. СПб., 1900; Отзыв Большева А.А. об экспедиции Л.К. Артамонова за 1901 г. СПб., 1902.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 1998. Л. 27.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Абиссинцы в борьбе за свободу. СПб., 1896. С. 8.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² Факт не соответствует действительности, т.к. с момента принятия христианства на Никейском соборе 325 г. эфиопская церковь придерживалась монофизитства – учения о единой сущности Христа.
- ²³ Московские Ведомости. 1897. № 58. С. 3.
- ²⁴ Бучинский Вл., Бахланов С. Указ. соч. С. 89.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Пузыкович Ф.Ф. Абиссинцы: чтение для народа. СПб., 1896. С. 3.
- ²⁸ Антоний (Булатович А.К.). От Энтото до реки Баро. С. 84.
- ²⁹ Артамонов Л.К. Указ. соч. С. 34.
- ³⁰ Звягин К.С. Очерк современной Абиссинии: по личным впечатлениям. СПб., 1895. С. 3.
- ³¹ Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии: дневник начальника конвоя Рос. имп. миссии в Абиссинии в 1897/98 году. СПб., 1900. С. 269.
- ³² Бучинский Вл., Бахланов С. Указ. соч. С. 20.
- ³³ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 467.
- ³⁴ Антоний (Булатович А.К.). От Энтото до реки Баро. С. 84.
- ³⁵ Пузыкович Ф.Ф. Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ Тураев Б. Страна эфиопов Е.Е. Долганева // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1897. № 5–6. С. 207.

АРГЕНТИНА И АРГЕНТИНЦЫ
В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Полнота и объективность восприятия образа другого народа зависит от многих факторов, в том числе от характера исторических связей, культурного уровня и степени информированности того, кто предоставлял описание сведений. Россия открывала Южную Америку начиная с XVI в. через Испанию, с которой велась торговля, а также через Данию, Австрийский двор и Польшу. Сведения об открытии Америки были включены в русские хронографы, в различных списках которых осуждалась жестокая религиозная политика испанцев в новых владениях, содержалось описание флоры, фауны, месторождений драгоценных металлов, вывозимых европейцами, внешнего вида народов нового континента, при этом преувеличивалась дикость людей Бразилии, Перу, Флориды.

В XIX в. латиноамериканская тематика получает отражение в творчестве писателей – членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Очерк «Негр» (перевод с испанского В. Петраева), стихотворение Н. Гнедича «Перуанец – испанцу», опубликованное в журнале «Северный вестник» в 1805 г. Перу Г. Державина принадлежала неоконченная трагедия «Атабалибо, или разрушение Перуанской империи», посвященная завоеванию Перу испанскими конкистадорами (которая, однако, не была опубликована при жизни и сохранилась в архиве). Первым переводчиком бразильской литературы был А.С. Пушкин. В 1826–1827 гг. он перевел стихотворение бразильского поэта Гонзага, опубликованное в его собрании сочинений под заглавием «С португальского». Роль посредника в это время выполняла французская литература: с французского и делались переводы произведений писателей и поэтов Латинской Америки.

Особый интерес к американскому континенту в рассматриваемый период был вызван войной за независимость Южной

Америки против Испании в 1810–1825 гг. Расширению сведений о странах Нового Света способствовали также кругосветные путешествия первой трети XIX в. и появившаяся в результате их литература путешествий («Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях "Надежда" и "Нева"» И.Ф. Круzenштерна; «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе "Камчатка" в 1817–1819 годах» В.М. Головнина; «Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 годах» О. Коцебу; «Письма из кругосветного плавания. Бразилия. Приаплатские республики. Патагония» Н. Никифорова и др.). В ходе последующих научных экспедиций на южноамериканский континент Россия продолжала обогащать свои знания о странах американского континента, о жизни, нравах, быте, культуре проживавших здесь народов, что также нашло свое отражение в путевых заметках, дневниках, письмах русских путешественников, участников научных экспедиций, дипломатов, духовных лиц¹, к которым в конце XIX – начале XX в. прибывали эмигранты из России, расселявшиеся, в первую очередь, в таких странах, как Бразилия и Аргентина.

Главными источниками для изучения представления российских эмигрантов об Аргентине и аргентинцах в конце XIX – первой трети XX в. послужили архивные документы, материалы личного происхождения, публицистика. При этом авторами записок, путевых очерков, воспоминаний выступают как представители дореволюционной, так и первой (после 1917 г.) волн эмиграции, выходцы из различных социальных слоев российского общества: дворянство, духовенство, офицерство, крестьянство. Названные источники появились в разные годы как за рубежом, так и в нашей стране. Но несмотря на общность судьбы их авторов, они отличались по идеологической и политической направленности, особенно это касается мемуаров реэмигрантов, которые создавались уже в СССР и потому несут на себе, как верно отмечала В.М. Селунская, печать политической тенденциозности и некоторого социального заказа².

В рассматриваемый период именно Аргентина благодаря своему иммигантскому компоненту (который составлял к началу XX в. 29,9%) заметно выделялась среди других латиноамериканских стран. С учетом того, что в этническом плане здесь был значительный компонент индейцев, негров, мулатов, то прибытие

сюда европейских иммигрантов оказало непосредственное воздействие на изменение не только антропологического типа населения, но и способствовало распространению и заимствованию в стране европейских культурно-бытовых традиций, на что могли не обратить внимание прибывавшие сюда переселенцы из России. В Аргентине на этот процесс повлияли испанцы, итальянцы, немцы, англичане, французы, а с конца XIX в. и выходцы из Российской империи. Через включение иммигрантов в социальную структуру и образование смешанных семей аргентинская культура обогащалась элементами других культур³. Со своей стороны, созданный большой комплекс «субкультуры иммигрантов» облегчал процесс адаптации европейцев к новым условиям и служил ступенью к их интеграции и ассимиляции, хотя следует признать, что это было свойственно преимущественно для более-менее развитого приатлантического района Аргентины, густо насыщенного иммигрантами. Особенности же сельской жизни в странах Латинской Америки (расселение и характер труда) затрудняли культурный обмен между разными группами населения, вследствие чего именно города, а не сельская местность «стали очагами зарождения и распространения новых черт культуры, явившихся результатом этнического взаимодействия иммигрантов с креольским населением⁴.

Знакомство переселенцев из России с Аргентиной по приезде на латиноамериканский континент начиналось с ее столицы – города Буэнос-Айрес и его архитектуры. Практически все сходились во мнении, что по всем признакам это был столичный город европейского типа, который после Рио-де-Жанейро являлся самым «большим, красивым и многолюдным городом Южной Америки»⁵. Тип города определялся также как «испано-американский». Испанский характер выражался прежде всего в архитектуре: «узкие улицы, дома низенькие, в один этаж, с плоскими крышами, с внутренними двориками в испанском вкусе». Американский характер обнаруживался в уличной жизни: «все улицы освещаются газом и электричеством и одеты, точно паутиной, громадной сетью телефонных и электропроводных проволок»⁶. Действительно, старые города Аргентины с центральной площадью, прямыми и узкими улицами своей прямоугольной планировкой подражали планировке городов Испании с их низенькими зданиями, внут-

ренними двориками (patio). Архитектура этих городов копировала андалузское барокко XVIII в. с его характерными деталями – амбразурами окон, узорными решетками балконов и ворот. В начале XIX в. этот стиль приходит в упадок в Испании, что отражается на постройках Аргентины, и с середины XIX в. в Аргентине начинается подражание архитектуре других городов Европы, в особенности Парижу. Позднее в восприятии русских Буэнос-Айрес предстает все больше как «южно-американский Париж» по «наличию элегантных магазинов, громадному движению экипажей и пешеходов, большому количеству памятников и скульптуры, планировке новых парков и скверов»⁷.

Но чем дальше русские путешественники отъезжали от изящных вилл Буэнос-Айреса, тем чаще на пути им встречались городки (pueblos). Поначалу это были сравнительно большие города, спланированные на квадраты, как Буэнос-Айрес. По обеим сторонам улиц располагались двухэтажные дома с магазинами. Все были европейского типа и напоминали русские губернские дома. Такие аргентинские города всегда имели главную площадь, вокруг которой располагались правительственные и муниципальные учреждения. В более богатом городе имелся памятник какому-нибудь генералу. Но чем дальше от столицы находился такой городок, тем он был беднее. Но тем не менее, в таких городах были хорошая гостиница, рестораны, кафе, магазины и иногда даже церковь. А.М. Беркенгейм отмечал, что характер таких городков имел местный колорит: «По обеим сторонам немощеной улицы виднелись ряды каменных одноэтажных домов всегда одного и того же типа, с громадными окнами и железной решеткой... магазины здесь тоже своеобразны, в них найдешь решительно все, что может понадобиться в глухи: шоколад, сардинки, галеты, веревки, плуг, уголь, доски, рубашку, шляпы, бумагу, нитки...»⁸

Знакомясь с экономической жизнью страны, русские эмигранты были приятно удивлены, наблюдая ее бурное экономическое развитие. Ими отмечалась тенденция к преодолению отсталости страны, которая, как говорилось, «без шумихи и назойливо кричащей рекламы верно и быстро индустриализируется», а в 1930-е годы уже «претендовала на гегемонию на всем южноамериканском континенте»⁹.

Кроме того, как положительные моменты политической жизни страны-пребывания начала XX в. эмигрантами назывались: «либеральное правление; общество, воспитанное на началах свободы и равноправия»¹⁰. Особо ими выделялись такие характерные черты аргентинского общества, как «космополитизм», «разнообразие его экономических интересов», «влияние больших и сплоченных иностранных колоний»¹¹. Хотя, при этом не оставались без внимания и пороки системы: контраст жизненного уровня в богатых и бедных кварталах, неразрешенные «проблемы общественной справедливости и равенства», существующая «иерархия человеческих положений, переход из которых, как отмечалось, был затруднен часто больше, чем в Европе».

Общие впечатления российских эмигрантов об Аргентине были проникнуты чувством симпатии к аргентинскому народу, к стилю повседневной жизни, достаточно своеобразной и, возможно, поэтому притягательной для русского человека. Положительно в целом писалось о характере, обычаях и привычках местных жителей, о том, что аргентинец «любит развлечения, спокойную привольную жизнь и, главное личную свободу и независимость, которую ценит превыше всего». Особое уважение вызывало то, что и в начале XX в. в стране сохранялся «великолепный тип испанского ильяра – человека с сознанием собственного достоинства, независимого от состояния кармана, великодушного, щедрого и, вместе с тем, всегда готового в случае оскорбления пустить в ход нож»¹².

Конечно, оказавшись в стране, многие русские, прежде всего мужчины, обращали внимание на тип латиноамериканской красавицы. «Женщины в Буэнос-Айресе или "портенас", – писал А.Я. Максимов, – были очаровательны: они были нежны, грациозны, привлекательны, но, к несчастью, худо воспитаны и не отличались образованием... Они производили своей дивной красотой необыкновенно приятное впечатление; если бы с их красотой соединялось образование и хорошее воспитание европейских барышень, то они были бы верх совершенства, но этого, к несчастью, не было... Они не любили заниматься науками и вообще каким-нибудь серьезным делом, потому что к этому не были приучены и целый день проводили в бездействии...»¹³

Причем женщины высшего света, как отмечалось, вели себя «чрезвычайно непринужденно, откровенно, просто, смело и даже

отчасти нескромно: они бросали на молодежь такие убийственно наглые взгляды, обещающие много тайного блаженства», что невольно создавалось впечатление, что «видишь перед собой легко-мысленных дам, а между тем известно, что они неприступны». Но стоит отметить, что такие девицы желали иметь мужа, а не любовника. Как утверждал А.Я. Максимов, а потом и другие очевидцы, если предложить ей свою руку и сердце, то не получишь отказа, потому что женихи в Аргентине были очень дороги и редки. Связано это было с постоянными гражданскими войнами, революциями, политическими убийствами, которые вели к тому, что женщин в Аргентине (такая же ситуация к тому времени наблюдалась и в Парагвае) было в три раза больше, чем мужчин. В Буэнос-Айресе прилагательное холостой (*soltero*) служило в качестве магического слова, перед которым открывались все двери от хижин до богатых домов. Все помыслы аргентинских женщин были направлены к супружеской жизни, в которой они видели свое счастье и радость. Именно это качество, в глазах европейских мужчин, ставило их несравненно выше европейских женщин.

Спустя где-то три десятилетия в своих заметках Р. Днепров писал из Буэнос-Айреса: «Женщины-аргентинки выходят на улицу с мужьями, детьми и в крайнем случае с прислугой. Женщину не увидишь в ресторане, кроме нескольких с надписью "фамильял" (семейный. – М.М.), ни в кафе, ни уж, конечно в многочисленных "буат де люи", подчас превосходящих парижские, ни вечером»¹⁴. Удивление и неприятие выходцев из России, оказавшихся в Аргентине в 1930-е годы, вызывали сохранявшиеся в обществе предрассудки против женского равноправия, тогда как иностранцы к тому времени «уже привыкли к женской свободе у себя на родине»¹⁵.

Наши соотечественники подмечали неиссякаемую энергию аргентинцев, веселый нрав, чувство счастья, присущее им в любой жизненной ситуации. «Совершенно необычна для европейца тамошняя толпа, – писал по этому поводу Р. Днепров. – Это смесь праздности, бодрости и деловитости, всегда перемежающейся смехом, шуткой, остротой, которая сейчас же подхватывается...»¹⁶

К числу увлечений местных жителей относились пение и музыка, бильярд, азартные игры. Кроме того, как отмечалось, арген-

тины являлись страшными любителями лошадей, и сами были прекрасными наездниками. Пристрастие к верховой езде также являлось особенностью образа жизни аргентинцев, для всевозможных переездов, прогулок, визитов и путешествий. Проходя по улицам города, можно было увидеть стоящих у тротуара лошадей, терпеливо ожидающих своих господ. Лошадь была так же необходима аргентинцам, как руки и ноги русскому трудолюбивому мужику. Держать хорошего скакуна считалось не роскошью, а необходимостью. Поэтому неудивительно, что на улицах можно было встретить человека, просящего милостыню, но при этом сидящего на прекрасной лошади. На то, что аргентинцы являлись «страшными любителями лошадей», указывает в своих воспоминания Г. Бенуа, 34 года проживший в Аргентине. «Фурор был необыкновенный», когда в страну в 1933 г. с гастролями прибыла группа казаков-джигитов во главе с кубанским генералом Павличенко (составшая из части той массы казаков-переселенцев, которые покинули Париж в поисках лучшей доли). «Павличенко стоял на поле в черной черкеске с белыми газырями и кинжалом, — пишет автор, — отделанным слоновой костью, на фоне строя сидящих на красавцах-конях казаков с большими русскими и аргентинскими флагами в руках. И когда закричал “ура!”, флаги поднялись выше и стали развеваться под дружный рев казаков и ликующей публики»¹⁷.

Наибольшее уважение вызывала у эмигрантов такая черта аргентинцев, как уважение к личности, демократизм отношений между сословиями, «что выражалось прежде всего, в одинаковой ко всем форме обращения: сеньор»¹⁸. Отмечаемое многими иностранцами чувство равенства, конечно, прежде всего в межчеловеческом общении, обусловливало ту чрезвычайную учтивость и вежливость, которые проявлялись у аргентинцев в личной и общественной жизни.

Но вместе с тем в восприятии эмигрантов встречался и отрицательный образ аргентинца. «Возьмите индейца со всей его некультурностью, глупостью, беспечностью, задором и тщеславием дикаря, с коварством и хищническими инстинктами зверя, — рассуждал один переселенец из России, — ... и прибавьте к нему испанского солдата, грубого, алчного бессовестного, суеверного, не уважающего ни чужих нравов, ни собственности, ни личности.

Это фундамент. Теперь возведите на нем безобразное здание из предрассудков, верхушек знаний, неверно схваченных, чуждых представлений и плохо усвоенных понятий, склейте все это, смешанной кровью французов, англичан, итальянцев, немцев, даже евреев со всеми их пороками, недостатками, болезнями, но без тех сокровищ цивилизации и высокой культуры, которых столетиями накопляла и хранила Европа, и вы получите аргентинца»¹⁹.

Среди отрицательных черт аргентинцев эмигрантами выделялась склонность к лени, праздности. А в связи с тем, что столица Аргентины был эмигрантским городом, то иностранцам бросались в глаза страсть к подражательству и заимствованиям элементов европейской культуры и европейского образа жизни, которую демонстрировали прежде всего представители высшего света. В наибольшей степени это касалось женской части общества: женщины «в блестящих костюмах по здешнему обыкновению густо намазанные белилами и румянами, сновали из магазина в магазин ... щеголяя тем картавым выговором, тем *tzo-tzo*, который здесь так принят и считается таким *somme faut* в высшем и среднем обществе». Русский издатель из Буэнос-Айреса добавляет: «...Иная сеньора и по-французски не понимает, а книжку треплет, чтобы прослыть за образованную, за аристократку»²⁰.

С таким же сарказмом воспринимался русскими и образ «аргентинского денди». Обращало на себя внимание то, что «костюм здесь главное», «если у вас нет лакированных ботинок, вы — погибший человек». При встрече соотечественника Марку Басанину пришлось констатировать, что тот одет был как «аргентинский денди: красного цвета галстук с бриллиантовой булавкой украшал белоснежный пластрон, выступавший из чёрного щегольского смокинга; светлые брюки его, необъятной ширины внизу, едва оставляли открытыми блестящие носки лакированных сапог». Цилиндр на голове сиял, как солнце, а красные перчатки — цвета *sang de boeuf* и толстая трость с набалдашником из нового золота, которую он держал по здешней моде, в кулак перед самым своим носом, и вензель, украшивший ее, — это могло означать, что превратился в здешнего *petit maître* — «молодого человека хорошего общества». То есть внешность, костюм, как было замечено, имели в Аргентине большое значение, и первое время только это давало «возможность отличать так называемых порядочных людей от низших классов»²¹.

Столь же критически предстает в восприятии русского человека и образ интеллигента-аргентинца (в сравнении, например, с парагвайским интеллигентом), который отличался «большой на-пористостью, самоуверенностью» («что-то от интеллектуального нувориша»), чего не наблюдалось, например, в парагвайцах: «этот последний хочет что-то узнать, чему-то научиться, там же все знают». «А не это ли, — задавал себе вопрос автор статьи, помещенной на страницах парижской газеты “Парагвай”, — нас отличает от всех — и от англичан, и от французов, и от немцев, и от итальянцев?»²².

Таким образом, в рассматриваемый период в массовом сознании российских эмигрантов образ Аргентины как страны проживания и ее жителей только еще складывался. Восприятие Аргентины и аргентинцев российскими эмигрантами возникало из личного наблюдения, чему способствовало совместное проживание, контакты в повседневной жизни и проч. Именно благодаря межличностным отношениям формировались стереотипы с акцентом на черты характера аргентинского народа, среди которых выделялись такие качества, как гостеприимство, чувство взаимоуважения, демократизм отношений, вежливость, веселый нрав, беззаботность, умение чувствовать себя счастливым, довольствуясь малым, и т.п.

При этом в отдельных социокультурных слоях российской эмиграции одной и той же страны создавались порой различные портреты аргентинцев, что обуславливалось длительностью наблюдений, культурным уровнем, знанием языка, степенью интенсивности контактов, характером адаптации. Одной из острых проблем, связанных с иммиграцией, было изменение социокультурной среды, разрыв родственных связей, что также отражалось на характере восприятия эмигрантами окружающего («чужого») мира.

В целом, образ Аргентины, формировавшийся в те годы в восприятии российских эмигрантов, был позитивен: индустриализирующаяся страна, с достаточно развитыми элементами духовной культуры, открытая для иностранцев, «в которой, правда, жила страсть к аргентинизации». Впечатления российских эмигрантов, отложившиеся в письменных источниках, способствовали дальнейшей эволюции этого образа в массовом сознании россиян. Они

приближали его к действительности, подвергая пересмотру некоторые устоявшиеся к тому времени стереотипы, в частности, романтический образ латиноамериканцев, который значительное время присутствовал в сознании русских читателей благодаря «посреднической роли» французской литературы.

- ¹ Чихачев П.А. Поездка через буэнос-айресьские пампы. СПб., 1844; Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах А.Вышеславцева, с 27-ю рисунками. СПб., 1862; Максимов А.Я. Вокруг света. Плавание корвета «Аскольд». Из записок Максимова. От Кронштадта до Бангкока. СПб., 1876; Иогин А.С. По Южной Америке. СПб., 1892–1902. Т. [1–2]. 3, 4; Из заграничных писем Н.М.Альбова. Из Западной Европы и Южной Америки // Землеведение. 1899. Т. VI, кн. I–II; Изразцов К.Г. Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской Российской миссии в Южной Америке. Прот. К.Г. Изразцова. СПб., 1904; Лукин Б.В. Из материалов русской научной экспедиции 1914–1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1; Россия и Бразилия: 200 лет знакомства: свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. М., 2004; и др.
- ² Селунская В.М. Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20–30-х годов ХХ в. (по материалам эмигрантской мемуаристики) // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996. С. 47.
- ³ Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 306.
- ⁴ Там же. С. 307.
- ⁵ См. об этом: Марк Басанин. Записки эмигранта в Южной Америке. СПб., 1902. С. 100; Парчевский К.В. Парагвай и Аргентина: очерки Южной Америки. Париж, [1936]. С. 220, 221; Бойко П. Семнадцать лет в Аргентине // Славяне. 1954. № 4. С. 47; Шостаковский П. Путь к правде: воспоминания. Минск, 1960. С. 300.
- ⁶ Письма Н.М. Альбова (исследователь с Кавказа) // Землеведение. 1899. Т. 6, кн. I–II. С. 99–100.
- ⁷ Шостаковский П. Указ соч. С. 300.
- ⁸ Беркенгейм А.М. Жизнь в пампасах Южной Америки: из поездки в Аргентину // Землеведение. 1895. Т. II, кн. 1. С. 40.
- ⁹ Парчевский К. Указ. соч. С. 222.
- ¹⁰ Марк Басанин. Указ. соч. С. 123.
- ¹¹ Шостаковский П. Указ. соч. С. 311.
- ¹² Парчевский К. Указ. соч. С. 225.
- ¹³ Максимов А.Я. Указ. соч. С. 257.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 4. Л. 85.
- ¹⁵ Шостаковский П. Указ. соч. С. 197.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 4. Л. 85.

¹⁷ Бенуа Г. Сорок три года в разлуке // Простор. Алма-Ата, 1967. № 11. С. 91.

¹⁸ Парчевский К. Указ. соч. С. 225.

¹⁹ Марк Басанин. Указ. соч. С. 121.

²⁰ Парчевский К. Указ. соч. С. 231.

²¹ Марк Басанин. Указ. соч. С. 175, 176.

²² ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 2. Л. 77.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Россия и мир в XV–XIX вв.	
Пенской В.В. «Конструируя Россию»: формирование образа России и русских в западноевропейской литературе конца XV – первой половине XVI в.	5
Малето Е.И. Русские монахи о Египте XV столетия	16
Филатов П.В. Феноменология Смуты начала XVII в. по мемуарам современников-иностраницев	25
Шамин С.М. Церемонии в курантах времени правления царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.)	35
Мезин С.А. Дени Дидро и возникновение концепции «цивилизации» России	46
Митрофанов А.А. Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в.	57
Стекло М.С. Европейское путешествие русских дворян в конце XVIII – первой четверти XIX в.: теория и практика	68
Куприянов П.С. Немцы и славяне в письмах А.И. Тургенева 1804–1805 гг.: интерпретация конфликтов и проблема идентичности	80
Куприянов А.И. Коммуникация власти и общества на городских выборах в контексте трансфера европейского опыта и его рецепции в русском провинциальном городе в первой четверти XIX в.	90
Сиротинская М.М. Россия в восприятии «Молодой Америки», 1851–1852 гг.	98
Казакова О.Ю. Американская тема в российской беллетристике эпохи Великих реформ	105
Блохин В.Ф. Российская и европейская печать накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	116
Котюкова Т.В. Культурная жизнь Туркестанского края глазами выходцев из стран Европы во второй половине XIX – начале XX в. (архитектура, фотография, театр, музыка)	126
Шкарлупина Г.Д. Геополитика России на Северном Кавказе, анализ административных реформ и взаимоотношений народов в дореволюционной историографии	133
Агуарев С.А. Образ Эфиопии в российском общественном мнении на рубеже XIX–XX вв.	139
Мосейкина М.Н. Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX – первой трети XX в.	150

II. Россия и мир в первой половине XX в.

Дорожкин А.Г. Экономическая политика российского самодержавия на рубеже XIX–XX вв. в освещении германской историко-экономической литературы	161
Искендеров П.А. Начало XX в.: Россия и албанцы узнают друг друга	174
Жбанкова Е.В. Отечественное дореволюционное кинопроизводство против европейского кинематографа	184
Жукова Л.В. Европейцы и русские в воспоминаниях участников «Пекинского похода»	193
Поршнева О.С. Современная историография о конструировании образа противника накануне Первой мировой войны	202
Куликова Г.Б. Бертран Рассел о советской России начала 1920-х годов	213
Черноперов В.Л. Страна восходящего солнца и ее жители в воспоминаниях советского полпреда в Токио В.Л. Коппа (по материалам АВП РФ)	226
Голубев А.В. Слухи как источник изучения внешнеполитических стереотипов советского общества 1920-х годов	236
Гордин А.А. Американская производственная культура глазами советских инженеров (конец 20-х – 30-е годы)	256
Кострикина Л.П. Становление производства на Магнитогорье глазами иностранных специалистов	265
Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска 1930-х годов в освещении американского рабочего Джона Скотта	274
Саран А.Ю. Советский тоталитаризм 1930-х годов: проблемы внешнего восприятия	285
Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты и чешское научное окружение в 1920–1930-е годы	295
Токарев В.А. «Встреча над Вислой»: немцы в восприятии участников «освободительного похода». 1939 г.	304
Григорьева О.И. Образ Германии в восприятии советских граждан накануне Великой Отечественной войны (по источникам личного происхождения)	316
Кринко Е.Ф. Эволюция образа врага: немцы в воспоминаниях детей оккупированных советских областей (1941–1944 гг.)	326

III. Россия и мир во второй половине XX – начале XXI в.

Сенявский А.С., Сенявская Е.С. СССР во Второй мировой войне в исторической памяти Запад	336
Братченко Т.М., Сенявский А.С. Англо-американские союзники СССР во Второй мировой войне: отражение в исторической памяти россиян	345

Колесникова А.Г. Проблема восприятия противника и феномен исторической памяти в контексте имагологии	355
Едемский А.Б. «Лето московское. 1964 год» М.Н. Михайлова в контексте советско-югославских отношений 1964–1965 гг.	364
Гапимова Я.Д. Факторы и особенности формирования образа Японии в советском обществе эпохи Брежнева	380
Литвиненко В.А. Афганистан и афганцы в исторической памяти российского общества: эхо войны 1979–1989 гг.	390
Бугай Н.Ф. Проблемы идентичности корейцев стран СНГ и государств Корейского полуострова	398
Хлынина Т.П. Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских альбигов в Адыгее)	408
Вусатюк О.А. Образ России в региональном, массовом и специализированном сознании Украины	419
Овчаренко О.А. Восприятие «русской эмиграции» в современной Португалии	429
Большакова А.Ю. Россия и Запад в имагологической перспективе: образ и история	436
Кондаков И.В. Глобалитет России в диалоге цивилизаций	447
Яковенко И.Г. Базовая идентичность как проблема и фактор внешнеполитического позиционирования России XIX–XXI вв.	458
Основные сокращения	468

Редактор-корректор
О.А. Пруткова

Компьютерная верстка
Н.В. Васильевой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 29.11.11. Формат 60 × 84/16 Заказ № 1
Тираж 300 экз. Общий объем 2-х частей: 30,0 п.л. 24,96 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

ISBN 978-5-8055-0231-7

9 785805 502317